АГАТА КРИСТИ

ПРИЛИВ

Agatha Christie®

Прилив
Агата Кристи

Аннотация
Агата Кристи. Прилив
Пролог
Книга первая
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12
- Глава 13
- Глава 14
- Глава 15
- Глава 16
- Глава 17

Книга вторая

Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17

Аннотация

Через несколько недель после женитьбы на привлекательной молодой вдове богач Гордон Клоуд трагически погиб, не успев составить завещание. Случайность или чей-то дьявольский план? Началась жестокая, полная хитростей и интриг схватка за наследство между молодой вдовой и родственниками миллионера. В водоворот событий оказывается втянут великий сыщик Эркюль Пуаро, которому, благодаря гениальному дару, удается найти ответ на самый сложный вопрос…

Агата Кристи
Прилив

Agatha Christie
TAKEN AT THE FLOOD

Copyright © 1948 Agatha Christie Limited. All rights reserved.

AGATHA CHRISTIE, POIROT and the Agatha Christie Signature are registered trademarks of Agatha Christie Limited in the UK and elsewhere.

All rights reserved.

Agatha Christie Roundels Copyright © 2013 Agatha Christie Limited.

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

В делах людей прилив есть и отлив.

С приливом достигаем мы успеха.

Когда ж отлив наступит, лодка жизни

По отмелям несчастий волочится.

Сейчас еще с приливом мы плывем.

Воспользоваться мы должны теченьем,

Иль потеряем груз.

У. Шекспир. Юлий Цезарь[1]

---

[1] Сноски: 1
Перевод М. Зенкевича.

Пролог

1

В каждом клубе обязательно есть свой зануда. Клуб «Коронейшн» в этом отношении не был исключением. И то, что в данный момент происходил воздушный налет, не внесло никаких изменений в его рутинный порядок.

Майор Портер, ранее служивший в Индийской армии, зашелестел газетой и откашлялся. Все старательно избегали его взгляда, но толку от этого не было никакого — он все равно заговорил:

— В «Таймс» объявлено о смерти Гордона Клоуда. Правда, весьма скромно: «5 октября, в результате вражеских военных действий». Даже адрес не указан. Вообще-то он жил совсем рядом со мной — в одном из этих больших домов в Кэмден-Хилл. Должен признаться, меня это потрясло. Вы ведь знаете — я там ответственный за противовоздушную оборону. Клоуд только что вернулся из Штатов — ездил туда по поводу государственных закупок и женился там на молодой вдове, которая ему в дочери годится. Миссис Андерхей. Я был знаком с ее первым мужем в

Нигерии.

Майор Портер сделал паузу. Никто не проявлял никакого интереса и не просил его продолжать. Все старательно прикрывались газетами, но этого было недостаточно, чтобы обескуражить майора. У него всегда имелись наготове длинные истории, в основном о людях, которых никто не знал.

— Интересно, — проговорил он, рассеянно глядя на пару остроносых лакированных туфель — тип обуви, который ему решительно не нравился. — Как отвечающий за ПВО, я должен сказать: никогда не знаешь, чего можно ожидать от этих бомб. Вот на этот раз был разрушен цокольный этаж и снесена крыша, а второй этаж практически не пострадал. В доме находились шестеро: трое слуг — супружеская пара и горничная, сам Гордон Клоуд, его жена и ее брат. Все собрались на нижнем этаже, кроме брата жены — бывшего десантника. Он предпочел комфортабельную спальню на втором этаже и в результате отделался несколькими ушибами. Трое слуг погибли сразу. Гордона Клоуда завалило — его откопали, но он умер по пути в больницу. Его жена тоже пострадала — на ней не осталось ни клочка одежды, но вроде бы она выкарабкается. Будет богатой вдовой — состояние Гордона, должно быть, пре-

вышает миллион.

Сделав очередную паузу, майор Портер поднял взгляд от лакированных туфель к полосатым брюкам, черному пиджаку, яйцевидной голове и огромным усам. Конечно, иностранец! Отсюда и туфли. «Право, — подумал он, — куда катится клуб? Даже здесь не избавишься от иностранцев!» Эта мысль не покидала его во время продолжения повествования. А тот факт, что данный иностранец, казалось, внимательно его слушает, ни в коей мере не уменьшил предубеждения майора.

— Ей вряд ли больше двадцати пяти, а она уже вторично овдовела, — сообщил он и умолк, надеясь на заинтересованные отклики слушателей. И хотя их не последовало, не угомонился: — У меня на этот счет есть кое-какие идеи. Вообще-то странная история. Как вам уже известно, я знал ее первого мужа, Андерхея. Славный парень — одно время служил комиссаром округа в Нигерии и работал добросовестно. Он женился на этой девушке в Кейптауне, куда она приехала с туристической группой. Хорошенькая, беспомощная и так далее. Послушала, как бедняга Андерхей распространялся о широких просторах в его округе, и залепетала, как это чудесно и как ей хотелось бы убежать в такое место от всех забот и хлопот. Ну и

выскочила за него замуж — избавилась от забот. Бедняга был по уши влюблен, только у них с самого начала все не заладилось. Девица ненавидела буш[2], боялась туземцев и смертельно скучала. Ее представление о жизни заключалось в беготне по кафе и театрам, а также в болтовне и сплетнях. Solitude a deux[3] в джунглях оказалось не для нее. Сам я с ней никогда не встречался — знаю об этом со слов бедняги Андерхея. Он тяжело это воспринял, однако повел себя достойно — отослал жену домой и согласился дать ей развод. Как раз после этого *я с* ним и познакомился. Андерхей пребывал в таком состоянии, когда необходимо выговориться. В некоторых отношениях он был старомодным парнем, к тому же католиком — не одобрял разводов. Помню, сказал мне: «Есть другие способы дать женщине свободу». — «Только не делайте глупостей, старина, — предупредил я его. — Ни одна женщина в мире не стоит того, чтобы пускать себе пулю в лоб».

Андерхей заверил меня, что у него и в мыслях такого нет. «Но я одинокий человек, — пожало-

---

[2] Сноски: 2

Буш — большие пространства некультивированной земли в Африке. *(Здесь и далее примеч. перев.)*

[3] Сноски: 3

Уединение вдвоем *(фр.)*.

вался он. — У меня нет родственников, которые стали бы меня оплакивать. Если появится сообщение о моей смерти, Розалин станет вдовой, а ей только того и надо». — «А как же вы?» — спросил я. «Ну, — ответил он, — возможно, где-нибудь за тысячу миль появится мистер Енох Арден[4] и начнет новую жизнь». — «В один прекрасный день у вашей жены могут возникнуть неприятности», — предостерег я его. «Нет, — возразил он. — Я буду играть честно. Роберт Андерхей никогда не воскреснет».

Ну, я больше об этом не думал, но через полгода услышал, что Андерхей умер от лихорадки где-то в буше. Сопровождавшие его туземцы вернулись с обстоятельным рассказом о последних часах своего хозяина и даже с запиской от Андерхея, которой он удостоверял, что они — особенно старший проводник — сделали для него все, что могли. Эти люди были ему преданы и поклялись бы в чем угодно, если бы он их об этом попросил. Может, Андерхей действительно похоронен где-то в Экваториальной Африке, а может, и нет. Если так, то миссис Гордон Клоуд в один прекрасный

---

[4] Сноски: 4

Енох Арден — герой одноименной поэмы Альфреда Теннисона — моряк, который вернулся домой спустя много лет и застал жену замужем за другим.

день испытает серьезное потрясение. Ну и поделом! Я никогда ее не видел, но знаю эту алчную породу! Она испортила жизнь бедняге Андерхею. Да, любопытная история…

Майор Портер огляделся вокруг в надежде на подтверждение. Но увидел только скучающие лица. Молодой мистер Меллон вовсе отвел взгляд. Лишь мсье Эркюль Пуаро проявлял вежливое внимание.

Потом зашуршала газета, и седовласый мужчина с бесстрастным лицом, молча поднявшись с кресла у камина, вышел из комнаты.

Челюсть майора отвисла, а молодой мистер Меллон негромко свистнул.

— Ну вы и влипли! — заметил он. — Знаете, кто это был?

— Боже мой, конечно, знаю! — отозвался майор Портер. — Мы с ним знакомы, хотя и неблизко. Это Джереми Клоуд — брат Гордона Клоуда. Черт возьми, как неловко! Я и понятия не имел…

— Он адвокат, — сообщил Меллон. — Держу пари, притянет вас к суду за клевету или что-нибудь в таком роде.

Самым большим удовольствием для этого молодого человека было сеять тревогу и уныние в таких местах, где такое не возбранялось законом

о защите королевства.

— Как неловко! — возбужденно повторил майор Портер.

— К вечеру об этом станет известно в Уормсли-Хит, — продолжил Меллон. — Там живут все Клоуды. Они будут допоздна обсуждать, какие следует принять меры.

В этот момент прозвучал сигнал отбоя. Меллон прекратил издеваться над майором и проводил на улицу своего друга Эркюля Пуаро.

— Ужасная атмосфера в этих клубах, — заметил он. — Жуткое сборище старых зануд, а Портер — худший из них. Его описание индийского фокуса с веревкой занимает добрых три четверти часа, к тому же он знает каждого, чья мать когда-либо проездом бывала в Пуне![5]

Это происходило осенью 1944 года. А поздней весной 1946 года Эркюлю Пуаро нанесли визит.

2

Приятным майским утром Эркюль Пуаро сидел за своим аккуратным письменным столом, когда его слуга Джордж подошел к нему и почтительно доложил:

---

[5] Сноски: 5
Пуна — город в Западной Индии.

— Вас хочет видеть леди, сэр.

— Как она выглядит? — осведомился Пуаро, поскольку всегда наслаждался скрупулезной аккуратностью описаний Джорджа.

— На вид ей можно дать от сорока до пятидесяти лет, сэр. Выглядит по-артистически неопрятно. На ней крепкие дорожные ботинки, твидовые жакет и юбка и при этом кружевная блузка. Плюс ко всему сомнительные египетские бусы и голубой шифоновый шарф.

Пуаро слегка поежился.

— Не думаю, что мне хочется ее видеть, — промолвил он.

— Сказать ей, сэр, что вам нездоровится?

Пуаро задумчиво посмотрел на него:

— Полагаю, вы уже сказали, что я занят важным делом и меня нельзя беспокоить?

Джордж кашлянул.

— Она говорит, сэр, что специально приехала из деревни и готова ждать сколько угодно.

Пуаро вздохнул:

— Никогда не следует бороться с неизбежным. Если леди средних лет, носящая поддельные египетские бусы, специально приехала из деревни, чтобы повидать знаменитого Эркюля Пуаро, ее ничто не остановит. Она будет сидеть в холле,

пока не добьется своего. Проводите ее ко мне, Джордж.

Слуга вышел и вскоре вернулся, доложив официальным тоном:

— Миссис Клоуд.

Позвякивая бусами, фигура в поношенном твидовом костюме и развевающемся шарфе двинулась к Пуаро с протянутой рукой.

— Мсье Пуаро, — заговорила женщина, — я пришла к вам по велению духов…

Пуаро быстро заморгал:

— В самом деле, мадам? Может, вы присядете и расскажете мне, как…

Больше он ничего не успел сказать.

— Обоими способами, мсье Пуаро. С помощью автоматического письма[6] и доски Уиджа[7]. Это случилось позавчера вечером. Мы с мадам Элвари (она чудесная женщина) пользовались доской и постоянно получали одни и те же инициалы — Э.П. Конечно, я не сразу поняла их значение — на это потребовалось время. Ведь в земной жизни

---

[6] Сноски: 6

Автоматическое письмо — послание духа, которое участники спиритического сеанса записывают бессознательно.

[7] Сноски: 7

Доска Уиджа — специальная доска для спиритических сеансов с алфавитом и другими знаками.

нам не дано все ясно различать с первого взгляда. Я долго ломала голову, вспоминая человека с такими инициалами и понимая, что это как-то связано с нашим предыдущим сеансом, который был очень необычным. А потом купила «Пикчер пост» (очевидно, снова по указанию духов, так как обычно я покупаю «Ньюстейтсмен»), и там оказалась статья о вашей деятельности и ваша фотография! Просто чудо, не так ли, мсье Пуаро? Все имеет свою высшую цель. Очевидно, вы избраны духами, чтобы прояснить это дело.

Пуаро задумчиво разглядывал женщину. Как ни странно, его внимание более всего привлекали проницательные светло-голубые глаза, словно придававшие смысл ее бессвязной болтовне.

— Какое дело, миссис Клоуд? — Он нахмурился. — Кажется, я когда-то уже слышал эту фамилию.

Она энергично кивнула:

— Мой бедный деверь Гордон был очень богат, его имя часто упоминалось в прессе. Он погиб во время воздушного налета года полтора тому назад — для всех нас это было страшным ударом. Мой муж — его младший брат. Он врач, доктор Лайонел Клоуд… — Женщина понизила голос. — Конечно, он понятия не имеет, что я

пришла посоветоваться с вами. Лайонел бы этого не одобрил. Врачи — ужасные материалисты. Все духовное спрятано от них за семью печатями. Они верят только в науку — а что может сделать наука?

По мнению Эркюля Пуаро, ответом на этот вопрос могло служить только подробное описание деятельности Пастера, Листера[8], упоминание о безопасной лампе Хамфри Дейви[9], удобствах электричества и еще нескольких сотен научных достижений. Но миссис Лайонел Клоуд, естественно, не нуждалась в подобном ответе. Фактически ее вопрос был чисто риторическим. Поэтому Эркюль Пуаро ограничился тем, что осведомился сугубо практичным тоном:

— Чем я могу помочь вам, миссис Клоуд?

— Вы верите в реальность духовного мира, мсье Пуаро?

— Я добрый католик, — осторожно откликнулся он.

Миссис Клоуд со снисходительной улыбкой отмахнулась от католической религии.

---

[8] Сноски: 8

Л истер Джозеф (1827–1912) — английский хирург.

[9] Сноски: 9

Дейви Хамфри (1778–1829) — английский химик, изобретатель безопасной лампы для шахтеров.

— Церковь слепа, глупа и предубеждена — она не приемлет реальности и красоты потустороннего мира.

— В двенадцать часов у меня важная встреча, — сказал Пуаро.

Замечание оказалось своевременным. Миссис Клоуд наклонилась вперед:

— Мне следовало сразу же перейти к делу. Могли бы вы, мсье Пуаро, найти исчезнувшего человека?

Брови Пуаро поползли вверх.

— В принципе это возможно, — уклончиво ответил он. — Но полиция, моя дорогая миссис Клоуд, может сделать это куда быстрее меня. К их услугам все необходимые средства.

Миссис Клоуд отмахнулась от полиции точно так же, как ранее от католической церкви.

— Нет, мсье Пуаро, духи указали мне на вас. А теперь послушайте. Мой деверь Гордон за несколько недель до смерти женился на молодой вдове — миссис Андерхей. Ее первый муж (бедное дитя, какое горе!) якобы погиб в Африке. Таинственная страна — Африка.

— Таинственный континент, — поправил Пуаро. — Возможно, вы правы. В какой именно части…

— В Центральной Африке, — прервала его она. — Обитель вуду, зомби…

— Ну, зомби скорее относятся к Вест-Индии.

— …черной магии, странных и загадочных культов, — продолжала миссис Клоуд. — Страна, где человек может исчезнуть раз и навсегда.

— Возможно, — снова согласился Пуаро. — Но то же самое относится и к Пиккадилли-Серкус[10].

Миссис Клоуд отмахнулась от Пиккадилли-Серкус.

— За последнее время, мсье Пуаро, мы дважды получали сообщение от духа, назвавшегося Робертом. Сообщение было одинаковым: «Я не умер». Мы были озадачены, так как не знали никакого Роберта. Попросив дополнительных указаний, получили следующий ответ: «Р.А., Р.А., Р.А. Передайте Р. Передайте Р.». — «Передать Роберту?» — спросили мы. «Нет, от Роберта — Р.А.». На вопрос, что означает «А.», последовал самый многозначительный ответ: «Мальчик Блу. Мальчик Блу. Ха-ха-ха!» Понимаете?

— Нет, — покачал головой Пуаро. — Не понимаю.

Она с жалостью посмотрела на него:

---

[10] Сноски: 10

Пиккадилли-Серкус — площадь в центре Лондона.

— Неужели вы не помните детский стишок «Мальчик Блу под сеном спит»? «Под сеном»[11] — теперь понятно?

Пуаро кивнул. Он воздержался от вопроса, почему дух, назвав по буквам имя Роберт, не мог сделать то же самое с фамилией Андерхей, вместо того чтобы прибегать к жаргону дешевых шпионских романов.

— А мою невестку зовут Розалин, — торжествующе закончила миссис Клоуд. — Сначала мы путались в этих бесконечных Р, но потом смысл стал абсолютно ясен: «Передайте Розалин, что Роберт Андерхей не умер».

— И вы передали ей это?

Миссис Клоуд выглядела слегка смущенной.

— Э-э… нет. Понимаете, люди склонны к скептицизму. Уверена, это относится и к Розалин. Бедная девочка может расстроиться — начать спрашивать, где он и что делает?

— Кроме того, интересоваться, кто подает голос через эфир? Странный метод сообщать, что вы живы-невредимы.

— Ах, мсье Пуаро, вы не принадлежите к посвященным. Откуда нам знать все обстоятельства?

---

[11] Сноски: 11

Английское словосочетание «под сеном» созвучно фамилии Андерхей.

Бедный капитан Андерхей (или он майор?), возможно, сейчас в плену в мрачных дебрях Африки. Но если бы можно было найти его и вернуть дорогой Розалин! Подумайте о ее счастье! О, мсье Пуаро, я пришла к вам по велению мира духов — вы не можете мне отказать!

Пуаро задумчиво посмотрел на нее.

— Мои гонорары высоки, — заметил он. — Даже очень высоки. А задача, которую вы хотите мне поручить, не из легких.

— О боже, какая жалость! Мы с мужем сейчас пребываем в крайне стесненных обстоятельствах. Причем мои долги куда больше, чем думает мой дорогой супруг. Я купила несколько акций — по указанию свыше, — но до сих пор они приносят только разочарование: за последнее время настолько обесценились, что, боюсь, продать их уже практически невозможно. — Она устремила на него испуганный взгляд голубых глаз. — Я не осмеливаюсь сообщить об этом мужу, а вам рассказываю только для того, чтобы объяснить мое положение. Но, дорогой мсье Пуаро, воссоединение мужа и жены — такая благородная миссия…

— Благородство, chere madame[12], не компен-

---

[12] Сноски: 12
Дорогая мадам *(фр.)*.

сирует расходы на путешествия по морю, воздуху и железной дороге, а также на телеграммы, международные телефонные разговоры и допросы свидетелей.

— Но если его найдут… если капитан Андерхей окажется живым и здоровым, тогда, я уверена, не возникнет никаких трудностей в смысле… э-э… вашего вознаграждения.

— Значит, он богат, этот капитан Андерхей?

— Нет, но… Одним словом, могу вас заверить, что с деньгами никаких затруднений не будет.

Пуаро медленно покачал головой:

— Сожалею, мадам, но вынужден ответить «нет».

Ему понадобилось время, чтобы заставить ее примириться с его отказом.

Когда женщина наконец ушла, Пуаро несколько минут стоял, задумчиво нахмурившись. Теперь он вспомнил разговор в клубе во время воздушного налета и понял, почему фамилия Андерхей показалась ему знакомой. Вспомнил гулкий, монотонный голос майора Портера, повествующий историю, которую никто не хотел слушать, шорох газеты, внезапно отвисшую челюсть майора и испуг на его лице…

Но сейчас его мысли занимала леди средних

лет, которая только что вышла. Рассеянный вид, болтовня о спиритизме, развевающийся шарфик, позвякивающие на шее цепочки и амулеты — и противоречащий всему этому проницательный взгляд пары светло-голубых глаз…

«Зачем она ко мне приходила? — подумал Пуаро. — И что происходит в… — он посмотрел на лежащую на столе карточку, — Уормсли-Вейл?»

Спустя пять дней он прочитал в вечерней газете краткое сообщение о смерти человека по имени Енох Арден в Уормсли-Вейл — маленькой деревушке, находящейся примерно в трех милях от популярной площадки для игры в гольф в Уормсли-Хит.

«Интересно, — снова подумал Эркюль Пуаро, — что же все-таки происходит в Уормсли-Вейл?..»

Книга первая

Глава 1

Уормсли-Хит состоит из поля для гольфа, нескольких дорогих современных вилл с окнами, выходящими на него, двух отелей, ряда магазинов, которые до войны можно было назвать роскошными, и железнодорожной станции.

Налево от станции тянется шоссе в Лондон, а направо — маленькая дорожка через поле с указателем: «Пешеходная дорога в Уормсли-Вейл».

Приютившаяся среди лесистых холмов Уормсли-Вейл — полная противоположность Уормсли-Хит. Ранее крошечный рыночный городок, она теперь превратилась в деревню. Ее главная улица состоит из зданий в георгианском стиле, нескольких пивных и крайне непрезентабельных магазинчиков, как будто деревня находится не в двадцати восьми, а в целых полутораста милях от Лондона.

Жители Уормсли-Вейл единодушно презирают растущий, словно гриб после дождя, Уормсли-Хит.

На окраинах находятся несколько более симпатичных на вид домов с приятными старомодными садами. В один из них, именуемый «Белым

домом», ранней весной 1946 года вернулась Линн Марчмонт, демобилизовавшись из Женской вспомогательной службы военно-морского флота.

На третье утро после возвращения Линн, глядя из окна своей спальни на заросший газон и вязы на лугу, радостно вдохнула воздух родных мест. Влажное пасмурное утро пахло сырой землей. Этого запаха ей так не хватало последние два с половиной года!

Чудесно снова оказаться дома, в своей маленькой спаленке, о которой она часто думала, находясь за морем. Чудесно сбросить форму, надеть твидовую юбку и джемпер, даже несмотря на то, что за годы войны над ними изрядно потрудилась моль.

Как хорошо уйти из армии и снова стать свободной женщиной! Нельзя сказать, что служба за морем не нравилась Линн. Работа была интересной, к тому же там часто устраивали забавные вечеринки, но утомительная рутина и ощущение вынужденного пребывания в стаде себе подобных иногда пробуждали желание бежать куда глаза глядят.

Душным и жарким восточным летом Линн с тоской вспоминала об Уормсли-Вейл, о ветхом, но приятном и прохладном доме и о маме.

Она любила свою мать, хотя та часто ее раздражала. Но вдали от дома оставалась только любовь, а раздражение, если о нем и вспоминалось, только усиливало тоску. Конечно, мамочка способна довести до белого каления, но что бы Линн не отдала, лишь бы снова услышать ее жалобный голос, изрекающий очередную банальность! Скорее бы вернуться домой и больше никогда и никуда не уезжать!

И вот наконец Линн демобилизовалась и свободной вернулась в «Белый дом». Она пробыла здесь всего три дня, но уже испытывала странное ощущение беспокойства и неудовлетворенности. Все было таким же, как прежде, — даже чересчур таким же: дом, мама, Роули, ферма, родственники… Однако она сама стала другой…

— Дорогая! — послышался снизу тонкий голос миссис Марчмонт. — Принести моей девочке завтрак в постель?

— Конечно, нет, — резко отозвалась Линн. — Я сейчас спущусь.

«И почему только мама называет меня «моя девочка»? — подумала она. — Это так глупо!»

Линн сбежала по ступенькам и вошла в столовую. Завтрак оказался не слишком вкусным. Она уже знала, как много времени отнимают теперь

поиски еды. Если не считать весьма ненадежной женщины, которая являлась помогать по хозяйству по утрам четыре раза в неделю, миссис Марчмонт приходилось одной и готовить, и убирать. Между тем ей было уже под сорок, когда родилась Линн, и теперь она не отличалась крепким здоровьем. Линн не без страха думала о том, как изменилось их финансовое положение. Небольшой доход, обеспечивавший им до войны вполне комфортабельное существование, теперь наполовину съедали налоги. Цены значительно возросли, и расходы вместе с ними.

«Ничего себе, прекрасный новый мир!» — мрачно подумала Линн. Ее взгляд скользил по колонкам газеты. «Бывшая служащая Женской ассоциации содействия армии и флоту ищет работу, где требуются инициатива и предприимчивость». «Бывшая сотрудница Женской вспомогательной службы ВМФ ищет место, где нужны организаторские способности».

Инициатива, предприимчивость, способность командовать — вот какие качества повсюду предлагались. Но вместо них требовались умение убирать и стряпать, печатать на машинке и стенографировать. Нужны были трудолюбивые люди, привычные к рутинной работе.

Но Линн это не привлекало. Ее будущее абсолютно ясно — брак с кузеном Роули Клоудом. Они обручились семь лет назад, незадолго до начала войны. Сколько Линн помнила себя, она собиралась замуж за Роули. Его увлечение фермерством вполне ее устраивало. Конечно, эта жизнь не так уж интересна и полна тяжелой работы, но они оба любили бывать на воздухе и возиться с животными.

Конечно, теперь их перспективы существенно изменились. Дядя Гордон всегда обещал…

Размышления Линн прервал жалобный голос миссис Марчмонт:

— Я писала тебе об этом, дорогая, — его смерть нанесла страшный удар нам всем. Гордон пробыл в Англии всего два дня. Мы даже не видели его. Если бы только он не остался в Лондоне, а приехал прямо сюда…

Да, если бы только…

Линн была потрясена, получив известие о гибели дяди, но истинный смысл происшедшего только теперь начал до нее доходить.

Насколько она помнила, в ее жизни, как и в жизни всей семьи, всегда доминировал Гордон Клоуд. Богатый и бездетный, он опекал всех своих родственников, даже Роули, который вместе со

своим другом Джонни Вэвасуром приобрел ферму. Капитал друзей был весьма невелик, но они были полны надежд и энергии. А Гордон Клоуд одобрил их начинание.

«Без капитала на ферме ничего не добьешься, — говорил он Линн. — Но прежде нужно узнать, хватит ли этим ребятам воли и решимости. Если я сразу их обеспечу, то, возможно, не узнаю этого никогда. Пускай поработают, а когда станет ясно, что у них подходящая закваска, то можешь не беспокоиться, Линн, — я полностью их финансирую. Так что не бойся за свое будущее, девочка моя. Ты как раз та жена, которая нужна Роули. Только помалкивай о том, что я тебе сказал».

Она так и делала, но Роули и сам ощущал благожелательный интерес дяди. Оставалось лишь доказать старику, что в их с Джонни предприятие можно без боязни вкладывать деньги.

Да, они все зависели от Гордона Клоуда. Не то чтобы в семье имелись паразиты или бездельники. Джереми Клоуд был старшим партнером в адвокатской фирме, а Лайонел Клоуд — практикующим врачом.

Но в повседневной жизни всегда царило успокаивающее ощущение маячивших на заднем плане денег. Им никогда не приходилось эконо-

мить и отказывать себе в чем-нибудь. Будущее было обеспечено. О них позаботится бездетный вдовец Гордон Клоуд. Он неоднократно обещал им это.

Его вдовствующая сестра Адела Марчмонт продолжала жить в «Белом доме», хотя могла бы переехать в меньшее по размеру и не требующее таких трат жилье. Линн посещала первоклассную школу. Если бы не война, она смогла бы получить любое, самое дорогостоящее образование. Благодаря поступающим с утешительной регулярностью чекам от дяди Гордона можно было позволять себе даже некоторую роскошь.

Все было устроено и обеспечено. А потом Гордон Клоуд неожиданно женился.

— Конечно, дорогая, мы все были поражены, — продолжала мать. — Никому из нас и в голову не приходило, что Гордон когда-нибудь женится снова. Как будто ему не хватало родственных связей!

«Да, — подумала Линн. — Но, может быть, этих связей было слишком много?»

— Он всегда был так добр, — не унималась миссис Марчмонт. — Хотя иногда бывал немного деспотичен. Терпеть не мог обедать на полированном столе — всегда требовал, чтобы я стелила

старомодную скатерть. Когда Гордон был в Италии, он прислал мне прекрасные скатерти из венецианских кружев.

— Этого было достаточно, чтобы с его желаниями считались, — сухо отозвалась Линн. — А как он познакомился… со второй женой? Ты никогда мне об этом не писала.

— На каком-то корабле или в самолете, кажется, возвращаясь в Нью-Йорк из Южной Америки. После стольких-то лет! И после всех секретарш, машинисток, экономок и прочих…

Линн улыбнулась. Сколько она помнила, секретарши, экономки и прочие служащие Гордона Клоуда, относящиеся к женскому полу, всегда становились объектами пристального внимания и подозрения.

— Полагаю, она красивая? — с любопытством спросила Линн.

— По-моему, у нее довольно глупое лицо, — ответила Адела.

— Ты ведь не мужчина, мама.

— Конечно, — продолжила миссис Марчмонт, — бедная девушка пострадала от бомбы, перенесла страшный шок и, по-моему, так до конца и не оправилась. Она сплошной комок нервов, а иногда выглядит просто полоумной. Не думаю,

что ей удалось бы стать достойной спутницей бедного Гордона.

Линн улыбнулась. Она сомневалась, что Гордон Клоуд женился на женщине гораздо моложе его для интеллектуального общения.

— К тому же, дорогая, — миссис Марчмонт понизила голос, — мне неприятно об этом говорить, но она, разумеется, не леди!

— Что за выражение, мама! Какое это имеет значение в наши дни?

— В деревне все еще имеет, дорогая, — невозмутимо отозвалась Адела. — Я просто хочу сказать, что она не нашего круга.

— Ах, бедняжка!

— Право, Линн, я не понимаю, что ты имеешь в виду. Мы все старались быть к ней добрыми и внимательными ради Гордона.

— Значит, она в «Фарроубэнке»? — удивилась Линн.

— Естественно. Куда же еще ей было отправиться из больницы? Врачи сказали, что ей нужно уехать из Лондона. Она в «Фарроубэнке» со своим братом.

— А что он собой представляет? — поинтересовалась Линн.

— Ужасный молодой человек! — Адела сделала

паузу и с чувством добавила: — Такой грубый!

Линн внезапно ощутила вспышку симпатии к новому родственнику. «Наверняка я тоже была бы грубой на его месте!» — подумала она.

— Как его зовут?

— Хантер, Дэвид Хантер. Кажется, он ирландец. Конечно, о таких людях нечасто слышишь. Она уже была вдова — миссис Андерхей. Не хочется быть немилосердной, но поневоле задашься вопросом: какая вдова в военное время отправилась бы в путешествие из Южной Америки? Само собой приходит в голову, что она просто подыскивала богатого мужа.

— И в таком случае своего добилась, — заметила Линн.

Миссис Марчмонт вздохнула:

— Это выглядит так необычно! Гордон всегда был проницательным человеком. А ведь его добивались многие женщины. Последняя секретарша, например, вела себя достаточно откровенно. Ему пришлось от нее избавиться, хотя она, кажется, хорошо справлялась с работой.

— Очевидно, у каждого есть свое Ватерлоо, — рассеянно промолвила Линн.

— Шестьдесят два года — опасный возраст, — заключила мать. — А война все ставит с ног на

голову. Но я не могу тебе передать, какой шок мы испытали, получив его письмо из Нью-Йорка.

— Что в нем говорилось?

— Гордон написал Франсис — не понимаю почему. Возможно, ему казалось, что благодаря своему воспитанию она лучше его поймет. Он предполагал, что мы удивимся, узнав о его браке. Все произошло внезапно, но Гордон не сомневался, что мы все очень скоро полюбим Розалин (что за театральное имя — какое-то фальшивое!). У нее якобы была очень тяжелая жизнь; ей, несмотря на молодость, пришлось через многое пройти, и просто чудесно, что она не упала духом.

— Знакомая уловка, — усмехнулась Линн.

— Конечно, о таких слышишь повсюду. Кто бы мог подумать, что Гордон, с его опытом… Но ничего не поделаешь. У нее огромные глаза — синие, словно нарисованные.

— Она привлекательная?

— Ну, безусловно, хорошенькая. Но это не та красота, которая меня восхищает.

— Как всегда, — криво усмехнулась Линн.

— Право же, мужчин невозможно понять! Даже самые уравновешенные из них совершают невероятные глупости! В письме Гордона говорилось, что мы не должны думать, будто это означает

ослабление родственных уз, он по-прежнему считал своим долгом о нас заботиться.

— И тем не менее после женитьбы не составил нового завещания? — спросила Линн.

Миссис Марчмонт покачала головой:

— Последнее завещание Гордон составил в 1940 году. Не знаю никаких подробностей, но он дал нам понять, что позаботился о нас на случай, если с ним что-нибудь произойдет. Разумеется, брак аннулировал это завещание. Полагаю, Гордон собирался составить новое, вернувшись домой, но не успел. Он погиб практически сразу же по прибытии в Англию.

— Значит, Розалин получает все?

— Да. Как я сказала, после брака прежнее завещание стало недействительным.

Линн молчала. Она была не более корыстной, чем большинство людей, но ее не могла не возмущать новая ситуация. Линн чувствовала, что все сложилось совсем не так, как планировал Гордон. Разумеется, основной капитал он оставил бы молодой жене, но, несомненно, позаботился бы и о родственниках, чью зависимость от него сам же и поощрял. Гордон всегда убеждал их ни на чем не экономить и не откладывать деньги на будущее. Она слышала, как он как-то сказал Джереми:

«Когда я умру, ты будешь богатым человеком». А ее матери часто повторял: «Не беспокойся, Адела. Ты ведь знаешь, что я всегда буду заботиться о Линн и не хочу, чтобы ты переезжала из этого дома — твоего дома. Посылай мне все счета за ремонт». Гордон поощрял фермерские занятия Роули, настоял, чтобы Энтони, сын Джереми, поступил в гвардию, и выплачивал ему солидное содержание, а также содействовал научно-медицинским изысканиям Лайонела Клоуда, которые не сулили быстрой прибыли и отвлекали его от практики.

Размышления Линн вновь прервала миссис Марчмонт, которая с дрожащими губами, драматическим жестом предъявила ей пачку счетов.

— Посмотри на это! — захныкала она. — Что мне теперь делать, Линн? Сегодня утром управляющий банка написал мне, что я превысила кредит. Не понимаю, как это могло случиться? Я была так осмотрительна! Оказалось, что мои вклады уже не дают таких процентов, как раньше, из-за роста налогов. А эти желтые бумажки — страховку от военных разрушений — волей-неволей нужно оплачивать.

Линн взяла счета и просмотрела их. Никаких лишних трат — замена шифера на крыше и про-

худившегося кипятильника на кухне, ремонт изгородей. Но все вместе они составили солидную сумму.

— Очевидно, мне придется выехать отсюда, — запричитала миссис Марчмонт. — Но куда? Нигде нет маленьких домов — их просто не существует. Мне не хочется огорчать тебя, Линн, сразу после твоего возвращения, но я просто не знаю, что делать.

Дочь задумчиво посмотрела на мать. Аделе уже пошел седьмой десяток. Она никогда не была сильной женщиной. Но во время войны ей пришлось принимать у себя беженцев из Лондона, готовить и убирать для них, работать в Женской добровольческой службе, варить джемы, помогать со школьными завтраками. В отличие от легкой довоенной жизни она трудилась по четырнадцать часов в день. Линн видела, что мать вот-вот сломается окончательно. Она устала и страшилась будущего.

Линн почувствовала, как в ней медленно закипает гнев.

— А эта Розалин не могла бы… помочь? — спросила она.

Миссис Марчмонт покраснела:

— Мы не имеем никаких прав ни на что.

— Думаю, у тебя есть моральное право, — возразила Линн. — Дядя Гордон всегда нам помогал.

Адела покачала головой:

— Не слишком приятно просить помощи у того, кто тебе не слишком нравится, дорогая. К тому же ее брат не позволит ей расстаться ни с одним пенни. — Однако героизм тут же уступил место чисто женскому коварству, и она добавила: — Если только он на самом деле ее брат!

Глава 2

Франсис Клоуд задумчиво посмотрела на мужа через обеденный стол. Ей было сорок восемь лет. Она принадлежала к тем поджарым, похожим на борзых женщинам, которым очень идут твидовые костюмы. Ее лицо без косметики, если не считать небрежно подведенных губ, еще хранило следы высокомерной красоты.

Джереми Клоуд был худощавым седовласым мужчиной шестидесяти трех лет, с сухим и бесстрастным лицом, которое этим вечером казалось вообще лишенным какого-либо выражения. Быстрый взгляд жены сразу же подметил этот факт.

Девочка лет пятнадцати сновала вокруг стола, подавая блюда и не сводя с Франсис испуганных глаз. Если та хмурилась, она едва не роняла тарелку, а при одобрительном взгляде хозяйки ее лицо сияло.

В Уормсли-Вейл с завистью говорили, что если у кого-нибудь и может появиться прислуга, так это у Франсис Клоуд. Она не подкупала ее большим жалованьем и была достаточно требовательна, но всегда одобряла усердие и так заражала энергией и напористостью, что это вносило в

работу по дому личный творческий элемент. Франсис привыкла к тому, что ее обслуживают, и воспринимала этот факт как нечто само собой разумеющееся, оценивая хорошую кухарку или горничную так же, как оценила бы хорошего пианиста.

Франсис Клоуд была единственной дочерью лорда Эдуарда Трентона, который тренировал своих лошадей неподалеку от Уормсли-Хит. Люди осведомленные восприняли банкротство лорда Эдуарда как счастливое спасение от кое-чего похуже. Ходили слухи о лошадях, которые вдруг отказывались подчиняться, о дознании, проводимом распорядителями жокей-клуба. Но лорд Эдуард сохранил свою репутацию почти незапятнанной и достиг соглашения с кредиторами, обеспечившего ему комфортабельное существование на юге Франции. Этими неожиданными благами он был обязан проницательности и стараниям своего поверенного, Джереми Клоуда. Клоуд сделал для него куда больше, чем обычно адвокат делает для клиента, вплоть до того, что предложил свое поручительство. При этом он не скрывал, что восхищается Франсис Трентон, которая, когда проблемы ее отца удачно разрешились, должным образом стала миссис Джереми Клоуд.

Как она сама к этому относилась, никто не знал. Можно было сказать лишь то, что Франсис честно выполняет условия сделки. Она была верной женой Джереми, заботливой матерью их сына, всегда отстаивала интересы мужа и никогда ни словом, ни делом не дала повода подумать, будто этот брак не являлся ее свободным выбором.

Со своей стороны семейство Клоуд испытывало огромное уважение к Франсис. Они гордились ею, считались с ее мнением, но никогда не ощущали с ней подлинно родственной близости.

Что думает о своем браке Джереми Клоуд, не было известно никому, так как никто вообще никогда не знал, что он думает или чувствует. Джереми называли сухарем, хотя его профессиональная и человеческая репутация была очень высокой. Адвокатская контора «Клоуд, Бранскилл и Клоуд» никогда не бралась за сомнительные дела. Их считали хотя и не блестящими, но вполне надежными юристами. Контора процветала, и Джереми Клоуд с женой жили в красивом георгианском доме возле рыночной площади, с большим старомодным садом позади, где грушевые деревья покрывались весной целым морем белых цветов.

Поднявшись из-за стола, супруги перешли в

комнату в задней части дома, окна которой выходили в сад. Эдна, пятнадцатилетняя служанка, принесла кофе, возбужденно дыша открытым ртом (она страдала аденоидами).

Франсис налила себе немного кофе. Он оказался крепким и горячим.

— Отлично, Эдна, — похвалила она.

Эдна покраснела от удовольствия и вышла, удивляясь вкусам хозяйки. По ее мнению, кофе должен был иметь светло-кремовый оттенок, содержать как можно больше молока и сахара.

Однако Клоуды, сидя в комнате с окнами в сад, пили черный кофе без сахара. За обедом они обменивались отрывочными замечаниями о знакомых, о возвращении Линн, о перспективах фермерства на ближайшее будущее, но теперь, оставшись наедине, оба молчали.

Франсис откинулась на спинку стула, наблюдая за мужем. Джереми чувствовал на себе ее взгляд, поглаживая правой рукой верхнюю губу. И хотя он сам этого не знал, но такой жест был характерен для него и свидетельствовал о внутреннем беспокойстве. Франсис редко видела этот жест: когда их сын Энтони в детстве серьезно болел, перед тем, как присяжные выносили вердикт, в ожидании решающего сообщения по радио перед

началом войны и, наконец, накануне возвращения Энтони в армию после отпуска.

Прежде чем заговорить, Франсис немного подумала. Их брак был счастливым, но они редко беседовали по душам, уважая сдержанность друг друга. Даже когда пришла телеграмма о гибели Энтони на фронте, никто из них не потерял самообладания.

Он вскрыл телеграмму, потом посмотрел на жену. «Это...» — начала Франсис. Он опустил голову, затем подошел и вложил телеграмму ей в руку. Некоторое время они стояли молча. Потом Джереми сказал: «Как бы я хотел помочь тебе, дорогая». — «Тебе сейчас не легче, чем мне», — ответила Франсис. Она не плакала, хотя чувствовала ужасную пустоту и боль. «Да... — кивнул Джереми, погладил ее по плечу и двинулся к двери спотыкающейся походкой. — Что тут говорить...»

Франсис была благодарна мужу за чуткость и понимание и разрывалась от жалости к нему, видя, как он внезапно превратился в старика. С потерей сына в ней что-то застыло — природная женская доброта куда-то испарилась. Она стала еще более энергичной и деловитой, и люди начали побаиваться ее беспощадного здравомыслия...

Палец Джереми Клоуда вновь нерешительно скользнул по верхней губе.

— Что-нибудь случилось, Джереми? — внезапно спросила Франсис.

Он вздрогнул, едва не уронив чашку с кофе. Потом поставил ее на поднос и посмотрел на жену:

— Что ты имеешь в виду, Франсис?

— Я спрашиваю, не случилось ли что-нибудь?

— А что могло случиться?

— Было бы глупо тратить время на догадки. Предпочитаю, чтобы ты сам мне рассказал. — Ее голос звучал сухо и деловито.

— Ничего особенного… — неуверенно произнес Джереми.

Франсис молчала, вопросительно глядя на него. Отрицание явно ее не убедило.

На какой-то момент маска непроницаемости соскользнула с лица Джереми, и Франсис едва удержалась от возгласа.

— Думаю, тебе лучше все рассказать, — спокойно заметила она.

Джереми тяжело вздохнул:

— Да, рано или поздно ты все равно узнаешь. — И, помолчав, произнес абсолютно неожиданную фразу: — Боюсь, Франсис, ты заключила неудачную сделку.

Она оставила без внимания непонятный намек — ее интересовали факты.

— Значит, дело в деньгах?

Франсис сама не знала, почему предположила это в первую очередь. Не было никаких признаков финансовых затруднений, помимо вполне естественных для нынешних времен. В конторе Джереми не хватало сотрудников, и они с трудом справлялись с делами, но такое происходило повсюду, а в прошлом месяце многие их служащие демобилизовались из армии. Конечно, Джереми мог скрывать какую-то болезнь — в последнее время он неважно выглядел и сильно уставал. Но инстинкт подсказывал Франсис, что причина в деньгах, и он ее не подвел.

Джереми молча кивнул.

— Ясно. — Франсис задумалась.

Для нее деньги не имели особого значения, но она знала, что Джереми был не способен это понять. Для него они означали стабильность, возможность выполнять обязательства, определенное место в жизни и положение в обществе.

Франсис же относилась к деньгам как к игрушке. Она родилась и росла в атмосфере финансовой неустойчивости. Бывали чудесные времена, когда лошади оправдывали ожидания, но бывали и

периоды потруднее, когда торговцы отказывали в кредите и лорду Эдуарду приходилось унизительно экономить, дабы избежать визита судебных приставов. Однажды они целую неделю жили на хлебе и воде, рассчитали всех слуг. Как-то, когда Франсис была маленькой, пристав проторчал у них целых три недели. Ей он понравился — с ним было интересно играть и слушать рассказы о его маленькой дочурке…

Если нет денег, их можно попросить или взять в долг либо уехать за границу и пожить за счет друзей и родственников…

Но, глядя на мужа, Франсис понимала, что в мире Клоудов это не пройдет. У них не принято клянчить, одалживать или жить за чужой счет. (Соответственно, не ожидается, что деньги будут просить и у вас.)

Франсис чувствовала жалость к Джереми и стыд за свою невозмутимость. Как всегда, она подошла к делу практически:

— Нам придется все продать? Конторе грозит крах?

Джереми болезненно поморщился, и Франсис поняла, что переборщила.

— Расскажи мне все, дорогой, — попросила она. — Больше я не могу отгадывать.

— Два года назад мы перенесли тяжелый кризис, — с трудом вымолвил Джереми. — Ты ведь помнишь, что молодой Уильямс сбежал, прихватив деньги. Потом возникли затруднения в связи с положением на Дальнем Востоке после Сингапура…

— Причины не имеют значения, — прервала его Франсис. — Короче говоря, ты попал в передрягу. И не смог выбраться?

— Я рассчитывал на Гордона, — признался Джереми. — Он сумел бы все уладить.

— Конечно, — вздохнула Франсис. — Я не хочу порицать беднягу — в конце концов, мужчинам свойственно терять голову из-за хорошенькой женщины. Да и почему он не мог жениться снова, если захотел? Но беда в том, что он погиб от бомбы, не успев составить новое завещание и устроить свои дела. Никто никогда не верит, что убьют именно его, — каждый считает, что бомба угодит в кого-нибудь другого!

— Смерть Гордона была для меня тяжелой утратой — я очень любил его и гордился им, — говорил Джереми. — Но, помимо этого, она обернулась для меня катастрофой. Это случилось как раз в тот момент… — Он не окончил фразу.

— Значит, мы банкроты? — тихо спросила

Франсис.

Во взгляде Джереми Клоуда мелькнуло отчаяние. Хотя его жена этого не понимала, ему было бы куда легче вынести ее страх и слезы. Холодный, практичный интерес обескуражил его полностью.

— Все обстоит куда хуже, — хрипло произнес он.

Джереми наблюдал, как Франсис размышляет над его словами. «Мне придется все ей рассказать, — думал он, — и она узнает, что я… Возможно, она этому не поверит».

Франсис вздохнула и выпрямилась в кресле.

— Понятно, — сказала она. — Растрата. Или что-нибудь вроде этого. Как в случае с молодым Уильямсом.

— Да, но на сей раз виноват я, потому что пользовался трастовыми фондами, оставленными под мою опеку. До сих пор мне удавалось заметать следы…

— Но теперь все выйдет наружу?

— Если только я не смогу быстро раздобыть деньги.

Никогда в жизни он не испытывал такого стыда. Как это воспримет Франсис? В данный момент она отнеслась ко всему абсолютно спокойно. Но

ведь Франсис никогда не ругается и не устраивает сцен.

Она нахмурилась, подперев щеку ладонью.

— Как глупо, что у меня совсем нет своих денег.

— Тебе полагаются деньги по брачному контракту, но…

— Полагаю, и эти деньги также ушли, — рассеянно промолвила Франсис.

Несколько секунд Джереми молчал.

— Мне очень жаль, Франсис, — сказал он наконец. — Не могу выразить, как мне жаль. Ты заключила неудачную сделку.

Она бросила на него резкий взгляд:

— Я это уже слышала. Что ты имеешь в виду?

— Согласившись стать моей женой, ты имела право ожидать… ну, порядочного отношения и жизни, свободной от мелочных забот, — пояснил Джереми.

Франсис посмотрела на него с искренним удивлением:

— Как по-твоему, Джереми, почему я вышла за тебя замуж?

Он криво улыбнулся:

— Ты всегда была верной и преданной женой, моя дорогая. Но я не могу льстить самому себе,

полагая, что ты вышла бы за меня при… э-э… других обстоятельствах.

Она уставилась на него и неожиданно рассмеялась:

— Какой ты забавный! Оказывается, под внешностью сухого законника скрывается сентиментальная душа! Ты в самом деле думаешь, будто я стала твоей женой в качестве платы за спасение моего отца от стаи волков в лице распорядителей жокей-клуба?

— Ты ведь очень любила отца, Франсис.

— Конечно, я любила папу! Он был очень симпатичным человеком, и с ним было интересно. Но я всегда знала, что он жуликоват. И если ты думаешь, будто я продала себя семейному адвокату, чтобы спасти его от того, что постоянно над ним висело, то ты никогда меня не понимал!

«Как странно, — думала Франсис, — можно быть замужем за человеком больше двадцати лет и не знать, какие мысли роятся у него в голове. А впрочем, как можно такое знать, если у мужа совершенно другой склад ума? Насквозь романтический, хотя этот романтизм хорошо замаскирован. Мне следовало бы о нем догадать-

ся по книгам Стэнли Уаймена[13] в его спальне. Бедный дурачок!»

— Я вышла за тебя замуж, потому что была влюблена в тебя, — сказала она.

— Влюблена? Но что ты во мне нашла?

— Не знаю, что тебе ответить, Джереми. Ты совсем не походил на папину компанию. Никогда не говорил о лошадях. Ты и понятия не имеешь, как мне надоело слушать про лошадей и про то, кто будет фаворитом в скачках на кубок Ньюмаркета! Помнишь, ты однажды вечером пришел обедать, я сидела рядом с тобой и спросила у тебя, что такое биметаллизм[14], а ты мне объяснил? Это заняло весь обед — шесть блюд, — тогда мы были при деньгах и держали повара-француза.

— Очевидно, это было невероятно скучно, — предположил Джереми.

— Напротив, очень увлекательно! До того еще никто не воспринимал меня всерьез. А ты был так вежлив, но при этом, казалось, не считал меня ни красивой, ни даже хорошенькой. Это

---

[13] Сноски: 13

Уаймен Стэнли (1855–1928) — английский писатель, автор историко-приключенческих романов.

[14] Сноски: 14

Биметаллизм — денежная система с одновременным использованием золота и серебра в качестве универсального эквивалента.

задело меня за живое. Я поклялась, что заставлю тебя обратить на меня внимание.

— Ты своего добилась, — мрачно произнес Джереми Клоуд. — В тот вечер я вернулся домой и не мог сомкнуть глаз. На тебе было голубое платье с васильками… — Последовала длительная пауза, затем Джереми откашлялся и смущенно добавил: — Все это было так давно…

Франсис быстро пришла ему на помощь:

— А теперь мы немолодая супружеская пара, которая попала в затруднительное положение и ищет выход.

— После того что ты мне сказала, Франсис, все выглядит в тысячу раз хуже. Этот позор…

Она перебила его:

— Давай поставим точки над «i». Ты чувствуешь себя виноватым, потому что нарушил закон. Тебя могут отдать под суд и отправить в тюрьму.

Джереми поморщился.

— Я не хочу, чтобы это произошло, и пойду на все, чтобы этого избежать, но не делай из меня высокоморальную особу, оскорбленную в своих лучших чувствах. Не забывай, что мою семью не назовешь высокоморальной. Мой отец, несмотря на все свое обаяние, был мошенником. Мой кузен Чарльз ничуть не лучше. Правда, дело замяли,

и вместо суда его спровадили в колонию. А мой кузен Джералд подделал чек в Оксфорде. Но он пошел на войну и был посмертно награжден крестом Виктории за отвагу. Я пытаюсь доказать тебе, что не бывает ни абсолютно плохих, ни абсолютно хороших людей. Я и себя не считаю стопроцентно честной — просто никогда не подвергалась искушению. Но чем я могу похвастаться, так это храбростью и преданностью!

— Дорогая!.. — Джереми встал и подошел к ней. Наклонившись, он коснулся губами ее волос.

— А теперь, — улыбаясь, сказала дочь лорда Эдуарда Трентона, — что же нам делать? Попытаться раздобыть где-нибудь деньги?

Лицо Джереми омрачилось.

— Не вижу, каким образом.

— Заложить дом… А, понимаю, — быстро проговорила Франсис, — он уже заложен. Конечно, ты сделал все возможное. Значит, нужно вытянуть из кого-то деньги. Вопрос в том, из кого именно? Полагаю, есть только одна возможность — черноволосая Розалин.

Джереми с сомнением покачал головой:

— Требуется очень большая сумма… А Розалин не может трогать основной капитал — он находится под опекой до конца ее дней.

— Я этого не знала. Мне казалось, она распоряжается им полностью. А что произойдет после ее смерти?

— Капитал перейдет к ближайшим родственникам Гордона — иными словами, будет поделен между мной, Лайонелом, Аделой и сыном Мориса Роули.

— То есть перейдет к нам… — медленно произнесла Франсис и умолкла.

В комнате, казалось, внезапно повеяло холодом. Затем она продолжила:

— Ты мне этого не говорил. Я думала, деньги перешли к ней целиком и полностью и она может оставить их кому пожелает.

— Нет. Согласно статуту от 1925 года, касающемуся наследства при отсутствии завещания…

Сомнительно, чтобы Франсис внимательно слушала его объяснение.

— Едва ли это затрагивает нас лично, — заметила она, когда он умолк. — Мы умрем значительно раньше, чем Розалин достигнет пожилого возраста. Сколько ей лет? Двадцать пять — двадцать шесть? Она запросто может дожить до семидесяти.

— Мы могли бы попросить у нее в долг, как у родственницы, — неуверенно предположил

Джереми. — Возможно, она великодушная девушка — мы ведь мало о ней знаем…

— Тем более что мы были с ней достаточно любезны в отличие от Аделы, — добавила Франсис.

— Только не должно быть и намека на… э-э… подлинную причину, — предупредил ее муж.

— Разумеется, — с раздражением откликнулась Франсис. — Беда в том, что нам придется иметь дело не с ней самой. Она полностью под каблуком своего братца.

— Весьма несимпатичный молодой человек, — заметил Джереми Клоуд.

Франсис неожиданно улыбнулась:

— Вовсе нет. Он очень привлекательный. Хотя, по-моему, не всегда разборчив в средствах. Но то же самое относится и ко мне. — Ее улыбка стала жесткой. Она посмотрела на мужа. — Мы не должны сдаваться, Джереми. Нужно обязательно найти какой-то выход — даже если мне придется ограбить банк!

Глава 3

— Опять деньги! — воскликнула Линн.

Роули Клоуд кивнул. Это был высокий широкоплечий молодой человек с загорелым лицом, задумчивыми голубыми глазами и очень светлыми волосами. Его медлительность выглядела скорее намеренной, нежели природной. В тех случаях, когда многие не лезли бы за словом в карман, он всегда предпочитал сначала подумать.

— Да, — отозвался Роули. — В наши дни, кажется, все сводится к деньгам.

— Но я думала, фермеры преуспевали во время войны.

— Да, но ведь это не может продолжаться вечно. Через год все вернется на прежнее место. Оплата труда растет, работников не найдешь днем с огнем, все недовольны, и никто не знает, что делать, — если, конечно, не можешь фермерствовать на широкую ногу. Старый Гордон это предвидел и собирался вмешаться.

— А теперь? — спросила Линн.

Роули усмехнулся:

— А теперь миссис Гордон едет в Лондон и тратит пару тысяч на норковое манто.

— Это… это несправедливо!

— Да нет… — Помедлив, он добавил: — Я бы хотел купить тебе норковое манто, Линн.

— Как она выглядит, Роули? — Линн хотелось услышать мнение человека своего возраста.

— Вечером сама увидишь — на приеме у дяди Лайонела и тети Кэти.

— Да, знаю. Но я хочу, чтобы ты мне рассказал. Мама говорит, что она полоумная.

Роули задумался.

— Ну, я бы не сказал, что интеллект — ее сильная сторона. Но думаю, она только выглядит полоумной, потому что стесняется.

— Стесняется? Чего?

— Многого. В основном, очевидно, своего ирландского акцента. Боится, что возьмет вилку не в ту руку или не поймет какой-нибудь литературной ассоциации.

— Значит, она… ну, необразованная?

Роули снова усмехнулся:

— Ну, она не леди, если ты это имеешь в виду. У нее красивые глаза, приятный цвет лица и на редкость простодушный вид — полагаю, старый Гордон на это и клюнул. Не думаю, что это напускное, хотя, конечно, кто знает? Она выглядит абсолютно безвольной и во всем подчиняется

Дэвиду.

— Дэвиду?

— Это ее брат. По-моему, на нем пробу негде ставить. — Сделав паузу, Роули сказал: — Мы ему не слишком нравимся.

— А почему мы должны ему нравиться? — резко осведомилась Линн и добавила, когда он удивленно посмотрел на нее: — Я имею в виду, что тебе ведь он не нравится.

— Безусловно. И тебе тоже не понравится. Он не из нашего теста.

— Откуда ты знаешь, кто мне понравится, а кто нет? За эти три года я многое повидала. Думаю, мой кругозор расширился.

— Что верно, то верно — ты повидала больше меня.

Роули произнес это абсолютно спокойно, но Линн внимательно на него посмотрела, чувствуя, что за этим спокойствием что-то кроется.

Он не отвел взгляда, на его лице не отразилось никаких эмоций. Линн вспомнила, что никогда не могла прочитать мысли Роули.

В мире все шиворот-навыворот, подумала она. Обычно мужчины уходили на войну, а женщины оставались дома. Но у них получилось совсем наоборот.

Один из двоих молодых людей — Роули Клоуд или Джонни Вэвасур — должен был остаться на ферме. Они бросили жребий, и Джонни выпало отправляться на фронт. Он почти сразу же погиб в Норвегии. Роули же за все годы войны ни разу не был дальше двух миль от дома.

А Линн побывала в Египте, в Северной Африке, на Сицилии. Она не раз попадала под огонь. И в итоге вернулась с войны к Роули, который оставался дома…

Внезапно Линн подумала: а вдруг ему это неприятно? И нервно усмехнулась:

— Иногда кажется, будто все перевернулось вверх дном, верно?

— Не знаю. — Роули рассеянно посмотрел в сторону поля. — Зависит от точки зрения.

— Роули… — Она колебалась. — Ты не расстраиваешься… я имею в виду, из-за Джонни…

Его холодный взгляд заставил ее умолкнуть.

— Оставь Джонни в покое! Война кончилась — мне повезло!

— Ты хочешь сказать… — Линн запнулась, — повезло, потому что тебе не пришлось…

— Разве это не удача?

Она не знала, как реагировать на его слова. В спокойном голосе Роули слышались нотки раз-

дражения.

— Конечно, — проговорил он с улыбкой, — девушке из армии будет нелегко сидеть дома.

— Не говори глупости, Роули, — сердито одернула его Линн.

Почему она сердится? Не потому ли, что в его шутке есть некоторая доля правды?

— Ну, — промолвил Роули, — полагаю, мы можем поговорить о свадьбе. Если, конечно, ты не передумала.

— Разумеется, нет. Почему я должна была передумать?

— Кто знает? — рассеянно протянул он.

— Ты имеешь в виду, что я... — Линн помедлила, — изменилась?

— Не слишком.

— А может быть, ты передумал?

— Ну нет. Я-то не изменился. На ферме вообще мало что меняется.

— Хорошо, — сказала Линн, чувствуя, что напряжение несколько разрядилось. — Тогда давай поженимся. Когда бы ты хотел?

— Июнь тебя устроит?

— Да.

Они замолчали. Все было решено. Тем не менее Линн ощущала странное уныние. Хотя Роули был

таким же, как всегда, — сдержанным и не склонным к эмоциям, но любящим и преданным. Они всегда любили друг друга, хотя почти не говорили об этом. Так зачем же говорить о любви сейчас?

В июне они поженятся, станут жить в «Плакучих ивах» (ей всегда нравилось это название), и больше она никуда не уедет. Не уедет в том смысле, какой имели для нее эти слова теперь. Возбуждение, когда убирают трап и команда снует по палубе… Волнение, когда самолет взмывает к небу, а земля остается внизу… Незнакомый берег, постепенно приобретающий очертания… Запах горячей пыли, керосина и чеснока, бойкая болтовня на иностранных языках… Красные пуансеттии — причудливые цветы, гордо возвышающиеся в покрытых пылью садах… Быстрая упаковка вещей, не зная, где придется распаковывать их в следующий раз…

Теперь все это позади. Война кончилась, Линн Марчмонт вернулась домой. «Моряк из морей вернулся домой…»[15] «Но я уже не та Линн, которая уезжала отсюда», — подумала она.

Подняв взгляд, Линн увидела, что Роули наблюдает за ней.

---

[15] Сноски: 15

Строка из стихотворения Р. Л. Стивенсона «Завещание». *(Пер. А. Сергеева.)*

Глава 4

Приемы у тети Кэти почти всегда проходили одинаково. В них ощущалось нечто торопливое и неумелое, что было характерно и для самой хозяйки дома. Доктор Клоуд выглядел так, будто с трудом сдерживал раздражение. Он был неизменно вежлив с гостями, но они чувствовали, что эта вежливость дается ему нелегко.

Внешне Лайонел Клоуд походил на своего брата Джереми. Он был таким же седым и худощавым, но не обладал невозмутимостью, свойственной адвокату. Нервозность и раздражительность доктора Клоуда отталкивали многих пациентов, делая их нечувствительными к его знаниям и опыту. По-настоящему Лайонела интересовали только научные исследования, а его хобби было использование лекарственных растений. Обладая педантичным умом, он с трудом терпел причуды жены.

Линн и Роули называли миссис Джереми Клоуд Франсис, но миссис Лайонел Клоуд именовали «тетя Кэти». Они любили ее, хотя считали смешной и нелепой.

Прием, устроенный по случаю возвращения

Линн, был всего лишь семейным сборищем.

Тетя Кэти с любовью приветствовала племянницу:

— Ты так загорела, дорогая. Наверно, в Египте. Ты прочитала книгу о пророчествах пирамид, которую я послала тебе? Так интересно! Это все объясняет, не правда ли?

Линн избавило от ответа появление миссис Гордон Клоуд и ее брата Дэвида.

— Розалин, это моя племянница, Линн Марчмонт.

Линн, скрывая любопытство, посмотрела на вдову Гордона Клоуда.

Да, девушка, которая вышла замуж за старого Гордона Клоуда из-за его денег, была хорошенькой и выглядела простодушной, как говорил Роули. Черные волнистые волосы, темно-голубые ирландские глаза, полураскрытые губы…

Все остальное было в высшей степени дорогим — платье, драгоценности, наманикюренные руки, меховая накидка. Обладая изящной фигуркой, она тем не менее не умела носить дорогую одежду так, как носила бы ее Линн Марчмонт, если бы ей представилась такая возможность. «Но она никогда тебе не представится!» — шепнул ей внутренний голос.

— Здравствуйте, — произнесла Розалин Клоуд и добавила, неуверенно повернувшись к стоящему рядом мужчине: — Это… это мой брат.

Дэвид Хантер тоже поздоровался. Это был худощавый молодой брюнет с темными глазами, дерзким и вызывающим лицом.

Линн сразу поняла, почему он так не нравится всем Клоудам. За рубежом она не раз встречала мужчин такого типа — бесшабашных и довольно опасных. На них невозможно полагаться — они сами устанавливали для себя законы и плевать хотели на всю Вселенную. Такие люди многого стоили в бою, но, не находясь на линии огня, доводили своих командиров до белого каления.

— Вам нравится жить в «Фарроубэнке»? — обратилась Линн к Розалин Клоуд.

— По-моему, дом просто чудесен, — ответила та.

— Бедняга Гордон неплохо устроился, — с усмешкой произнес Дэвид Хантер. — Он не жалел расходов.

Это соответствовало действительности. Когда Гордон решил обосноваться в Уормсли-Вейл — точнее, проводить здесь малую часть своей деловой жизни, — он построил себе новый дом, будучи слишком большим индивидуалистом,

чтобы жить в здании, насыщенном духом предыдущих обитателей.

Гордон нанял молодого модного архитектора и дал ему карт-бланш. Половина жителей Уормсли-Вейл считала «Фарроубэнк» чудовищным сооружением: прямоугольные очертания, встроенная мебель, скользящие двери, стеклянные столы и стулья приводили их в ужас. Только ванные вызывали искреннее восхищение.

На лице Розалин был написан благоговейный восторг. Усмешка Дэвида заставила ее покраснеть.

— Вы демобилизовались из Женской вспомогательной службы, верно? — спросил Дэвид у Линн.

— Да.

Он скользнул по ней оценивающим взглядом, и она почувствовала, что краснеет.

Неизвестно откуда появилась тетя Кэти. У нее был дар материализоваться из пустоты — возможно, она научилась этому трюку на многочисленных спиритических сеансах.

— Ужин подан, — слегка запыхавшись, возвестила тетя Кэти и добавила как бы между прочим: — Думаю, лучше называть это ужином, чем обедом, чтобы не обманывать ничьих ожи-

даний. С продуктами стало так трудно. Мэри Луис говорит, что каждую неделю дает торговцу рыбой лишние десять шиллингов. По-моему, это аморально.

Лайонел тем временем разговаривал с Франсис Клоуд.

— Ну-ну, Франсис, — сказал он с нервным смешком. — Никогда не поверю, что ты в самом деле так думаешь… Пошли за стол.

Они направились в довольно убогую столовую — Джереми и Франсис, Лайонел и Кэтрин, Адела, Линн и Роули. Семейство Клоуд — и двое посторонних. Ибо Розалин, хотя и носила ту же фамилию, не стала в отличие от Франсис и Кэтрин настоящей Клоуд.

Она была здесь чужой и поэтому нервничала. А Дэвид… Дэвид выглядел изгоем — причем не только в силу необходимости, но и по собственному выбору. Линн размышляла об этом, садясь за стол.

Воздух был насыщен какими-то сильными эмоциями, подобными электрическому току. Неужели это ненависть? Во всяком случае, нечто разрушительное.

«Злоба и неприязнь ощущаются повсюду, — внезапно подумала Линн. — Я чувствую их с тех

пор, как вернулась домой. Очевидно, это последствия войны. В поездах, в автобусах, в магазинах, среди клерков и даже фермеров. Полагаю, на заводах и шахтах еще хуже. Но здесь не просто злоба — она имеет конкретную причину. Неужели мы так ненавидим этих чужаков, забравших то, что мы считали своим? Нет — во всяком случае, пока что. Скорее всего, они ненавидят нас!»

Открытие так ее потрясло, что она принялась молча о нем размышлять, не замечая сидящего рядом Дэвида Хантера.

— Вы о чем-то задумались? — спросил он вскоре.

Его голос был добродушно-насмешливым, но Линн почувствовала угрызения совести. Чего доброго, он подумает, что у нее дурные манеры.

— Простите, — извинилась она. — Я думала о том, во что превратился мир.

— Как удручающе неоригинально! — холодно заметил Дэвид.

— Да, верно. Мы все стали слишком серьезными. И кажется, пользы от этого никакой.

— По-моему, куда практичнее стремиться к вреду, чем к пользе. За последние несколько лет мы придумали несколько удобных приспособлений

для этой цели, включая piece de resistance[16] — атомную бомбу.

— Об этом я и думала… О, я имею в виду не атомную бомбу, а злобу — холодную и практичную.

— Злобы в мире хоть отбавляй, — согласился Дэвид, — а вот что касается практичности… По-моему, ее было куда больше в Средние века.

— О чем вы?

— О черной магии, восковых фигурках, колдовстве в полнолуние, чтобы навести порчу на соседское стадо или на самого соседа.

— Неужели вы верите в черную магию? — удивилась Линн.

— Возможно, нет, но в старину люди хотя бы старались причинить зло. А теперь… — Он пожал плечами. — Вам и вашей семье не хватит всей злобы мира, чтобы повредить Розалин и мне, верно?

Линн вздрогнула. Внезапно ей захотелось смеяться.

— Сейчас для этого немного поздновато, — вежливо заметила она.

Дэвид Хантер расхохотался. Казалось, разговор забавляет и его.

---

[16] Сноски: 16
Главное блюдо *(фр.)*.

— Вы имеете в виду, что мы уже улизнули с добычей? Да, теперь к нам не подкопаешься.

— И это доставляет вам удовольствие?

— Куча денег? Разумеется.

— Я имею в виду не только деньги, но и нас.

— То, что мы одержали над вами верх? Ну, возможно. Ведь вы все не сомневались, что денежки старика практически у вас в кармане.

— Не забывайте, что нас годами приучали к этой мысли, — напомнила Линн. — Уговаривали не экономить, не думать о будущем, поощряли всевозможные планы и проекты.

«Вроде Роули с его фермой», — подумала она.

— Вас не приучили только к одному, — усмехнулся Дэвид.

— К чему?

— К тому, что на свете все непостоянно.

— Линн, — окликнула ее тетя Кэтрин, сидящая во главе стола. — Один из духов миссис Лестер — жрец периода четвертой династии. Он рассказал нам удивительные вещи! Мне нужно с тобой поговорить о Египте. Я уверена, он повлиял на твою психику.

— У Линн есть занятия поинтереснее, чем играть в эту суеверную чушь, — резко заметил доктор Клоуд.

— Ты просто предубежден, Лайонел, — вздохнула его жена.

Линн улыбнулась тете и некоторое время сидела молча. В ее ушах все еще звучали слова Дэвида: «На свете все непостоянно…»

Некоторые люди живут в таком мире — для них все чревато риском. К ним принадлежал и Дэвид Хантер. Это был не тот мир, в котором росла Линн, но тем не менее он чем-то привлекал ее.

Вскоре Дэвид с усмешкой осведомился:

— Мы с вами еще не в ссоре? Можем продолжать разговор?

— Конечно.

— Отлично. Вы по-прежнему злитесь на нас с Розалин за то, что мы завладели состоянием неправедным путем?

— Да, — решительно ответила Линн.

— Превосходно. И что же вы намерены делать?

— Купить немного воска и заняться черной магией.

Дэвид рассмеялся:

— Ну нет, это не для вас. Вы не из тех, кто полагается на устаревшие методы. Ваши методы будут вполне современными и, возможно, весьма эффективными. Но вам не удастся победить.

— Почему вы думаете, что будет война? Разве

мы не смирились с неизбежным?

— Вы все ведете себя безупречно. Это очень забавно.

— За что вы нас так ненавидите? — тихо спросила Линн.

В темных бездонных глазах что-то блеснуло.

— Вряд ли я сумею вам объяснить.

— Думаю, что сумеете.

Несколько секунд Дэвид молчал, затем осведомился беспечным тоном:

— Почему вы собираетесь замуж за Роули Клоуда? Он ведь форменная дубина.

— Как вы можете так говорить? — резко отозвалась Линн. — Вы ведь ничего о нем не знаете.

— Что вы думаете о Розалин? — тем же тоном задал вопрос Дэвид.

— Она очень красива.

— И это все?

— Она не выглядит довольной жизнью.

— Верно, — согласился Дэвид. — Розалин не блещет умом. Она вечно всего боялась. Плывет по течению, а потом не знает, что ей делать. Рассказать вам о ней?

— Если хотите, — вежливо промолвила Линн.

— Хочу. Сначала течение занесло ее на сцену, где она, разумеется, не достигла особых успехов.

Розалин присоединилась к третьеразрядной труппе, отправлявшейся тогда на гастроли в Южную Африку. В Кейптауне труппа осталась без средств к существованию. Потом Розалин выскочила замуж за правительственного чиновника из Нигерии. Нигерия ей не нравилась — и муж, по-моему, тоже. Если бы он был крепким парнем, выпивал и ее поколачивал, думаю, все было бы в порядке. Но он оказался интеллектуалом, державшим в африканской глуши большую библиотеку и любившим рассуждать на философские темы. Поэтому Розалин поплыла назад в Кейптаун. Муж обошелся с ней достойно и выделил ей недурное содержание. Не знаю, дал ли бы он ей развод, так как был католиком, но, к счастью, умер от лихорадки. Розалин получила маленькую пенсию. Затем началась война, и течение занесло ее на корабль в Южную Америку. Там ей тоже не понравилось, но она попала на другой корабль, где познакомилась с Гордоном Клоудом и которому поведала о своей печальной жизни. Они поженились в Нью-Йорке и жили счастливо две недели, после чего его убило бомбой, а Розалин достались большой дом, куча драгоценностей и солидный доход.

— Приятно, что у этой истории такой счастли-

вый конец, — заметила Линн.

— Да, — кивнул Дэвид Хантер. — У Розалин нет ни капли ума, но ей всегда везло. Гордон Клоуд был крепким стариком. Ему было шестьдесят два, и он запросто мог протянуть лет двадцать или еще больше. Для Розалин это было бы не слишком весело, не так ли? Когда она вышла за него замуж, ей было двадцать четыре года, а сейчас только двадцать шесть.

— Она выглядит еще моложе, — сказала Линн.

Дэвид посмотрел на сидящую с другой стороны Розалин Клоуд. Она крошила хлеб, словно нервный ребенок.

— Пожалуй, — задумчиво произнес он. — Очевидно, причина в полном отсутствии ума.

— Бедняжка! — вырвалось у Линн.

Дэвид нахмурился.

— Нечего ее жалеть, — отрезал он. — Я позабочусь о Розалин.

— Надеюсь.

— А если кто-нибудь попробует ее обидеть, ему придется иметь дело со мной! Я знаю много способов вести войну — некоторые из них не вполне традиционные.

— Теперь мне предстоит выслушать вашу биографию? — холодно спросила Линн.

— В очень сокращенной редакции. — Он улыбнулся. — Когда началась война, я не считал себя обязанным сражаться за Англию — ведь я ирландец. Но мне, как всем ирландцам, нравится драка. Меня привлекала служба в десантных войсках — я неплохо позабавился, но был отчислен после тяжелого ранения в ногу. Потом поехал в Канаду, где какое-то время тренировал ребят. Я болтался без дела, когда получил из Нью-Йорка телеграмму от Розалин, в которой она сообщала, что выходит замуж. В телеграмме не говорилось, что там есть чем поживиться, но я умею читать между строк. Я прилетел в Нью-Йорк, приклеился к счастливой паре и вернулся с ними в Лондон. И теперь… — Он дерзко улыбнулся. — «Моряк из морей вернулся домой». Это про вас. А «Охотник с гор вернулся домой» — это про меня…[17] В чем дело?

— Ни в чем, — ответила Линн.

Она поднялась вместе с остальными. Когда они перешли в столовую, Роули сказал ей:

— Ты, кажется, нашла общий язык с Дэвидом Хантером. О чем вы говорили?

— Ни о чем особенном, — отозвалась Линн.

---

[17] Сноски: 17
Игра слов: **Хантер** — охотник *(англ.).*

Глава 5

— Дэвид, когда мы вернемся в Лондон? Когда мы уедем в Америку?

Завтракавший вместе с Розалин Дэвид Хантер с удивлением посмотрел на нее.

— Куда нам спешить? Чем тебе здесь плохо? Он окинул быстрым взглядом комнату, где они сидели. «Фарроубэнк» построили на склоне холма, и из окон открывался вид на безмятежную панораму сонной английской деревни. На лужайке были посажены тысячи бледно-желтых нарциссов, которые уже почти отцвели, но золотистое покрывало еще оставалось.

Кроша в тарелку кусочек тоста, Розалин пробормотала:

— Ты обещал, что мы скоро поедем в Америку.

— Да, но это не так легко устроить. Существует очередность. У нас нет никаких особых деловых оснований. После войны все движется с трудом.

Дэвида раздражали собственные слова. Названные им причины были вполне реальными, но выглядели предлогом. Его интересовало, казались ли они таковым сидящей напротив девушке? И почему ей внезапно так приспичило

ехать в Америку?

— Ты сказал, что мы пробудем тут недолго, — настаивала Розалин. — Ты не говорил, что мы собираемся здесь поселиться.

— Чем тебе не по душе Уормсли-Вейл и «Фарроубэнк»?

— Ничем. Это все они…

— Клоуды?

— Да.

— В этом-то как раз самый смак, — сказал Дэвид. — Приятно смотреть на их самодовольные физиономии и видеть, как их гложут зависть и злоба. Не порть мне удовольствие, Розалин.

— Я не хочу, чтобы ты так говорил, — с тревогой произнесла она. — Мне это не нравится.

— Не вешай нос, дорогая! Нами достаточно помыкали. А Клоуды существовали беззаботно за счет братца Гордона — маленькие мухи присосались к большой. Всегда ненавидел эту породу.

— Нельзя ненавидеть людей, — возразила шокированная Розалин. — Это грешно.

— По-твоему, Клоуды тебя не ненавидят? Они были добры к тебе?

— Они не причинили мне никакого вреда, — с сомнением отозвалась Розалин.

— Но с радостью бы это сделали, малышка. —

Он рассмеялся. — Если бы они не так дрожали за собственную шкуру, тебя однажды утром нашли бы с ножом в спине.

Она поежилась:

— Не говори такие ужасные вещи.

— Ну, может быть, это был бы не нож, а стрихнин в супе.

Розалин уставилась на него, ее губы дрожали.

— Ты шутишь…

Дэвид вновь стал серьезным:

— Не бойся, Розалин. Я о тебе позабочусь. Им придется иметь дело со мной.

— Если это правда, — запинаясь, спросила она, — что они ненавидят нас… ненавидят меня… то почему бы нам не уехать в Лондон? Там мы были бы в безопасности — вдали от них.

— Деревня тебе на пользу, девочка. Ты ведь знаешь, что в Лондоне тебе становится хуже.

— Это было, когда его бомбили… — Розалин задрожала и закрыла глаза. — Я никогда этого не забуду…

— Еще как забудешь! — Дэвид осторожно взял ее за плечи и слегка встряхнул. — Выбрось это из головы, Розалин. Ты была контужена, но теперь все кончено. Бомб больше нет. Не думай о них. Доктор сказал, что сельская жизнь и деревенский

воздух пойдут тебе на пользу. Вот почему я держу тебя подальше от Лондона.

— В самом деле? А я подумала…

— Что ты подумала?

— Что ты хочешь быть здесь из-за нее, — медленно сказала Розалин.

— Из-за нее?

— Ты знаешь, о ком я. О той девушке, которая служила в армии.

Лицо Дэвида внезапно стало суровым.

— Линн Марчмонт?

— Она что-то значит для тебя, Дэвид?

— Линн — невеста этого тупоголового бычка, Роули.

— Я видела, как ты разговаривал с ней тем вечером.

— Ради бога, Розалин…

— И ты ведь встречался с ней после этого, не так ли?

— Я столкнулся с ней возле фермы однажды утром, когда ездил верхом.

— И будешь сталкиваться снова.

— Конечно, буду! Это крошечная деревушка. Тут шагу нельзя ступить, чтобы не наткнуться на кого-нибудь из Клоудов. Но если ты думаешь, что я влюбился в Линн Марчмонт, то ты ошибаешься.

Она заносчивая и неприятная девица со злым языком. Пускай Роули с ней справляется. Нет, Розалин, она не в моем вкусе.

— Ты уверен, Дэвид? — с сомнением спросила девушка.

— Конечно, уверен.

— Я знаю, ты не любишь, когда я гадаю на картах, — робко проговорила Розалин. — Но они говорят правду. Карты сказали, что девушка, приехавшая из-за моря, принесет нам несчастье. Потом в нашу жизнь войдет незнакомый брюнет — он тоже грозит бедой. Еще выпала карта, означающая смерть, и…

— Ох уж эти мне незнакомые брюнеты! — Дэвид рассмеялся. — Советую тебе держаться от них подальше. Сколько же в тебе суеверий! — Продолжая смеяться, он направился к двери, но, выйдя из дома, нахмурился и пробормотал: — Черт бы тебя побрал, Линн! Вернулась из-за моря и расстроила все планы. — Дэвид понимал, что намеренно идет туда, где надеялся встретить девушку, которую только что проклинал.

Розалин наблюдала, как он шагал по саду к калитке, выходящей на дорожку через поле. Потом она поднялась к себе в спальню и стала перебирать одежду в гардеробе. Ей нравилось трогать

новое норковое манто — она и представить себе не могла, что у нее когда-нибудь будет такое. Розалин все еще была в спальне, когда горничная сообщила, что пришла миссис Марчмонт.

Адела сидела в гостиной, поджав губы. Ее сердце колотилось вдвое быстрее обычного. Она уже несколько дней пыталась заставить себя обратиться за помощью к Розалин, но со свойственной ей нерешительностью откладывала этот момент. А еще ее удерживало то, что отношение Линн внезапно изменилось. Теперь она категорически возражала против того, чтобы ее мать просила взаймы у вдовы Гордона.

Однако очередное письмо от управляющего банком, пришедшее этим утром, побудило миссис Марчмонт к решительным действиям. Больше мешкать было нельзя. Линн рано ушла из дому, и миссис Марчмонт видела идущего по полю Дэвида Хантера. Путь был свободен. Она хотела застать Розалин одну, справедливо рассудив, что в отсутствие брата с девушкой будет куда легче иметь дело.

Тем не менее миссис Марчмонт ужасно нервничала, ожидая в солнечной гостиной. Впрочем, ей стало немного легче, когда вошла Розалин, выглядевшая, как показалось миссис Марчмонт,

еще более «полоумной», чем обычно. «Интересно, — подумала она, — это у нее после бомбежки или она всегда была такой?»

— Д-доброе утро, — запинаясь, поздоровалась Розалин. — Пожалуйста, садитесь.

— Какой прекрасный день, — отозвалась Адела. — Взошли все мои ранние тюльпаны. А ваши?

Девушка рассеянно посмотрела на нее:

— Не знаю.

«Как вести себя с человеком, — думала миссис Марчмонт, — с которым нельзя говорить ни о садоводстве, ни о собаках — опорных пунктах всех сельских бесед?»

— Конечно, — заметила она, не сумев удержаться от язвительных ноток, — у вас так много садовников. Они за всем следят.

— Старый Маллард говорит, что ему нужны еще два помощника. Но рабочих рук по-прежнему не хватает.

Казалось, это ребенок повторяет слова, которые слышал от взрослых.

Она и впрямь походила на ребенка. «Не в этом ли, — думала Адела, — заключается ее очарование? Не это ли привлекало проницательного бизнесмена Гордона Клоуда, сделав его слепым

к ее глупости и отсутствию воспитания? Едва ли все дело было только во внешности. В конце концов, много красивых женщин безуспешно добивались его внимания».

Но детская наивность могла привлечь шестидесятидвухлетнего мужчину. Была ли эта наивность подлинной или это всего лишь поза, оказавшаяся прибыльной и ставшая ее второй натурой?

— Боюсь, Дэвида сейчас нет… — сообщила Розалин. Это привело в чувство миссис Марчмонт. Не следует упускать шанс — ведь Дэвид может вернуться. Слова застревали у нее в горле, но она заставила себя их произнести:

— Не могли бы вы мне помочь?

— Помочь? — Розалин выглядела удивленной и озадаченной.

— Понимаете… все очень осложнилось… Смерть Гордона многое изменила для всех нас…

«Что ты пялишься на меня, как идиотка? — с тоской подумала миссис Марчмонт. — Ты отлично знаешь, что я имею в виду! В конце концов, ты сама была бедной…»

В этот момент она искренне ненавидела Розалин. Ненавидела за то, что ей, Аделе Марчмонт, приходится сидеть здесь и выклянчивать деньги.

Как же это нелегко!

Буквально за минуту ей вспомнились долгие часы беспокойных размышлений и неопределенных планов. Продать «Белый дом»? Но куда ей переехать? Ведь приобрести маленький, а тем более дешевый дом невозможно. Принимать у себя постояльцев? Но прислугу не сыщешь днем с огнем, а она в одиночку не справится с хозяйством и стряпней. Если бы ей помогала Линн — но Линн собирается замуж за Роули. Жить с Линн и Роули? Нет, она никогда на это не пойдет! Найти работу? Но какую? Кому нужна утомленная пожилая женщина, не имеющая специального образования?

Миссис Марчмонт услышала собственный голос. Он звучал воинственно, потому что она презирала себя:

— Я имею в виду деньги.

— Деньги? — переспросила Розалин. В ее голосе слышалось искреннее удивление, как будто о деньгах она ожидала услышать в последнюю очередь.

Адела продолжила, с трудом выжимая из себя каждое слово:

— Я превысила кредит в банке и должна оплатить счета за ремонт в доме, а проценты мне еще не выплатили… Понимаете, мой доход умень-

шился вдвое… Очевидно, это из-за налогов… Раньше нам помогал Гордон — оплачивал ремонт крыши, окраску стен и все прочее… К тому же он выделял нам содержание — раз в квартал клал деньги в банк… Пока он был жив, все было в порядке, а теперь… — Адела умолкла. Она ощущала стыд, смешанный с облегчением. В конце концов, худшее позади. Если девушка откажет, то ничего не поделаешь.

Розалин выглядела смущенной.

— О боже, — растерянно пробормотала она. — Право, не знаю… Я никогда не думала… Конечно, я попрошу Дэвида…

Вцепившись в подлокотники стула, Адела решительно произнесла:

— А не могли бы вы сразу дать мне чек?

— Да… наверно, могла бы…

Розалин поднялась и с неуверенным видом подошла к письменному столу. Порывшись в ящиках, она наконец извлекла чековую книжку.

— Сколько мне выписать?

— Если можно, пятьсот фунтов…

«Пятьсот фунтов», — послушно написала Розалин.

Адела почувствовала, что у нее гора свалилась с плеч. Победа оказалась совсем легкой! Она с

испугом осознала, что ощущает не столько благодарность, сколько презрение. Розалин была невероятно простодушной.

Девушка встала из-за стола, подошла к ней и протянула чек. Казалось, теперь смущение испытывала только она.

— Надеюсь, здесь все правильно. Я так сожалею…

Адела взяла чек. На розовой бумаге было написанно бесформенным детским почерком:

«Для миссис Марчмонт. Пятьсот фунтов. *Розалин Клоуд».*

— Это очень любезно с вашей стороны, Розалин. Благодарю вас.

— Что вы! Мне самой следовало догадаться…

— Большое спасибо, дорогая.

С чеком в сумочке Адела Марчмонт чувствовала себя другим человеком. Девушка в самом деле держалась очень мило, но продолжать разговор было как-то неловко. Адела попрощалась и удалилась. Повстречав на подъездной аллее Дэвида, она вежливо сказала: «Доброе утро», — и поспешила дальше.

Глава 6

— Что здесь делала эта Марчмонт? — поинтересовался Дэвид, войдя в дом.

— О, Дэвид, ей были очень нужны деньги. Я никогда не думала…

— И, полагаю, ты дала их ей? — Гнев в его взгляде смешивался с иронией. — Тебя нельзя оставлять одну, Розалин.

— Дэвид, я просто не могла ей отказать. В конце концов…

— Что — в конце концов? Сколько ты ей дала?

— Пятьсот фунтов, — прошептала Розалин.

К ее облегчению, Дэвид рассмеялся:

— Всего лишь блошиный укус!

— Что ты, Дэвид! Такая куча денег…

— Только не для нас, Розалин. Кажется, ты никогда не поймешь, что стала очень богатой женщиной. Тем не менее если она просила у тебя пятьсот фунтов, то ушла бы довольная, получив двести пятьдесят. Тебе следует научиться языку тех, кто просит взаймы.

— Прости, Дэвид, — пробормотала Розалин.

— За что, девочка моя? В конце концов, это твои деньги.

— Нет. Не совсем…

— Опять ты за свое! Гордон Клоуд умер, не успев составить завещание. Это называется удачей в игре. Мы с тобой выиграли, а остальные проиграли.

— Но это… несправедливо.

— Послушай, моя прекрасная сестричка Розалин, разве ты не наслаждаешься всем этим — большим домом, слугами, драгоценностями? Разве это не мечта, ставшая явью? Иногда мне кажется, что это сон и я вот-вот проснусь.

Девушка рассмеялась, и Дэвид успокоился. Он умел обращаться с Розалин. Досадно, что у нее такая чувствительная совесть, но тут уж ничего не поделаешь.

— Действительно, Дэвид, это похоже на сон или на кино. Конечно, я этим наслаждаюсь.

— Но мы должны хранить то, что имеем, — предупредил он ее. — Больше никаких подачек Клоудам, Розалин. У каждого из них куда больше денег, чем когда-либо было у нас с тобой.

— Наверно, ты прав.

— Где была Линн этим утром? — спросил Дэвид.

— Думаю, она ходила в «Плакучие ивы».

Значит, повидать этого олуха Роули. Его хо-

рошее настроение моментально испарилось. Неужели Линн все-таки выскочит за него?

Выйдя из дома, Дэвид с мрачным видом зашагал среди цветущих азалий к калитке на вершине холма, откуда тянулась тропинка к ферме Роули.

Стоя у калитки, он увидел Линн Марчмонт, поднимающуюся по тропинке. После недолгих колебаний Дэвид воинственно выпятил подбородок и двинулся ей навстречу. Они поравнялись на середине склона.

— Доброе утро, — поздоровался Дэвид. — Когда свадьба?

— Вы уже спрашивали, — отозвалась Линн, — и отлично это знаете. В июне.

— И вы собираетесь через это пройти?

— Не знаю, что вы имеете в виду, Дэвид.

— Отлично знаете, — повторил он ее слова с презрительной усмешкой. — И что собой представляет этот ваш Роули?

— Он куда лучше вас. Попробуйте только его тронуть, если осмелитесь, — сердито произнесла Линн.

— Не сомневаюсь, что он лучше меня, но все-таки осмелюсь. Ради вас я осмелюсь на что угодно, Линн.

Несколько секунд девушка молчала.

— Вы не понимаете, что я люблю Роули? — наконец спросила она.

— Неужели любите?

— Да, люблю! — горячо заявила Линн.

Дэвид внимательно посмотрел на нее:

— Мы все видим себя такими, какими хотели бы быть. Вы видите себя влюбленной в Роули, живущей с ним здесь, всем довольной и не желающей трогаться с места. Но ведь это не настоящая Линн, верно?

— А какая тогда настоящая? Если уж на то пошло, то как выглядит настоящий Дэвид? Чего вы хотите от жизни?

— Мне бы следовало ответить, что я хочу безопасности и покоя после бурного моря. Но я в этом не уверен. Иногда я подозреваю, Линн, что и вы, и я жаждем бури. — Он угрюмо добавил: — Лучше бы вы никогда здесь не появлялись. Я был так счастлив до вашего появления.

— Разве теперь вы несчастливы?

Дэвид посмотрел ей прямо в глаза. Линн почувствовала непонятное возбуждение. Ее дыхание участилось. Еще никогда она так сильно не ощущала своеобразную мрачную привлекательность Дэвида. Внезапно он протянул руку, схватил ее за плечо и резко повернул…

Но его пальцы тотчас же разжались. Он смотрел поверх плеча Линн в сторону вершины холма. Повернув голову, она увидела, что привлекло его внимание, — через калитку над «Фарроубэнком» проходила женщина.

— Кто это? — резко спросил Дэвид.

— Кажется, Франсис, — ответила Линн.

— Франсис? — Он нахмурился. — Что ей нужно?

— Возможно, она просто зашла повидать Розалин.

— Моя дорогая Линн, мою сестру хотят повидать только те, кому что-нибудь нужно. Ваша мать уже приходила сегодня утром.

— Мама? — Девушка отпрянула. — Что ей тут понадобилось?

— А вы не знаете? Деньги!

— Деньги? — Линн вся напряглась.

— И она их получила, — добавил Дэвид. Теперь он улыбался холодной, жестокой улыбкой.

Только что они были так близки, а сейчас их разделяли целые мили непримиримых противоречий.

— Нет, нет, нет! — вскричала Линн.

— Да, да, да! — передразнил ее Дэвид.

— Я вам не верю! Сколько она взяла?

— Пятьсот фунтов.

Линн затаила дыхание.

— Интересно, сколько попросит Франсис? — задумчиво проговорил Дэвид. — Розалин даже на пять минут нельзя оставлять одну. Бедняжка не умеет сказать «нет».

— Кто еще к вам приходил?

Дэвид усмехнулся:

— Тетя Кэти влезла в долги — ничего особенного, всего-то двести пятьдесят фунтов, — но она боялась, что это дойдет до ушей доктора. Так как деньги ушли на уплату медиумам, это могло не вызвать у него сочувствия. Конечно, она не знала, что доктор тоже приходил просить взаймы.

— Что же вы должны о нас думать? — Неожиданно Линн повернулась и побежала вниз по направлению к ферме.

Дэвид нахмурился, глядя ей вслед. Она мчалась к Роули, словно почтовый голубь, летящий домой, и это разозлило его сильнее, чем он хотел себе признаться.

Дэвид снова посмотрел вверх и нахмурился.

— Нет, Франсис, — процедил он сквозь зубы. — Ты выбрала неудачный день.

Решительной походкой поднявшись на вершину холма, Дэвид прошел через калитку, мимо

цветущих азалий, пересек лужайку и бесшумно шагнул в гостиную через французское окно как раз в тот момент, когда Франсис Клоуд говорила:

— Мне хочется, чтобы вы все поняли. Но видите ли, Розалин, это так трудно объяснить…

— Разве? — послышался голос за ее спиной.

Франсис Клоуд резко обернулась. В отличие от Аделы Марчмонт она не старалась застать Розалин одну. Необходимая ей сумма была слишком велика, чтобы рассчитывать, будто Розалин одолжит ее, не посоветовавшись с братом. Франсис предпочла бы обсудить дело с Розалин и Дэвидом, чем давать последнему повод думать, будто она пыталась вытянуть из Розалин деньги во время его отсутствия.

Франсис не слышала, как вошел Дэвид Хантер, поглощенная стараниями убедительно изложить свою просьбу. При виде его она сразу поняла, что он по какой-то причине пребывает в весьма скверном расположении духа.

— Хорошо, что вы пришли, Дэвид, — быстро отреагировала Франсис. — Я как раз объясняла Розалин. Смерть Гордона поставила Джереми в крайне тяжелое положение, и я хотела попросить ее о помощи. Дело вот в чем…

Она продолжала бойко говорить. Речь идет о

крупной сумме… Гордон на словах обещал поддержку… правительственные ограничения… закладные…

Дэвид невольно испытывал восхищение. Как же хорошо лжет эта женщина! История в высшей степени правдоподобная, но он был готов поклясться, что это неправда. Интересно, в чем же тогда состоит правда? Джереми влез в долги? Должно быть, ситуация в самом деле отчаянная, если он позволил Франсис так унижаться. Она слишком гордая женщина…

— Десять тысяч? — переспросил Дэвид.

— Это же целая куча денег! — испуганно прошептала Розалин.

— Да, конечно, — сразу же согласилась Франсис. — Иначе я бы не обратилась к вам. Но Джереми никогда бы не стал участвовать в этой сделке, если бы не рассчитывал на поддержку Гордона. К несчастью, Гордон умер так внезапно…

— Оставив вас в дураках? — неприятно усмехнулся Дэвид. — После беззаботной жизни у него под крылышком.

Глаза Франсис блеснули.

— Вы так образно выражаетесь…

— Вам известно, что Розалин не может прикасаться к основному капиталу — только к

процентам. И она платит колоссальный подоходный налог.

— Знаю. Налоги сейчас ужасно высоки. Но ведь это можно как-нибудь устроить, не так ли? Мы все вернем…

Дэвид перебил ее:

— Это можно устроить, но мы не станем этого делать.

Франсис повернулась к девушке:

— Розалин, вы ведь такая великодушная…

Но Дэвид снова не дал ей договорить:

— Кем вы, Клоуды, считаете Розалин — дойной коровой? Все вы постоянно клянчите у нее деньги, а за ее спиной? Смеетесь над ней, презираете и ненавидите ее, желаете ей смерти…

— Неправда! — воскликнула Франсис.

— Вот как? Меня тошнит от вас всех, и ее тоже! Никаких денег вы не получите, так что перестаньте ходить сюда и хныкать! Понятно? — Его глаза потемнели от гнева.

Франсис поднялась. Черты ее лица стали деревянными и безжизненными. Она натягивала замшевую перчатку с напряженным вниманием, как будто это было необычайно важным делом.

— Вы изложили вашу позицию абсолютно ясно, Дэвид, — сказала она.

— Я очень сожалею… — пробормотала Розалин.

Франсис не обращала внимания на девушку, словно ее не было в комнате. Она шагнула к окну и остановилась, глядя на Дэвида:

— Вы сказали, что я презираю Розалин. Это неправда. Я презираю не ее, а вас.

— Что вы имеете в виду? — сердито осведомился он.

— Женщины должны как-то существовать. Розалин вышла замуж за очень богатого человека намного старше ее. Почему бы и нет? Но вы-то живете в роскоши за счет вашей сестры…

— Я стою между ней и стаей хищников.

Они смотрели друг другу в глаза. Дэвид видел, что в душе Франсис Клоуд бушует гнев, и понимал, что эта женщина — опасный враг, который умеет быть безжалостным и неразборчивым в средствах.

Когда Франсис открыла рот, чтобы заговорить, он даже ощутил страх. Но она всего лишь произнесла:

— Я запомню то, что вы сказали, Дэвид, — и, пройдя мимо него, вышла через окно.

Дэвида не покидало чувство, что ее слова таят в себе угрозу.

Розалин заплакала.

— О, Дэвид, ты не должен был так с ней говорить. Из всех Клоудов только она была добра ко мне.

— Замолчи, дуреха! — свирепо рявкнул Дэвид. — Хочешь, чтобы они выдоили тебя до последнего пенни?

— Но эти деньги… если они действительно не мои… — Она попятилась под его взглядом. — Я… я не это имела в виду…

— Надеюсь.

«Все-таки совесть — скверная штука», — подумал Дэвид. Он не учел совестливости Розалин, и это было чревато проблемами в будущем. В будущем? Дэвид нахмурился, глядя на девушку. Какое будущее у него и Розалин? Он-то всегда знал, чего хочет, а вот она…

При виде его помрачневшего лица Розалин неожиданно вздрогнула:

— Я чувствую, словно кто-то ходит по моей могиле!

Дэвид с любопытством посмотрел на нее:

— Значит, ты понимаешь, что дело может дойти до этого?

— О чем ты, Дэвид?

— О том, что пять… шесть… даже семь человек

намерены сделать все, чтобы ты сошла в могилу преждевременно!

— Ты ведь не имеешь в виду… убийство! — В ее голосе звучал ужас. — По-твоему, такие приятные люди, как Клоуды, на это способны?

— Очень может быть, что убийства совершают именно такие приятные люди, как Клоуды. Но они не смогут убить тебя, пока я за тобой присматриваю. Сначала им придется убрать с дороги меня. А вот если у них это получится, тогда берегись!

— Дэвид, не говори таких ужасных вещей!

— Слушай! — Он стиснул ее руку. — Если когда-нибудь меня здесь не окажется, будь осторожна, Розалин. Помни: жизнь — опасная штука. И по-моему, она особенно опасна для тебя.

Глава 7

— Роули, ты не мог бы одолжить мне пятьсот фунтов?

Роули уставился на Линн. Она стояла перед ним, слегка запыхавшись от бега, с бледным лицом и плотно сжатыми губами.

— Полегче, старушка, — произнес он успокаивающим тоном, словно обращаясь к лошади. — Что произошло?

— Мне нужно пятьсот фунтов.

— Если на то пошло, мне бы они тоже не помешали.

— Это серьезно, Роули. Не мог бы ты одолжить мне их?

— Вообще-то я сейчас поистратился. Этот новый трактор…

— Да-да. — Линн отмахнулась от сельскохозяйственных подробностей. — Но ты ведь мог бы раздобыть деньги в случае необходимости?

— Для чего они тебе, Линн? Ты что, залезла в долги?

— Деньги нужны мне для него. — Она кивнула в сторону большого квадратного здания на холме.

— Для Хантера? Какого черта…

— Мама заняла у него пятьсот фунтов. Она… у нее сейчас туго с деньгами.

— Понятно, — с сочувствием промолвил Роули. — Ей приходится нелегко. Я бы хотел помочь, но сейчас сам в таком же положении.

— Я не могу вынести, что она занимает деньги у Дэвида!

— Не волнуйся, старушка. Деньги дал не он, а Розалин. В конце концов, почему бы и нет?

— Почему? Ты еще спрашиваешь, Роули?

— Не вижу, почему Розалин не могла вам помочь. Старый Гордон посадил всех нас в лужу, окочурившись без завещания. Если объяснить Розалин ситуацию, она сама поймет, что должна прийти на помощь.

— Ты хоть не брал у нее взаймы?

— Нет, я — другое дело. Я не могу просить денег у женщины.

— Неужели ты не понимаешь, что мне не нравится быть… быть обязанной Дэвиду Хантеру?

— Но ты ему ничем не обязана. Это не его деньги.

— Фактически его. Розалин полностью у него под каблуком.

— Да, но по закону они ему не принадлежат.

— Значит, ты не можешь одолжить мне пять-

сот фунтов?

— Послушай, Линн, если бы у тебя были серьезные неприятности — шантаж или долги, — я постарался бы продать землю или скот, но это была бы отчаянная мера. Я сам с трудом удерживаюсь на плаву. А тут еще не знаешь, что придет в голову этому чертову правительству, — оно только и делает, что чинит препятствия и забрасывает анкетами, которые иногда приходится заполнять до полуночи. Для одного человека это чересчур.

— Знаю, — кивнула Линн. — Если бы только Джонни не погиб…

— Оставь Джонни в покое! — внезапно рявкнул Роули. — Не говори о нем!

Линн изумленно уставилась на него. Его лицо побагровело. Казалось, он вне себя от ярости.

Линн повернулась и медленно побрела назад, к «Белому дому».

— Ты не могла бы вернуть эти деньги, мама?

— Что ты, дорогая! Я пошла с чеком прямо в банк, а потом заплатила Артурам, Боджему и Небуорту. Небуорт в последнее время вел себя просто оскорбительно. Боже, какое облегчение! Я уже несколько ночей не могла сомкнуть глаз. Право же, Розалин оказалась очень чуткой и понимающей.

— Полагаю, теперь ты будешь обращаться к ней снова и снова? — с горечью осведомилась Линн.

— Надеюсь, это не понадобится, дорогая. Я буду стараться экономить. Но в наши дни все так дорого. Жизнь становится все хуже и хуже.

— Да, и мы вместе с ней. Уже начали попрошайничать.

Адела покраснела:

— Не слишком приятное выражение, Линн. Я объяснила Розалин, что мы всегда полагались на Гордона.

— И были не правы. Мы не должны были так поступать. — Помолчав, Линн добавила: — Он имеет право нас презирать.

— Кто?

— Этот мерзкий Дэвид Хантер.

— Право, — с достоинством промолвила миссис Марчмонт, — я не понимаю, какое имеет значение, что думает Дэвид Хантер. К счастью, сегодня утром его не было в «Фарроубэнке» — иначе он повлиял бы на эту девушку. Она совсем у него под каблуком.

Линн переминалась с ноги на ногу.

— Что ты имела в виду, мама, когда сказала в то утро после моего возвращения: «Если только он в самом деле ее брат»?

— Ах это! — Миссис Марчмонт выглядела слегка смущенной. — Ну, ходили разные сплетни…

Линн молчала, ожидая продолжения. Миссис Марчмонт кашлянула.

— У молодых охотниц за состоянием обычно имеется в запасе… ну, свой молодой человек. Предположим, Розалин сказала Гордону, что у нее есть брат, и телеграфировала этому человеку в Канаду, или где он там был. Он и объявился. Как мог знать Гордон, брат он ей или нет? Бедняга совсем потерял голову и верил каждому ее слову. «Братец» поехал с ними в Англию, а бедный Гордон так ничего и не заподозрил.

— Я этому не верю! — свирепо заявила Линн.

Миссис Марчмонт подняла брови:

— Право же, дорогая…

— Дэвид не такой! И Розалин тоже не такая! Возможно, она дурочка, но очень добрая. Просто у людей грязные мысли. Говорю тебе, я этому не верю!

— Вовсе незачем так кричать, — с достоинством заметила миссис Марчмонт.

Глава 8

Спустя неделю с поезда, прибывшего на станцию Уормсли-Хит в семнадцать двадцать, сошел высокий загорелый мужчина с рюкзаком.

На противоположной платформе группа игроков в гольф ожидала поезда в обратном направлении. Высокий бородатый человек с рюкзаком отдал свой билет и покинул станцию. Пару минут он стоял в нерешительности, потом увидел указатель с надписью «Пешеходная дорога в Уормсли-Хит» и направил стопы в эту сторону.

В «Плакучих ивах» Роули Клоуд как раз допил чашку чаю, когда тень, упавшая на кухонный стол, заставила его поднять взгляд.

На момент ему показалось, будто в дверях стоит Линн. Роули быстро понял свою ошибку, и его разочарование сменилось удивлением, когда он увидел, что это Розалин Клоуд.

На ней было сельское платье с яркими оранжевыми и зелеными полосами, мнимая простота которого стоила куда больше денег, чем Роули мог себе представить.

До сих пор Роули видел Розалин только в до-

рогой городской одежде, выглядевшей на ней несколько искусственно. Ему казалось, что она носит ее как манекенщица, демонстрирующая платья, которые принадлежат не ей, а фирме, где она служит.

Но, глядя на девушку в ярком крестьянском платье, он словно видел новую Розалин Клоуд. Стало более заметным ее ирландское происхождение — темные вьющиеся волосы и прекрасные синие глаза. В голосе также слышалось мягкое ирландское произношение, сменившее обычные, несколько жеманные интонации.

— Сегодня такой чудесный день, — сказала Розалин. — Вот я и вышла прогуляться. — И добавила: — Дэвид уехал в Лондон.

Последнюю фразу Розалин произнесла почти виновато. Слегка покраснев, она вынула из сумочки портсигар и предложила сигарету Роули. Тот покачал головой и стал искать спички, чтобы зажечь сигарету Розалин. Но девушка уже щелкала дорогой золотой зажигалкой — впрочем, без малейшего успеха. Роули взял у нее зажигалку и привел ее в действие одним щелчком. Когда она наклонилась к нему, чтобы зажечь сигарету, он обратил внимание на ее длинные черные ресницы и подумал: «Старый Гордон знал, что делал…»

Розалин шагнула назад.

— Какая славная телочка пасется у вас на верхнем поле, — заметила она.

Роули начал говорить о ферме. Интерес Розалин удивил его, но он выглядел искренним, и Роули вскоре обнаружил, что девушка разбирается в сельском хозяйстве. О производстве масла и сыра она рассуждала со знанием дела.

— Из вас могла бы получиться хорошая жена фермера, Розалин, — улыбаясь, заметил он.

Лицо девушки омрачилось.

— У нас была ферма в Ирландии, прежде чем я приехала сюда… прежде…

— Прежде чем вы стали актрисой?

Розалин промолвила с тоской и, как показалось Роули, чуть виновато:

— Это было не так уж давно… Я все хорошо помню. — Она добавила с внезапным воодушевлением: — Я даже могла бы подоить ваших коров, Роули.

Действительно, это была совсем другая Розалин. Одобрил бы Дэвид Хантер случайные упоминания о фермерском прошлом? Роули в этом сомневался. Дэвид старался создать впечатление, будто они происходят из старинного ирландского дворянского рода. Но Роули ка-

залось, что версия Розалин ближе к истине. Примитивная сельская жизнь, потом соблазн сцены, труппа, гастролирующая в Южной Африке, брак, центральноафриканская глушь, бегство из нее, далее большой пробел и наконец второй брак с миллионером в Нью-Йорке…

Да, Розалин Хантер проделала немалый путь с тех пор, как доила ирландских коров. Но, глядя на нее, Роули едва мог в это поверить. Ее лицо имело простодушное, глуповатое выражение, какое бывает у людей, у которых вообще нет прошлого. И выглядела она куда моложе своих двадцати шести лет.

В ней ощущалось нечто трогательное и вызывающее жалость, как в тех телятах, которых Роули сегодня утром отвел к мяснику. Он смотрел на нее так же, как смотрел на них, думая: «Бедняги, как жаль, что их убьют…»

В глазах Розалин мелькнула тревога.

— О чем вы задумались, Роули? — с беспокойством спросила она.

— Хотите взглянуть на ферму и сыроварню?

— Конечно!

Роули, которого забавлял интерес девушки, показал ей ферму. Но когда он предложил ей чашку чаю, ее взгляд снова стал тревожным.

— Нет, благодарю вас, Роули... Я лучше пойду домой. — Она посмотрела на часы. — Господи, как поздно! Дэвид должен вернуться поездом в пять двадцать. Он удивится, что меня нет дома. Я... Мне надо спешить. — Розалин робко добавила: — Мне у вас очень понравилось, Роули.

Он подумал, что это правда. Она наслаждалась возможностью вести себя естественно, снова стать самой собой. Розалин явно побаивалась брата. Дэвид был мозгом семьи. Сегодня у нее оказалась свободной вторая половина дня — как у горничной. Ничего себе, богатая миссис Гордон Клоуд!

Роули мрачно улыбнулся, стоя у ворот и наблюдая, как девушка быстро поднимается на холм к «Фарроубэнку». Когда она приближалась к перелазу, через него перебрался какой-то мужчина. Сначала Роули подумал, что это Дэвид, но он был гораздо выше и массивнее. Розалин шагнула в сторону, пропуская его, затем легко перескочила через перелаз и пустилась дальше почти бегом.

Да, у девушки было свободное время, и она больше часа потратила на него, Роули Клоуда! Хотя, возможно, потратила не зря. Ему казалось, что он понравился Розалин. Это может оказаться полезным. Она хорошенькая — впрочем, бедные

телята сегодня утром тоже выглядели такими симпатичными.

Погруженный в размышления, Роули вздрогнул, услышав голос, и резко обернулся.

На дорожке, по другую сторону ворот, стоял высокий мужчина в широкополой шляпе и с рюкзаком за плечами.

— Эта дорога в Уормсли-Вейл? — повторил он свой вопрос.

Роули с усилием отвлекся от своих мыслей.

— Да, идите по ней через поле, а когда дойдете до большой дороги, сверните налево и минуты через три доберетесь до деревни.

Теми же словами он сотни раз отвечал на этот вопрос. Люди шли по дорожке от станции, поднимались на холм, но, спустившись по другому склону, думали, что заблудились, не видя никаких признаков деревни, так как Блэкуэллская роща скрывала из виду Уормсли-Вейл. Деревня находилась в лощине, откуда виднелся только шпиль церкви.

Следующий вопрос был не столь обычным, но Роули и на него ответил не раздумывая:

— «Олень» или «Бубенчики и колпак». Обе гостиницы одинаково хороши или плохи. Думаю, и там, и там найдется свободная комната.

Вопрос заставил его повнимательнее приглядеться к незнакомцу. В эти дни люди обычно заранее заказывали гостиничный номер в любом месте, куда они собирались…

Перед ним стоял высокий бородатый мужчина с загорелым лицом и ярко-голубыми глазами. Выглядел он лет на сорок и был довольно красив — правда, в несколько своеобразном «бесшабашном» стиле. Тем не менее лицо его едва ли можно было назвать приятным.

Прибыл откуда-то из-за моря, подумал Роули. Действительно ли в его речи слышался колониальный акцент? Странно, но это лицо не выглядело абсолютно незнакомым…

Где же он видел его или похожего на него?

Пока Роули ломал себе голову над этой проблемой, незнакомец задал очередной вопрос:

— Не скажете, есть здесь дом под названием «Фарроубэнк»?

— Да, — ответил Роули. — На том холме. Вы проходили мимо него, если шли по дорожке от станции.

— Да, верно. — Мужчина повернулся и посмотрел вверх. — Значит, это «Фарроубэнк» — вон то белое новое здание?

— Да, это он.

— Здоровый домина, — заметил незнакомец. — Должно быть, его содержание стоит кучу денег.

«Еще какую, — подумал Роули. — И притом наших денег…» Вспышка гнева заставила его на момент забыть о собеседнике.

Взяв себя в руки, Роули увидел, что незнакомец по-прежнему задумчиво разглядывает холм.

— Кто там живет? — поинтересовался он. — Не миссис Клоуд?

— Она самая, — подтвердил Роули. — Миссис Гордон Клоуд.

Незнакомец поднял брови. Казалось, ответ его позабавил:

— Вот оно что? Миссис Гордон Клоуд? Очень рад за нее! Ну, спасибо, приятель.

Кивнув, мужчина поднял рюкзак и зашагал в сторону Уормсли-Вейл.

Все еще озадаченный, Роули медленно двинулся во двор своей фермы. Где же, черт возьми, он видел этого парня?

Вечером, около половины десятого, Роули отодвинул в сторону кипу анкет, лежащую на кухонном столе, и поднялся. Бросив рассеянный взгляд на фотографию Линн, стоящую на каминной полке, он нахмурился и вышел из дому.

Через десять минут Роули открыл дверь бара

гостиницы «Олень». Беатрис Липпинкотт приветливо улыбнулась ему из-за стойки. Мистер Роули Клоуд казался ей видным мужчиной. За кружкой пива Роули обменивался с присутствующими обычными критическими замечаниями в адрес правительства, погоды и перспектив урожая.

Вскоре, чуть отойдя, Роули негромко спросил у Беатрис:

— Здесь сегодня не остановился крупный мужчина в широкополой шляпе?

— Да, мистер Роули. Пришел около шести. Вы про него спрашиваете?

Роули кивнул:

— Он проходил мимо моей фермы и спросил дорогу в деревню.

— Да, он вроде бы здесь впервые.

— Интересно, — промолвил Роули, — кто это такой? — Он с улыбкой посмотрел на Беатрис.

Та улыбнулась в ответ:

— Это нетрудно узнать, мистер Роули.

Она нырнула под стойку, достала толстый том в кожаном переплете, где регистрировались постояльцы, и открыла страницу со свежими записями. Последняя из них гласила: «Енох Арден. Кейптаун. Англичанин».

Глава 9

Было прекрасное утро. Пели птицы, и Розалин, спустившаяся к завтраку в своем дорогом сельском платье, чувствовала себя счастливой.

Сомнения и страхи, еще недавно одолевавшие ее, казалось, улетучились. Дэвид пребывал в хорошем настроении, смеясь и поддразнивая ее. Его вчерашний визит в Лондон прошел удовлетворительно. Завтрак был отлично приготовлен и сервирован. Они как раз закончили его, когда принесли почту. Семь-восемь писем для Розалин, счета, просьбы о пожертвованиях, несколько приглашений к соседям — в общем, ничего особенно интересного.

Отложив в сторону пару мелких счетов, Дэвид вскрыл третий конверт. Текст письма, как и адрес на конверте, был написан печатными буквами:

«Дорогой мистер Хантер!

Я подумал, что лучше обратиться к Вам, чем к Вашей сестре, «миссис Клоуд», так как содержание этого письма может вызвать у нее потрясение. Коротко говоря, у меня есть новости о капитане Роберте

Андерхее, которые она, возможно, будет рада услышать. Я остановился в «Олене» и,

если Вы заглянете туда этим вечером, буду рад обсудить с Вами это дело.

Искренне Ваш

Енох Арден».

Из горла Дэвида вырвался сдавленный звук. Розалин посмотрела на него с улыбкой, которую сразу же сменило выражение тревоги.

— Что там, Дэвид?

Он молча протянул ей письмо. Девушка взяла его и прочитала.

— Но, Дэвид, я не понимаю… Что это значит?

— Ты ведь умеешь читать, верно?

Розалин бросила на него робкий взгляд:

— Но если это означает… Что нам делать?

Нахмурив брови, Дэвид быстро строил планы в уме.

— Все в порядке, Розалин, беспокоиться не о чем. Я этим займусь.

— Но ведь тут написано…

— Не волнуйся, девочка. Предоставь все мне. Послушай, вот что ты должна сделать. Упакуй чемодан, поезжай в Лондон и оставайся в квартире,

пока не получишь от меня известий. Поняла?

— Да, конечно, но…

— Просто делай то, что я тебе говорю, Розалин. — Он ободряюще улыбнулся ей. — Иди упаковывать вещи. Я отвезу тебя на станцию. Ты можешь поспеть на поезд в десять тридцать две. Швейцару скажешь, что не хочешь никого видеть. Если кто-нибудь придет и будет тебя спрашивать, пусть он ответит, что тебя нет в городе. Дай ему фунт. Он никого не должен пускать к тебе, кроме меня.

— О! — Девушка прижала ладони к щекам, глядя на него красивыми испуганными глазами.

— Положение запутанное, Розалин, а ты в таких делах несильна. Поэтому я хочу, чтобы ты не путалась у меня под ногами и предоставила мне свободу действий, — вот и все.

— А я не могу остаться здесь, Дэвид?

— Конечно, нет, Розалин. Будь благоразумной. Я должен разобраться с этим парнем, кто бы он ни был…

— Ты не думаешь, что он…

— В данный момент я ничего не думаю, — перебил ее Дэвид. — Прежде всего нужно убрать тебя отсюда, чтобы я мог уяснить наше положение. Так что будь хорошей девочкой и не спорь.

Розалин повернулась и вышла из комнаты.

Дэвид нахмурился, глядя на письмо, которое держал в руке.

Вежливое, грамотное послание, составленное в уклончивых выражениях, могло означать все, что угодно, — от искреннего желания помочь в неловкой ситуации до завуалированной угрозы. Он снова и снова вчитывался во фразы. Больше всего ему не нравились кавычки, в которые были заключены слова «миссис Клоуд».

Дэвид посмотрел на подпись. «Енох Арден». В голове у него шевельнулось смутное воспоминание — какие-то стихотворные строчки…

Когда Дэвид вечером вошел в холл «Оленя», там, как обычно, никого не было. На двери слева виднелась надпись «Кофейная», а на двери справа — «Комната отдыха». Табличка на двери подальше предупреждала: «Только для постояльцев». Коридор направо вел к бару, откуда доносился приглушенный гул голосов. На маленькой застекленной будке имелась надпись «Офис» и кнопка звонка возле скользящего окошка.

Дэвид знал по опыту, что иногда приходится звонить три или четыре раза, прежде чем кто-нибудь соблаговолит уделить вам внимание. За исключением кратких периодов приема пищи,

холл «Оленя» был необитаем, как остров Робинзона Крузо.

На сей раз мисс Беатрис Липпинкотт вышла из бара после третьего звонка Дэвида и двинулась по коридору, поправляя золотистые волосы, пышно причесанные в стиле «помпадур». Скользнув в стеклянную будку, она приветствовала его вежливой улыбкой:

— Добрый вечер, мистер Хантер. Холодновато для этого времени года, не так ли?

— Да, очевидно. У вас остановился мистер Арден?

— Посмотрим. — В таких обстоятельствах мисс Липпинкотт всегда делала вид, будто сразу не может вспомнить, с целью придать «Оленю» большую значительность. — Да, мистер Енох Арден. 5-й номер на втором этаже. Вы его легко найдете, мистер Хантер. Поднимитесь по лестнице и идите не по галерее, а налево и вниз на три ступеньки.

Последовав этим сложным инструкциям, Дэвид постучал в дверь номера 5 и услышал ответ:

— Войдите.

Он повиновался, закрыв за собою дверь.

Выйдя из будки, Беатрис Липпинкотт позвала:

— Лили!

На зов откликнулась девица со светлыми глазами навыкате и, судя по открытому рту, страдающая аденоидами.

— Можешь подежурить немного, Лили? Я должна посмотреть, как дела с бельем.

— Да, мисс Липпинкотт. — Лили хихикнула и со вздохом добавила: — Мистер Хантер такой красивый, правда?

— Я насмотрелась на таких во время войны, — отозвалась мисс Липпинкотт тоном человека, уставшего от жизни. — Молодые летчики с авиабазы. Вели себя так, что волей-неволей приходилось принимать у них чеки без всякой уверенности, что они не поддельные. Но я умею различить настоящего джентльмена, Лили, даже если он водит трактор. — И с этим загадочным заявлением Беатрис начала подниматься по лестнице.

Войдя в комнату, Дэвид Хантер остановился и посмотрел на человека, именующего себя Енохом Арденом.

Лет сорока, порядком опустившийся — на вид крепкий орешек. Помимо этого, в нем не так легко разобраться. Темная лошадка.

— Привет, — заговорил Арден. — Вы Хантер? Отлично. Присаживайтесь. Что будете пить?

Виски?

Удобно устроился, подумал Дэвид. На столике несколько бутылок, в камине ярко горит огонь, отнюдь не лишний холодным весенним вечером. Одежда не английского покроя, но носит он ее так, как носят англичане. Возраст тоже подходящий…

— Спасибо, — поблагодарил Дэвид. — Я бы выпил виски.

— Скажете когда.

— Сейчас. И поменьше содовой.

Они напоминали двух псов, ходящих кругами и готовых в любой момент дружелюбно завилять хвостами или с рычанием ринуться в драку.

— Ваше здоровье, — произнес Арден.

— Взаимно.

Они поставили стаканы, слегка расслабившись. Первый раунд подошел к концу.

— Вас удивило мое письмо? — спросил Арден.

— Откровенно говоря, — отозвался Дэвид, — я ничего в нем не понял.

— Да неужели? Хотя вполне возможно.

— Кажется, — продолжал Дэвид, — вы знали первого мужа моей сестры — Роберта Андерхея?

— Да, я хорошо знал Роберта. — Арден улыбался, лениво пуская в потолок клубы дыма. — Пожа-

луй, даже очень хорошо. Вы никогда с ним не встречались, верно, Хантер?

— Никогда.

— Ну, может быть, это и к лучшему.

— Что вы имеете в виду? — резко осведомился Дэвид.

— Это все упрощает, дружище, — беспечно откликнулся Арден. — Простите, что пригласил вас сюда, но я подумал, что лучше… — он сделал паузу, — лучше не посвящать в это Розалин. Незачем причинять ей ненужную боль.

— Вы не возражаете перейти к делу?

— Разумеется. Вы когда-нибудь подозревали, что в смерти Андерхея было нечто… ну, скажем, сомнительное?

— О чем вы?

— У Андерхея были довольно странные идеи. Возможно, из-за рыцарской натуры, а возможно, по совсем другой причине, но допустим, что в определенный момент несколько лет назад ему стало выгодно, чтобы его посчитали мертвым. Он всегда умел расположить к себе туземцев и без труда мог уговорить их поведать о его кончине со всеми подробностями. Ему оставалось бы только объявиться где-нибудь за тысячи миль под другим именем.

— Мне это предположение кажется абсолютно фантастическим, — сказал Дэвид.

— В самом деле? — Улыбнувшись, Арден наклонился вперед и похлопал Дэвида по колену. — А что, если это правда?

— В таком случае я бы потребовал четких доказательств.

— Вот как? Ну, неопровержимых доказательств, возможно, нет. Как бы вы отнеслись к тому, если бы сам Андерхей появился здесь — в Уормсли-Вейл? Для вас этого было бы достаточно?

— По крайней мере, это было бы убедительно, — сухо отозвался Дэвид.

— Да, убедительно, но несколько неловко — для миссис Гордон Клоуд. Потому что тогда она перестанет быть таковой. Вы должны признать, что возникнет неловкая ситуация.

— Моя сестра вышла замуж без всяких дурных намерений.

— Конечно, приятель. Я ни минуты в этом не сомневаюсь. Любой судья скажет, что ее не в чем упрекнуть.

— Судья? — резко переспросил Дэвид.

— Я имел в виду двоемужие, — виноватым тоном объяснил Арден.

— Куда вы клоните? — свирепо осведомился

Дэвид.

— Не стоит так возбуждаться, старина. Нам с вами нужно только поразмыслить и найти лучший выход — лучший для вашей сестры. Никому не нравится ворошить грязное белье на людях. Как я говорил, у Андерхея всегда была рыцарская натура. — Он сделал паузу. — Была и есть.

— Есть?

— Вы не ослышались.

— Вы заявляете, что Роберт Андерхей жив. Где же он теперь?

Арден доверительно понизил голос:

— Вы в самом деле хотите это знать, Хантер? Может быть, лучше пребывать в неведении? Насколько известно вам и Розалин, Андерхей умер в Африке. Если он жив, то понятия не имеет, что его жена снова вышла замуж. В противном случае он сразу бы объявился… Видите ли, Розалин унаследовала от второго мужа солидную сумму, а если ее первый муж жив, она не имеет никакого права на эти деньги… У Андерхея было хорошо развито чувство чести — ему бы не понравилось, что она получила наследство на ложных основаниях. — Арден немного помолчал. — Но вполне возможно, что Андерхей ничего не знает о ее втором браке. Бедняга в очень скверном состоянии.

— В каком смысле?

Арден печально покачал головой:

— У него плохо со здоровьем. Он нуждается в медицинском уходе и специальном курсе лечения — к несчастью, очень дорогом.

Последнее слово было произнесено без всякого подчеркивания, но именно его Дэвид Хантер подсознательно ожидал.

— Дорогом? — переспросил он.

— Увы, все стоит денег. Бедный Андерхей практически без гроша. У него ничего нет, кроме того, что на нем надето…

Глаза Дэвида быстро скользнули по комнате. Он заметил висящий на стуле рюкзак, но не увидел никаких чемоданов.

— Интересно, — мрачно промолвил Дэвид, — действительно ли Роберт Андерхей такой рыцарь, каким вы его воображаете?

— Он был таким, — заверил его Арден. — Но жизнь часто превращает людей в циников. — И, помолчав, вкрадчиво добавил: — Гордон Клоуд был очень состоятельным человеком. Зрелище чрезмерного богатства пробуждает низменные инстинкты.

Дэвид поднялся:

— Вот вам мой ответ. Убирайтесь к дьяволу!

Арден благожелательно улыбнулся:

— Так и думал, что вы это скажете.

— Вы грязный шантажист! Можете ваше вранье хоть в газетах публиковать!

— Похвальное чувство. Но от публикации не будет толку ни вам, ни мне. Если вы не купите мой товар, я найду других покупателей.

— Каких?

— Клоудов. Предположим, я скажу им: «Не будет ли вам интересно узнать, что покойный Роберт Андерхей и не думал умирать?» Они сразу же на это клюнут.

— Вам ничего из них не вытянуть, — с презрением проговорил Дэвид. — Они все разорены.

— Да, но существует такая вещь, как предварительное соглашение. Они платят такую-то сумму наличными в тот день, когда будет доказано, что Андерхей жив, что миссис Гордон Клоуд все еще миссис Роберт Андерхей и что, следовательно, завещание Гордона Клоуда, составленное до брака, по-прежнему действительно.

Пару минут Дэвид молчал, потом спросил напрямик:

— Сколько?

Ответ был таким же откровенным:

— Двадцать тысяч.

— И речи быть не может! Моя сестра не имеет права прикасаться к капиталу — она распоряжается только процентами.

— Тогда десять тысяч. Такую сумму она легко сможет раздобыть. Ведь у нее имеются драгоценности, не так ли?

Дэвид снова погрузился в молчание.

— Хорошо, — неожиданно согласился он.

Какой-то момент Арден казался растерянным, словно его удивила легкая победа, затем предупредил:

— Никаких чеков. Только наличными.

— Вы должны дать нам время достать деньги.

— Я дам вам двое суток.

— Лучше до следующего вторника.

— Ладно. Деньги принесете сюда. — И прежде чем Дэвид успел ответить, сказал: — Я не стану встречаться с вами в уединенной роще или на пустынном речном берегу. Вы принесете деньги в «Олень» в следующий вторник в девять вечера.

— Боитесь за свою шкуру?

— Просто я осторожен. И знаю таких, как вы.

Дэвид вышел из комнаты и спустился по ступенькам. Его лицо почернело от гнева.

Вскоре после этого из комнаты под номером 4 вышла Беатрис Липпинкотт. Между двумя сосед-

ними номерами существовала дверь, которую трудно было заметить находящимся в 5-м номере, так как ее прикрывал гардероб.

Щеки мисс Липпинкотт порозовели, глаза возбужденно блестели. Она пригладила волосы дрожащей от приятного волнения рукой.

Глава 10

«Шепердс-Корт» в Мэйфере был большим зданием с роскошными квартирами. Не пострадавшие от вражеской авиации, они тем не менее не могли содержаться на довоенном уровне. Обслуживание значительно ухудшилось. Там, где раньше стояли два швейцара в ливреях, теперь остался лишь один. Ресторан все еще функционировал, но в апартаменты посылали только завтраки.

Квартира, арендуемая миссис Гордон Клоуд, находилась на четвертом этаже. Она состояла из гостиной с встроенным коктейль-баром, двух спален со стенными шкафами и великолепно оборудованной ванной, сверкающей кафелем и хромом.

Дэвид Хантер мерил шагами гостиную, а Розалин наблюдала за ним, сидя на большом диване. Она выглядела бледной и испуганной.

— Шантаж! — бормотал Дэвид. — Господи, неужели такой человек, как я, позволит себя шантажировать?

Розалин недоуменно покачала головой.

— Если бы я знал, — твердил Дэвид. — Если бы

я только знал!

С дивана послышалось жалобное всхлипывание.

— Вот что значит работать в темноте — с завязанными глазами… — Дэвид круто повернулся: — Ты отнесла эти изумруды на Бонд-стрит к старому Грейторексу?

— Да.

— Сколько он за них дал?

— Целых четыре тысячи фунтов, — ответила потрясенная Розалин. — Он сказал, что, если бы я не продала камни, их пришлось бы снова застраховать.

— Да, цена на драгоценные камни удвоилась. Конечно, мы сможем достать деньги. Но если мы заплатим, из нас будут пить кровь до самой смерти!

— Давай уедем из Англии, — предложила Розалин. — Разве мы не можем отправиться в Ирландию, в Америку — куда угодно?

Дэвид посмотрел на нее:

— Ты не боец, Розалин. Твой девиз — «Беги, пока цела», верно?

— Мы были не правы, — всхлипывала Розалин. — Все это было несправедливо и грешно.

— Только не становись благочестивой — я этого

не вынесу! Мы так хорошо устроились, Розалин. Впервые в жизни я жил как следует — и не собираюсь пускать все псу под хвост, понятно? Если бы только не эта чертова борьба вслепую! Ты ведь понимаешь, что все это может оказаться блефом? Возможно, Андерхей давно похоронен в Африке, как мы всегда думали.

Она поежилась:

— Не надо, Дэвид. Ты меня пугаешь.

При виде панического ужаса на ее лице Дэвид сразу же изменил поведение. Он подошел к Розалин, сел рядом и взял ее ледяные руки в свои.

— Не бойся. Только предоставь все мне и делай то, что я говорю, ладно?

— Я всегда так делала, Дэвид.

— Верно. — Он засмеялся. — Мы справимся — можешь не сомневаться. Я найду способ вырвать жало у мистера Еноха Ардена.

— По-моему, Дэвид, есть какое-то стихотворение про человека, который вернулся домой…

— Да-да, — прервал он. — Это и не дает мне покоя… Но я разберусь, в чем тут дело.

— Ты отнесешь ему деньги во вторник? — спросила Розалин.

Дэвид кивнул:

— Пять тысяч. Скажу, что не смог достать все

сразу. Но я должен помешать ему обратиться к Клоудам. Скорее всего, это была просто угроза, но кто знает… — Он умолк, его взгляд стал отсутствующим, но мозг напряженно работал, обдумывая и отвергая разные возможности. Внезапно Дэвид снова рассмеялся. Это был веселый, бесшабашный смех, который могли бы узнать некоторые люди, не будь они мертвы… Это был смех человека, пускающегося в рискованное и опасное предприятие, — в нем слышались радость и вызов. И он сказал: — Слава богу, Розалин, что я могу полностью на тебя положиться.

— Положиться? — Она устремила на него вопросительный взгляд своих больших темно-голубых глаз. — В чем?

— В том, что ты будешь делать все, как я тебе говорю. В этом, Розалин, секрет успешной операции. — Он опять засмеялся. — Операции «Енох Арден»!

Глава 11

Роули с удивлением вскрыл большой лиловый конверт. Кто мог писать ему, используя подобные канцелярские принадлежности, и где он умудрился их достать? Эти товары напрочь исчезли во время войны.

Роули начал читать письмо:

«Дорогой мистер Роули!

Надеюсь, Вы не сочтете это письмо дерзостью, но мне кажется, что здесь происходят вещи, о которых Вам следует знать. Речь идет о нашем разговоре в тот вечер, когда Вы пришли спросить о некоей особе. (Роули озадаченно посмотрел на подчеркнутые слова.) Если бы Вы заглянули в «Олень», я с радостью рассказала бы Вам о ней кое-что. Мы все здесь считаем просто постыдным то, что произошло с деньгами Вашего дяди после его смерти.

Надеюсь, Вы не будете на меня сердиться, но считаю, Вы должны знать, что тут творится.

Всегда Ваша

Беатрис Липпинкотт».

Роули задумчиво уставился на послание. Что, черт возьми, все это значит? Он знал Беатрис всю свою жизнь — покупал табак в лавке ее отца и болтал с нею за стойкой бара. Она была миловидной девушкой. Роули вспомнил, что еще в детстве слышал разговоры о ее годичном отсутствии в Уормсли-Вейл. Ходили слухи, будто Беатрис уехала рожать незаконного ребенка. Может, так оно и было, а может, и нет. Во всяком случае, сейчас она стала в высшей степени респектабельной, хотя любила поболтать и посмеяться.

Роули посмотрел на часы. Пожалуй, лучше сразу отправиться в «Олень». К дьяволу все эти анкеты! Он хочет узнать поскорее, что Беатрис так не терпится ему сообщить.

Было начало девятого, когда он открыл дверь бара. Послышались обычные приветствия. Роули подошел к стойке и заказал пиво. Беатрис улыбнулась ему:

— Добрый вечер, мистер Роули.

— Добрый вечер, Беатрис. Спасибо за вашу записку.

Она бросила на него быстрый взгляд:

— Я сейчас к вам подойду, мистер Роули.

Он кивнул и задумчиво потягивал пиво, пока Беатрис заканчивала обслуживать других клиентов. Вскоре она позвала Лили, и та сменила ее.

— Пожалуйста, пойдемте со мной, мистер Роули.

Беатрис повела его по коридору к двери с надписью: «Частная квартира». За ней находилась комнатушка, заполненная китайскими орнаментами и плюшевыми креслами, на спинке одного из которых валялась довольно потрепанная кукла Пьеро.

Беатрис Липпинкотт выключила громыхавшее радио и указала на кресло.

— Я так рада, что вы пришли, мистер Роули. Надеюсь, вы не сердитесь, что я вам написала, но я весь уик-энд об этом думала и решила, что вы должны все знать. — Она выглядела возбужденной и явно довольной собой.

— О чем? — с любопытством спросил Роули.

— Помните того джентльмена, мистер Роули, который здесь остановился и о котором вы спрашивали, — мистера Ардена?

— Ну?

— Это случилось следующим вечером. Мистер Хантер пришел и спросил о нем.

— Мистер Хантер? — Заинтересованный, Роули выпрямился в кресле.

— Да, мистер Роули. Я ответила, что мистер Арден в номере пять, а мистер Хантер кивнул и сразу поднялся. Должна сказать, меня это удивило, так как мистер Арден не упоминал, что у него есть знакомые в Уормсли-Вейл, поэтому я считала само собой разумеющимся, что он здесь посторонний и никого не знает. Мистер Хантер выглядел очень мрачным, как будто что-то его расстроило, но тогда я, конечно, ничего такого не подумала…

Она сделала паузу, чтобы перевести дух. Роули молча слушал. Он никогда никого не торопил. Если людям нравилось тянуть время, то это их дело.

— Вскоре я поднялась в четвертый номер проверить полотенца и постельное белье, — с достоинством продолжила Беатрис. — Он находится рядом с пятым, и между ними есть дверь — правда, в пятом номере она не видна, так как задвинута с той стороны гардеробом. Конечно, эта дверь всегда закрыта, но в тот раз она оказалась чуть приоткрытой, хотя я понятия не имею, кто это сделал!

Роули снова промолчал и только кивнул.

Несомненно, дверь открыла сама Беатрис. Она была очень любопытной и специально поднялась в 4-й номер послушать, что происходит в соседней комнате.

— Таким образом, мистер Роули, я волей-неволей услышала, о чем там говорят. Право, я была так ошеломлена, что свалилась бы в обморок, если бы на меня подули!

«Дуть пришлось бы долго», — подумал Роули.

С бесстрастным, почти тупым выражением лица он выслушал краткое повествование Беатрис о подслушанном разговоре. Закончив рассказ, она выжидающе посмотрела на него.

Прошло две минуты, прежде чем Роули вышел из транса и встал.

— Благодарю вас, Беатрис, — произнес он. — Большое спасибо.

С этими словами он вышел из комнаты.

Беатрис была разочарована. Ей казалось, что мистер Роули мог бы сказать еще что-нибудь.

Глава 12

Выйдя из «Оленя», Роули машинально направил стопы к дому, но, пройдя несколько сот ярдов, внезапно остановился и повернул назад.

Он был тугодумом, и до него только теперь начал доходить истинный смысл рассказа Беатрис. Если ее версия услышанного правильная — а Роули не сомневался, что в основном это так, — значит, возникла ситуация, непосредственно касающаяся всех членов семьи Клоуд. Лучше всего в ней мог разобраться дядя Джереми. Как адвокат, Джереми Клоуд должен знать, как лучше воспользоваться этой удивительной информацией и какие шаги следует предпринять. И хотя Роули предпочел бы действовать самостоятельно, он вынужден был признать, что надежнее посоветоваться с проницательным и опытным юристом. Причем чем скорее Джереми узнает об этом, тем лучше. Поэтому Роули тут же направился к дому своего дяди на Хай-стрит.

Маленькая горничная, открывшая ему дверь, сообщила, что мистер и миссис Клоуд еще обедают. Она предложила проводить его в столовую, но Роули сказал, что подождет в кабинете Джереми,

пока они закончат. Ему не хотелось вовлекать в это дело Франсис. Пока они не решат, как им действовать, чем меньше людей будет в курсе, тем лучше.

Роули бродил взад-вперед по кабинету дяди. На письменном столе лежала жестяная коробка с надписью: «Бумаги по делу покойного сэра Уильяма Джессами». На полках стояли книги по юриспруденции, а на столе — старые фотографии Франсис в вечернем платье и ее отца, лорда Эдуарда Трентона, в костюме для верховой езды. Еще одна фотография изображала молодого человека в военной форме — сына Джереми, Энтони, погибшего на войне.

Роули быстро заморгал и отвернулся. Сев в кресло, он уставился на фотографию лорда Эдуарда.

В столовой Франсис сказала мужу:

— Интересно, что понадобилось Роули?

— Возможно, он нарушил какие-то правительственные ограничения, — устало ответил Джереми. — Ни один фермер не в состоянии понять больше четверти формуляров, которые приходится заполнять. Роули — совестливый парень, вот он и беспокоится.

— Он славный, но уж очень медлительный, — заметила Франсис. — Знаешь, я чувствую, что у

них с Линн не все пойдет как надо.

— С Линн? — рассеянно пробормотал Джереми. — Ну да, конечно. Прости, я не могу сосредоточиться. Это постоянное напряжение…

— Не думай об этом, — быстро отреагировала Франсис. — Уверяю тебя, все будет в порядке.

— Иногда ты меня пугаешь, Франсис. Ты такая отчаянная. Не можешь понять…

— Я все понимаю и ни капельки не боюсь. Знаешь, Джереми, я даже получаю удовольствие.

— Именно это меня и беспокоит, дорогая, — вздохнул Джереми.

Франсис улыбнулась.

— Пошли, — сказала она. — Не заставляй нашего молодого фермера так долго ждать. Помоги ему заполнить форму тысяча сто девяносто девять или какой там у нее номер.

Но когда они вышли из столовой, парадная дверь громко хлопнула. Эдна сообщила, что, по словам мистера Роули, он не мог больше ждать и что его дело было не особенно важным.

Глава 13

Во вторник во второй половине дня Линн Марчмонт отправилась на длительную прогулку. Ощущая растущее беспокойство и неудовлетворенность, она чувствовала необходимость как следует подумать.

Линн уже несколько дней не видела Роули. После довольно бурного расставания в то утро, когда она просила его одолжить ей пятьсот фунтов, они встретились как ни в чем не бывало. Линн понимала, что ее просьба была неразумной и что Роули имел все основания ответить отказом. Но благоразумие никогда не являлось привлекательным качеством для влюбленных. Внешне между ней и Роули все оставалось по-прежнему, но в глубине души Линн не была в этом уверена. Последние несколько дней казались ей удручающе монотонными, однако Линн даже самой себе не хотела признаваться, что это как-то связано с внезапным отъездом в Лондон Дэвида Хантера и его сестры. Присутствие Дэвида создавало приятное возбуждение…

Что до родственников, то Линн находила их невыносимо докучливыми. За ленчем ее мать,

пребывая в наилучшем расположении духа, расстроила Линн заявлением, что собирается поискать второго садовника.

— Старый Том уже еле справляется.

— Но, мама, мы не можем себе этого позволить! — воскликнула Линн.

— Чепуха. Не сомневаюсь, Линн, что Гордон очень огорчился бы, если бы мог видеть, как запущен сад. Он всегда требовал, чтобы газоны косили вовремя и дорожки поддерживали в хорошем состоянии. А посмотри, как все выглядит сейчас! Я чувствую, что Гордон сразу захотел бы привести сад в порядок.

— Даже если для этого нам пришлось бы занимать деньги у его вдовы?

— Но Розалин нисколько не возражала. Думаю, она хорошо меня поняла. После оплаты счетов у меня превосходный баланс в банке. А второй садовник мог бы обернуться для нас экономией. Подумай, сколько еще овощей мы могли бы вырастить.

— Мы можем покупать овощи куда дешевле, чем за лишних три фунта в неделю.

— Думаю, мы сумеем нанять кого-нибудь за меньшее жалованье. Сейчас много демобилизованных ищут работу. Так пишут в газетах.

— Сомневаюсь, что ты найдешь их в Уормсли-Вейл или в Уормсли-Хит, — сухо заметила Линн.

Хотя дальше разговоров дело не пошло, явная тенденция матери рассчитывать на Розалин как на постоянный источник поддержки тревожила Линн, напоминая о насмешливых словах Дэвида.

Поэтому она отправилась на прогулку, чтобы отогнать невеселые мысли.

Ее настроение не улучшила встреча с тетей Кэти возле почты. С другой стороны, тетя Кэти излучала бодрость.

— Думаю, дорогая Линн, скоро нас ожидают хорошие новости.

— О чем вы, тетя Кэти?

Миссис Клоуд многозначительно улыбнулась:

— Я получила удивительное сообщение. Нашим бедам скоро придет конец. Один раз меня постигла неудача, но я получила указание пробовать снова и снова… Не собираюсь выдавать никаких секретов, дорогая Линн, а тем более внушать ложные надежды, но я уверена, что очень скоро все будет в порядке. Давно пора. Я очень беспокоюсь о твоем дяде. Во время войны он слишком много работал. Ему нужно бросить практику и посвятить себя научным исследованиям, но он не может этого сделать, не имея подобающего

дохода. Иногда у него случаются такие странные нервные срывы, что я очень тревожусь.

Линн задумчиво кивнула. Необычные перемены настроения Лайонела Клоуда не ускользнули от ее внимания. Она подозревала, что он иногда прибегает к наркотикам в качестве стимуляции, и опасалась, не стал ли ее дядя наркоманом. Это объяснило бы его непонятную раздражительность. Интересно, догадывается ли об этом тетя Кэти? Она ведь далеко не так глупа, как порой кажется, думала Линн.

Проходя по Хай-стрит, она заметила дядю Джереми, входящего к себе в дом. Ей показалось, что он как-то сильно постарел за последние три недели.

Линн ускорила шаг. Она хотела выбраться из Уормсли-Вейл на холмы и просторы. Быстрая ходьба обычно успокаивала ее. Хорошо бы пройти миль шесть-семь и все обдумать. Всю свою жизнь Линн была решительной и здравомыслящей. Она твердо знала, чего хочет и чего не хочет. До сих пор она еще никогда не удовлетворялась тем, чтобы просто плыть по течению…

Однако после демобилизации с ней происходило именно это. Существование без всякой цели и смысла. Ее внезапно охватила ностальгия

по военному времени, когда обязанности были четко определены, а жизнь — строго распланирована, когда ей не приходилось самой принимать решения. Мысль об этом привела Линн в ужас. Неужели остальные чувствуют то же самое? Так вот что война делает с людьми! После физической опасности — мин в море, бомб с воздуха, свиста пули, когда едешь по пустынной дороге, — наступает опасность духовная: чувство, что жить было гораздо легче, когда не приходилось думать… Она, Линн Марчмонт, больше не была решительной девушкой с ясной головой. На военной службе ее мысли направлялись по четко определенному руслу. Теперь, снова став хозяйкой самой себе, она ужасалась полной неспособности разобраться в личных проблемах.

Линн криво усмехнулась. Странно, что газетный персонаж «домохозяйка» благодаря войне неожиданно выдвинулся на передний план. Женщины, вынужденные использовать всю свою изобретательность, о которой они раньше и не подозревали, чтобы преодолевать бесчисленные препятствия и как-то выкручиваться, теперь могут отвечать за себя и за других. А она, Линн Марчмонт, умная, образованная, выполнявшая работу, которая требовала смекалки и усердия,

сейчас не ощущает никакой опоры и — да, без этих ненавистных слов не обойтись — плывет по течению!

Иное дело люди, которые оставались дома, — например, Роули.

Мысли Линн сразу же переключились с общих проблем на личные. Она и Роули — вот настоящая, единственная проблема. Действительно ли она хочет выйти за него замуж?

Приближались сумерки — тени становились все длиннее. Линн сидела неподвижно у края рощицы на склоне холма, подперев руками подбородок и глядя на долину. Она потеряла счет времени, но испытывала странное нежелание возвращаться в «Белый дом». Внизу слева находились «Плакучие ивы», которые станут ее домом, если она выйдет за Роули. Если!.. Все снова и снова возвращается к этому!

Из леса с испуганным криком, похожим на детский плач, вылетела птица. В небо тянулся дым от проходящего поезда, принимая форму гигантского вопросительного знака.

«Выходить ли мне за Роули? Хочу ли я этого и хотела ли когда-нибудь? Могу ли я этого не делать?»

Поезд, пыхтя, исчезал в долине, дым постепен-

но рассеивался. Но вопросительный знак все еще маячил в голове Линн.

Она любила Роули, перед тем как пошла в армию. «Но теперь я изменилась, — думала Линн. — Я уже не та, что была раньше».

Ей на ум пришла строчка из стихотворения: «И жизнь, и мир, и я теперь другие...» А Роули? Роули все тот же.

Да, Роули не изменился. Он был таким же, каким она оставила его четыре года назад.

Так хочет ли она выйти за него замуж? Если нет, то чего вообще она хочет?

Позади затрещали ветки — кто-то пробирался сквозь рощу. Мужской голос выругался.

— Дэвид! — вскрикнула она.

— Линн! — Выбравшийся из подлеска Дэвид казался удивленным. — Что вы здесь делаете?

Он слегка запыхался от бега.

— Не знаю — просто сижу и думаю. — Она усмехнулась. — Наверно, уже поздно.

— Вы что, не знаете, сколько времени?

Линн рассеянно взглянула на часы:

— Они снова остановились. Очевидно, во мне есть какая-то сила, которая дезорганизует часовой механизм.

— И не только его! В вас слишком много элек-

тричества, энергии, самой жизни!

Дэвид шагнул к ней, и она быстро поднялась:

— Уже темно. Я должна возвращаться домой. Который теперь час, Дэвид?

— Четверть десятого. Мне нужно бежать со всех ног, чтобы поспеть на поезд в девять двадцать в Лондон.

— Я не знала, что вы вернулись сюда.

— Понадобилось взять кое-какие вещи из «Фарроубэнка». Но я должен спешить. Розалин одна в квартире, а она нервничает, если ей приходится ночью оставаться одной в Лондоне.

— В квартире с гостиничным обслуживанием? — В голосе Линн прозвучало презрение.

— Страх не знает логики, — резко отозвался Дэвид. — Когда попадаешь под бомбежку…

Линн почувствовала раскаяние:

— Простите. Я забыла.

— Да, это скоро забывается, — с внезапной горечью признал Дэвид. — Люди возвращаются туда, где были раньше, прежде чем начался этот кровавый спектакль! Забиваются в свои норки и снова чувствуют себя в безопасности! И вы, Линн, такая же, как остальные!

— Нет, Дэвид! — воскликнула она. — Я не такая! Я как раз думала о…

— Обо мне?

Его внезапный порыв испугал Линн. Он обнял ее, привлек к себе и поцеловал жадными, горячими губами.

— Роули Клоуд? Этот олух? Нет, Линн, клянусь богом, ты принадлежишь мне! — Так же неожиданно Дэвид отпустил ее, почти оттолкнув. — Я опоздаю на поезд. — И он побежал вниз по склону холма.

— Дэвид…

Повернувшись, Хантер крикнул:

— Я позвоню тебе, когда доберусь до Лондона!

Линн наблюдала, как исчезает в сгущающемся сумраке его легкая атлетическая фигура. Затем с колотящимся сердцем и хаосом в голове она медленно побрела домой.

Линн поколебалась, прежде чем войти, опасаясь вопросов матери — ее матери, одолжившей пятьсот фунтов у людей, которых презирала.

«Мы не имеем права презирать Дэвида и Розалин, — думала Линн, поднимаясь по лестнице и стараясь ступать бесшумно. — Мы такие же, как они, — готовы на все ради денег».

Она стояла в спальне, с любопытством разглядывая в зеркале свое лицо, казавшееся ей незнакомым.

Внезапно ее охватил гнев.

«Если бы Роули по-настоящему любил меня, — подумала Линн, — он бы как-нибудь достал для меня эти пятьсот фунтов, не позволил бы, чтобы я чувствовала унижение, будучи вынужденной принять их от Дэвида...»

Дэвид обещал позвонить ей из Лондона...

Линн спустилась вниз, шагая как во сне. «Сны, — думала она, — могут быть очень опасными...»

Глава 14

— Вот и ты, Линн. — Адела облегченно вздохнула. — Я не слышала, как ты вошла, дорогая. Ты давно вернулась?

— Да. Я была наверху.

— Ты лучше говори мне, когда возвращаешься. Я всегда нервничаю, если тебя нет после наступления темноты.

— Неужели ты думаешь, мама, что я не в состоянии о себе позаботиться?

— Знаешь, в газетах пишут такие ужасы! Демобилизованные солдаты нападают на девушек…

— Очевидно, девушки сами на это напрашиваются.

Линн криво усмехнулась. Да, девушки напрашиваются на риск… Неужели кому-то нравится чувствовать себя в безопасности?..

— Линн, дорогая, ты меня слушаешь?

Вздрогнув, Линн оторвалась от своих мыслей:

— О чем ты говорила, мама?

— О подружках на твоей свадьбе. Надеюсь, у них найдутся талоны. Тебе повезло, что у тебя остались твои демобилизационные. Мне так жаль девушек, которым приходится выходить

замуж с обычными талонами. На них не купишь ничего нового. Я имею в виду не верхнюю одежду, а белье. Сейчас его достать просто невозможно. Да, Линн, тебе повезло.

— Ужасно повезло.

Линн ходила по комнате, машинально подбирая разные предметы и ставя их на место.

— Почему ты все теребишь, дорогая? Мне это на нервы действует.

— Прости, мама.

— Надеюсь, ничего не случилось?

— А что должно было случиться? — огрызнулась Линн.

— Не надо сердиться, дорогая. Так вот, насчет подружек невесты. Думаю, ты должна пригласить Джоан Макрей. Ее мать была моей лучшей подругой, и она может обидеться, если…

— Я всегда терпеть не могла Джоан Макрей.

— Знаю, дорогая, но какое это имеет значение? Я уверена, что Марджори обидится…

— Ведь это моя свадьба, мама, не так ли?

— Конечно, Линн, но…

— Если только она вообще состоится!

Линн не собиралась этого говорить. Слова вырвались сами собой. Она бы охотно взяла их обратно, но было уже поздно. Миссис Марчмонт

испуганно уставилась на дочь:

— Линн, дорогая, что ты имеешь в виду?

— О, ничего, мама.

— Ты не поссорилась с Роули?

— Конечно, нет. Не волнуйся, мама, все в порядке.

Но Адела с беспокойством смотрела на нахмуренное лицо дочери.

— Я всегда считала, что ты будешь в полной безопасности замужем за Роули, — жалобно промолвила она.

— А кому нужна безопасность? — с презрением огрызнулась Линн и резко повернулась: — Телефон?

— Нет. Ты ждешь звонка?

Линн покачала головой. Как унизительно ожидать, что тебе позвонят! Но Дэвид обещал… «Ты с ума сошла!» — сказала она себе.

Почему этот человек так ее привлекает? Его мрачное лицо стояло у нее перед глазами. Она пыталась отогнать видение, представляя себе круглую добродушную физиономию Роули, его спокойную улыбку, преданный взгляд. Но действительно ли Роули любит ее? Если да, то он должен был понять ее, когда она попросила у него пятьсот фунтов, а не быть таким ужасающе

благоразумным и практичным. Выйти замуж за Роули, жить на ферме, никуда не уезжать, не видеть чужого неба, не ощущать экзотических запахов — никогда больше не быть свободной…

Зазвонил телефон. Затаив дыхание, Линн пересекла холл и подняла трубку.

На другом конце провода послышался тонкий голос тети Кэти:

— Это ты, Линн? О, я так рада. Боюсь, я напутала с собранием в институте…

Голос продолжал взволнованно щебетать. Линн слушала, вставляла замечания, успокаивала, принимала благодарности.

— Ты всегда так добра и так практична, дорогая Линн. Понять не могу, почему я вечно все путаю?

Линн тоже этого не понимала. Способность тети Кэти путать простейшие вещи граничила с гениальностью.

— Но я всегда говорила, — не унималась тетя Кэти, — что беда не приходит одна. Наш телефон испортился, и я вышла к автомату, а у меня не оказалось двухпенсовых монет — только по полпенни, — поэтому мне пришлось просить…

Голос наконец смолк. Линн положила трубку и вернулась в гостиную.

— Кто звонил? — бдительно осведомилась Аделла Марчмонт.

— Тетя Кэти, — быстро ответила Линн.

— Что ей было нужно?

— Опять что-то перепутала.

Линн села с книгой, посматривая на часы. Еще слишком рано для звонка Дэвида. В пять минут двенадцатого телефон зазвонил вновь. Она медленно подошла к нему. Лучше не надеяться — возможно, это опять тетя Кэти…

— Уормсли-Вейл, 34? Мисс Линн Марчмонт звонят из Лондона.

Сердце Линн бешено забилось.

— У телефона мисс Марчмонт.

— Пожалуйста, не кладите трубку.

Послышались невнятные звуки, потом все стихло. Телефонная связь работает все хуже и хуже… Линн сердито постучала по микрофону и снова услышала женский голос — холодный и равнодушный:

— Положите трубку, пожалуйста. Вам позвонят позже.

Линн направилась в гостиную, но, когда открыла дверь, опять раздался звонок. Она поспешила назад, к телефону.

— Алло?

На сей раз послышался мужской голос:

— Уормсли-Вейл, 34? Мисс Линн Марчмонт звонят из Лондона.

— Я у телефона.

— Одну минуту. — Потом еле слышно: — Говорите, вас слушают.

Внезапно раздался голос Дэвида:

— Это ты, Линн?

— Дэвид!

— Я должен с тобой поговорить.

— Да?..

— Слушай, Линн, я думаю, мне лучше исчезнуть…

— Что ты имеешь в виду?

— Уехать из Англии. Это достаточно легко. Я говорил Розалин, что это трудно, только потому, что не хотел покидать Уормсли-Вейл. Но какой в этом толк? У нас с тобой ничего не получится. Ты прекрасная девушка, Линн, а что касается меня, то во мне всегда было что-то от мошенника. И не льсти себе, что я исправлюсь ради тебя. Я мог бы постараться, но из этого ничего бы не вышло. Нет, лучше выходи за этого работягу Роули. С ним ты будешь жить спокойно до конца дней, а я бы превратил твою жизнь в ад.

Она молчала, прижимая к уху трубку.

— Ты слушаешь, Линн?

— Да.

— Но ты ничего не говоришь.

— А что тут говорить?

Несмотря на разделяющие их мили, Линн физически ощущала его напряженность и возбуждение…

— Пускай все идет к черту! — И Дэвид положил трубку.

— А кто теперь звонил? — выйдя из гостиной, полюбопытствовала миссис Марчмонт.

— Ошиблись номером, — ответила Линн и стала быстро подниматься по ступенькам.

Глава 15

В традициях «Оленя» было будить постояльцев громким стуком в дверь и столь же громким сообщением, что сейчас восемь, половина девятого или другое назначенное ими время. Утренний чай приносили только по особому требованию и, звеня посудой, оставляли на циновке у двери.

В среду утром юная Глэдис постучала в дверь номера 5, крикнула: «Четверть девятого, сэр!» — и со стуком опустила поднос, в результате чего молоко пролилось из кувшина. После этого она пошла будить других и исполнять прочие обязанности.

Только в десять Глэдис обнаружила, что поднос все еще стоит на циновке у двери 5-го номера.

Она несколько раз постучала и, не получив ответа, вошла.

Постоялец из номера 5 не походил на джентльмена, способного проспать, и Глэдис вспомнила, что за окном находилась плоская крыша. «Возможно, — подумала она, — он сбежал, не оплатив счет».

Но человек, зарегистрировавшийся под именем Енох Арден, не сбежал. Он лежал на полу лицом

вниз, и Глэдис, хотя и не разбиралась в медицине, сразу поняла, что он мертв.

Она с воплями выбежала из комнаты и понеслась вниз по лестнице, продолжая кричать:

— Мисс Липпинкотт! О, мисс Липпинкотт!..

Беатрис Липпинкотт сидела в своей комнате с доктором Лайонелом Клоудом, который перевязывал ей порезанную руку. Доктор уронил бинт и с раздражением обернулся, когда девушка ворвалась с криком:

— О, мисс!

— В чем дело? — сердито осведомился доктор.

— Что случилось, Глэдис? — спросила Беатрис.

— Джентльмен из номера пять, мисс… Он лежит на полу мертвый.

Доктор уставился на девушку, потом на мисс Липпинкотт. Последняя, в свою очередь, растерянно посмотрела на Глэдис, затем на доктора.

— Чепуха, — неуверенно произнес доктор Клоуд.

— Мертвее не бывает! — заверила Глэдис и со смаком добавила: — У него вся голова разбита!

Доктор снова глянул на мисс Липпинкотт:

— Может быть, я лучше…

— Да, пожалуйста, доктор Клоуд. Но, по-моему, это просто невозможно…

Они поднялись наверх. Глэдис возглавляла процессию. Доктор Клоуд опустился на колени и склонился над неподвижной фигурой. Потом он поднял взгляд на Беатрис. Его поведение изменилось, став властным и решительным.

— Вам следует позвонить в полицейский участок, — сказал доктор.

Беатрис Липпинкотт вышла. Глэдис последовала за ней.

— О, мисс, вы думаете, что это убийство? — испуганно прошептала она.

Беатрис взволнованно пригладила золотистую шевелюру.

— Лучше придержи язык, Глэдис, — резко приказала она. — Если будешь называть это убийством, не зная, так ли оно на самом деле, тебя могут притянуть к суду за клевету. Да и «Оленю» сплетни не пойдут на пользу. — Смягчившись, Беатрис добавила: — Можешь приготовить себе чашку чаю — она тебе не помешает.

— Спасибо, мисс. У меня внутри все переворачивается! Вам я тоже принесу чай.

Беатрис не стала возражать.

Глава 16

Суперинтендент Спенс задумчиво смотрел на Беатрис Липпинкотт, сидевшую напротив него с плотно сжатыми губами.

— Благодарю вас, мисс Липпинкотт, — сказал он. — Это все, что вы можете вспомнить? Я распоряжусь отпечатать ваши показания, чтобы вы их прочитали и, если у вас не будет возражений, подписали.

— О боже! Надеюсь, мне не придется давать показания в полицейском суде?

Суперинтендент Спенс успокаивающе улыбнулся.

— Мы тоже надеемся, что до этого дело не дойдет, — солгал он.

— Возможно, это самоубийство, — предположила Беатрис.

Суперинтендент воздержался от замечания, что самоубийцы обычно не бьют себя по затылку стальными каминными щипцами.

— Никогда не следует делать поспешных выводов, — ответил он тем же ободряющим тоном. — Еще раз спасибо, мисс Липпинкотт. С вашей стороны было очень любезно, что вы так

быстро пришли дать показания.

После ухода хозяйки гостиницы суперинтендент мысленно вернулся к ее показаниям. Он все знал о Беатрис Липпинкотт и прекрасно понимал, в какой степени можно полагаться на точность рассказанного ею. То, что она подслушала и правильно запомнила разговор, не вызывало сомнений. Конечно, не обошлось без приукрашивания, так как убийство произошло именно в 5-м номере, но, даже если убрать все лишнее, картина получается достаточно неприглядная и наводящая на столь же малоприятные мысли.

Суперинтендент Спенс посмотрел на стол, где лежали наручные часы с разбитым стеклом, золотая зажигалка с инициалами, губная помада в позолоченном корпусе и тяжелые каминные щипцы, на которых виднелись ржавые пятна.

Вошел сержант Грейвс и доложил, что за дверью ожидает мистер Роули Клоуд. Спенс кивнул, и сержант впустил Роули в кабинет.

О Роули Клоуде суперинтендент знал не меньше, чем о Беатрис Липпинкотт. Если Роули пришел в полицейский участок, значит, он может кое-что сообщить, и это «кое-что» будет вполне надежным, точным и неприукрашенным. Его, безусловно, стоит выслушать. В то же время Ро-

ули тугодум — следовательно, его рассказ займет немало времени. Но людей типа Роули Клоуда не следует торопить, иначе они начинают путаться, повторять одно и то же, и в результате повествование окажется вдвое длиннее…

— Доброе утро, мистер Клоуд. Рад вас видеть. Вы в состоянии пролить какой-нибудь свет на нашу проблему? Я имею в виду человека, которого убили в «Олене».

К удивлению Спенса, Роули начал с вопроса:

— Вы уже выяснили, кто этот парень?

— Нет, — медленно отозвался Спенс. — Я бы так не сказал. Он зарегистрировался как Енох Арден, но в его вещах нет ничего подтверждающего, что он действительно был им.

Роули нахмурился:

— Вам это не кажется… немного странным?

Суперинтенденту это казалось даже очень странным, но он не намеревался обсуждать это с Роули Клоудом.

— Вопросы задаю я, мистер Клоуд, — вежливо напомнил Спенс. — Итак, вчера вечером вы приходили повидать покойного. Почему?

— Вы знаете Беатрис Липпинкотт, суперинтендент? Из «Оленя»?

— Разумеется. И я уже слышал ее рассказ, — до-

бавил Спенс, надеясь таким образом сэкономить время. — Она сама пришла сюда.

На лице Роули отразилось облегчение.

— Это хорошо. А я боялся, что она, возможно, не захочет впутываться в полицейскую историю. Знаете, у всех свои причуды.

Суперинтендент молча кивнул.

— Так вот, — продолжил Роули, — Беатрис сообщила мне то, что ей удалось подслушать, и мне это показалось весьма подозрительным. Мы ведь… ну, заинтересованные лица.

Спенс кивнул снова. Он был в курсе обстоятельств смерти Гордона Клоуда и, как все местные жители, считал, что его семья пострадала несправедливо. Он разделял всеобщее мнение, что миссис Гордон Клоуд «не леди» и что ее брат — один из тех отчаянных молодых десантников, к которым, хотя они и принесли немало пользы во время войны, в мирное время следует относиться с подозрением.

— Едва ли мне нужно объяснять вам, суперинтендент, что если первый муж миссис Гордон еще жив, то для нашей семьи это все меняет. Рассказ Беатрис был первым намеком, что такое возможно. Мне это никогда и в голову не приходило — я не сомневался, что миссис Гордон вдова. Должен

признаться, я был потрясен. Мне понадобилось время, чтобы все это осознать.

Спенс кивнул в третий раз. Он хорошо себе представлял, как Роули медленно обдумывает услышанное, снова и снова проворачивая его у себя в голове.

— Сначала я решил посоветоваться с дядей-адвокатом…

— Мистером Джереми Клоудом?

— Да. Я пошел к нему. Наверно, было начало девятого. Они все еще обедали, а я поджидал Джереми в его кабинете, еще раз все обдумывая.

— Ну?

— В конце концов, я пришел к выводу, что лучше попробовать самому что-нибудь предпринять, прежде чем втягивать в это дядю. Адвокаты все одинаковы — они осторожны, медлительны и должны твердо во всем убедиться, прежде чем начинать действовать. Сведения поступили ко мне абсолютно неофициально, и я опасался, что старый Джереми начнет сомневаться. Поэтому решил пойти в «Олень» и повидать этого парня.

— Вы так и сделали?

— Да. Я отправился прямиком в «Олень»…

— Сколько тогда было времени?

Роули задумался.

— Должно быть, я пришел к Джереми минут в двадцать девятого, а в гостиницу — после половины девятого, возможно, без двадцати девять.

— И что было потом, мистер Клоуд?

— Я знал, где остановился этот тип, — Би сообщила мне его номер, — поэтому поднялся и постучал. Он сказал: «Войдите», и я вошел. — Роули сделал паузу. — Не думаю, что я был на высоте. Парень оказался слишком ловок. Мне не удалось вытянуть из него ничего определенного. Я рассчитывал, что он испугается, если я намекну, что его могут притянуть за шантаж, но это как будто его только позабавило. Этот нахал спросил меня, не хочу ли я купить у него кое-что. «Со мной ваши грязные штучки не пройдут, — ответил я. — Мне нечего скрывать». Тогда он заявил, что дело совсем не в том, — просто ему есть что продать, и его интересует, не стану ли я покупателем. «О чем вы?» — спросил я. «Сколько вы — или ваша семья — заплатили бы мне за неопровержимое доказательство того, что Роберт Андерхей, который якобы умер в Африке, на самом деле жив-здоров?» — осведомился он. Я спросил, почему мы вообще должны за это платить. А он засмеялся и ответил: «Потому что я жду этим вечером клиента, который готов заплатить

солидную сумму за доказательство, что Роберт Андерхей мертв». Тогда… ну, боюсь, я вышел из себя и сказал ему, что моя семья не привыкла участвовать в таких грязных делишках. Если Андерхей действительно жив, то это нетрудно установить. После этого я встал и направился к двери, а он усмехнулся и заметил довольно странным тоном: «Не думаю, что вам удастся доказать это без моей помощи».

— А потом?

— Ну, откровенно говоря, я вернулся домой недовольным собой. Я чувствовал, что все еще сильнее запутал, и жалел, что не обратился к старому Джереми. Адвокаты привыкли иметь дело с такими скользкими типами.

— В котором часу вы ушли из «Оленя»?

— Понятия не имею. Хотя погодите. Должно быть, без нескольких минут девять, так как, пока шел по деревне, слышал в одном из окон начало передачи новостей.

— Арден говорил, что за «клиента» он ожидал?

— Нет. Я решил, что это Дэвид Хантер. Кто еще это мог быть?

— Он не казался встревоженным предстоящим визитом?

— Напротив, парень выглядел чертовски до-

вольным.

Спенс указал на тяжелые стальные щипцы:

— Вы заметили их на каминной решетке, мистер Клоуд?

— Щипцы? Нет, едва ли. Огонь в камине не горел. — Роули нахмурился, пытаясь представить себе сцену. — Я уверен, что щипцы там были, но не знаю, эти или нет. — И, помолчав, спросил: — Именно этой штукой?..

Спенс кивнул:

— Да. Ему проломили череп.

Роули нахмурился:

— Странно. Хантер отнюдь не тяжеловес, а Арден был настоящий громила.

— Согласно медицинскому заключению, — объяснил суперинтендент, — удар был нанесен сзади и сверху массивной головкой щипцов.

— Конечно, он был крепким и уверенным в себе парнем, — задумчиво проговорил Роули, — но на его месте я бы не стал поворачиваться спиной к человеку, у которого собирался вытянуть кругленькую сумму и который прошел на войне через огонь, воду и медные трубы. Очевидно, Арден не отличался осторожностью.

— В противном случае он был бы жив, — сухо заметил Спенс.

— Мне бы чертовски этого хотелось! — с жаром воскликнул Роули. — Я чувствую, что все испортил окончательно. Если бы я не закусил удила и не ушел, то, возможно, вытянул из него что-нибудь полезное. Мне следовало притвориться, что мы согласны заплатить, но, с другой стороны, кто мы такие, чтобы тягаться с Розалин и Дэвидом? У них куча денег, а мы все вместе не наскребли бы и пятисот фунтов.

Суперинтендент поднял золотую зажигалку.

— Вы когда-нибудь видели ее раньше?

Роули сдвинул брови:

— Видел, и не так давно, но не могу вспомнить где.

Однако Спенс не вложил зажигалку в протянутую руку Роули. Вместо этого он взял губную помаду и отвинтил крышку.

— А это?

Роули усмехнулся:

— Уж это совсем не по моей части, суперинтендент.

Спенс задумчиво мазнул помадой по кисти руки и склонил голову набок, глядя на пятно.

— По-моему, цвет подходит для брюнетки, — заметил он.

— И чего только вы, полисмены, не знаете! —

Роули поднялся. — Хотя вы наверняка не знаете, кем был убитый.

— А у вас есть какие-нибудь идеи на этот счет, мистер Клоуд?

— Я вот что подумал, — медленно произнес Роули. — Этот парень был нашим единственным ключом к Андерхею. После его смерти искать Андерхея — все равно что иголку в стоге сена.

— Не забывайте, мистер Клоуд, что сообщения об убийстве появятся в прессе, — сказал Спенс. — Если Андерхей жив и прочитает об этом, он может объявиться.

— Может, — с сомнением повторил Роули.

— Но вы так не думаете?

— Я думаю, — отозвался Роули, — что в первом раунде выиграл Дэвид Хантер.

— Любопытно. — Когда Роули вышел, Спенс снова поднял золотую зажигалку и посмотрел на инициалы Д.Х. — Дорогая штучка, — сказал он сержанту Грейвсу. — Явно не массового производства. Отследить ее не составит труда. Грейторекс или один из шикарных магазинов на Бонд-стрит. Займитесь этим.

— Да, сэр.

Суперинтендент осмотрел наручные часы. Стекло было разбито, а стрелки показывали де-

сять минут десятого.

Он бросил взгляд на сержанта:

— Уже есть данные экспертизы, Грейвс?

— Да, сэр. Ходовая пружина сломана.

— А механизм стрелок?

— В полном порядке, сэр.

— Как вы думаете, Грейвс, о чем нам говорят эти часы?

— Как будто они указывают время убийства, — осторожно ответил Грейвс.

— Если бы вы прослужили в полиции столько, сколько я, то относились бы с подозрением к такой «удобной» улике, как разбитые часы, — сказал Спенс. — Она может быть как подлинной, так и сфабрикованной — это старый трюк. Вы ставите стрелки на нужное время, разбиваете часы и обеспечиваете себе алиби. Но стреляного воробья на этом не проведешь. Я считаю вопрос о времени преступления по-прежнему открытым. Согласно медицинскому заключению оно произошло между восемью и одиннадцатью вечера.

Сержант Грейвс откашлялся.

— Эдуардс, второй садовник в «Фарроубэнке», говорит, что видел, как Дэвид Хантер вышел из дома через боковую дверь около половины восьмого. Горничные вообще не знали, что он там

был, — они думали, что он в Лондоне с миссис Гордон.

— Интересно, что сам Хантер расскажет о своих действиях, — протянул Спенс.

— Дело вроде бы ясное, сэр. — Грейвс вновь принялся разглядывать инициалы на зажигалке.

— Хм! — произнес суперинтендент и указал на губную помаду: — Это все еще требует объяснений.

— Помада закатилась под комод, сэр. Возможно, она была там уже некоторое время.

— Я это проверил, — отозвался Спенс. — Последний раз женщина занимала эту комнату три недели назад. Я знаю, что в наши дни на прислугу нельзя особенно полагаться, но думаю, раз в три недели пол под мебелью все-таки протирают тряпкой. В целом «Олень» содержится в чистоте и порядке.

— Нет никаких сведений, что к Ардену приходила женщина.

— Знаю, — кивнул суперинтендент. — Вот почему я считаю, что помада нуждается в объяснении.

Сержант Грейвс удержался от фразы: «Cherchez

la femme»[18]. У него было хорошее французское произношение, и он не хотел раздражать суперинтендента Спенса, привлекая к этому внимание. Сержант был весьма тактичным молодым человеком.

[18] Сноски: 18
Ищите женщину *(фр.).*

Глава 17

Суперинтендент Спенс окинул взглядом «Шепердс-Корт» в Мэйфере, прежде чем шагнуть к парадному входу. Скромно расположенное неподалеку от «Шепердс-Маркет» здание выглядело неброским, но весьма дорогим.

В вестибюле ноги Спенса сразу утонули в мягком ворсистом ковре. Рядом с дверью находились обитый бархатом диван и жардиньерка, полная цветов, напротив помещался автоматический лифт, а сбоку от него — лестница. С правой стороны холла виднелась дверь с табличкой «Офис». Спенс открыл ее и вошел в маленькую комнату с перегородкой, за которой находились стол с пишущей машинкой и два стула. Один стоял у стола, а другой — у окна. В комнате никого не было.

Заметив кнопку звонка на перегородке красного дерева, Спенс нажал ее. Так как ничего не произошло, он повторил эту процедуру. Спустя минуту дверь в дальней стене открылась, впустив мужчину в сверкающей великолепием униформе. Его можно было принять за иностранного генерала или даже фельдмаршала, но речь сразу же выдала лондонца, и притом необразованного.

— Да, сэр?

— Здесь проживает миссис Гордон Клоуд?

— На четвертом этаже, сэр. Позвонить ей?

— Миссис Клоуд сейчас дома? — осведомился Спенс. — Я думал, что она, возможно, в деревне.

— Нет, сэр, она здесь с прошлой субботы.

— А мистер Дэвид Хантер?

— Мистер Хантер тоже здесь.

— Он не уезжал?

— Нет, сэр.

— А был он здесь вчера вечером и прошлой ночью?

— Послушайте, что все это значит? — «Фельдмаршал» внезапно стал агрессивным. — Хотите знать биографию каждого жильца?

Спенс молча предъявил удостоверение. «Фельдмаршал» тотчас же съежился и сделался угодливым.

— Простите, сэр, я не знал…

— Так был здесь мистер Хантер вечером и ночью?

— Да, сэр. По крайней мере, я так думаю. Он не говорил, что уезжает.

— Вы бы знали, если бы он уехал?

— Ну, вообще-то да. Обычно леди и джентльмены перед отъездом оставляют распоряжения

насчет писем и того, что говорить, если им позвонят.

— А звонят в ваш офис?

— Нет, в большинстве квартир есть телефоны. Правда, один-два жильца отказались от телефона — им мы звоним по внутренней связи, они спускаются и разговаривают из будки в холле.

— Но в квартире миссис Клоуд есть телефон?

— Да, сэр.

— И, насколько вам известно, вчера вечером и ночью оба были здесь?

— Да.

— А как питаются жильцы?

— У нас есть ресторан, но миссис Клоуд и мистер Хантер редко им пользуются. Обычно они ходят куда-нибудь обедать.

— А завтракать?

— Завтрак подают в квартиры.

— Вы можете выяснить, подавали ли им завтрак сегодня утром?

— Да, сэр. Сейчас узнаю в комнате прислуги.

Спенс кивнул:

— Я поднимусь наверх. Сообщите мне об этом, когда я спущусь.

— Хорошо, сэр.

Спенс вошел в лифт и нажал кнопку четвертого

этажа. На каждой площадке было всего по две квартиры. Спенс позвонил в квартиру номер 9.

Дверь открыл Дэвид Хантер. Он не знал суперинтендента в лицо и резко спросил:

— Что вам нужно?

— Мистер Хантер?

— Да.

— Суперинтендент Спенс из полиции графства Оустшир. Могу я поговорить с вами?

Дэвид усмехнулся:

— Прошу прощения, суперинтендент. Я подумал, что вы коммивояжер. Входите.

Он проводил посетителя в по-современному обставленную комнату. Стоящая у окна Розалин повернулась, когда они вошли.

— Это суперинтендент Спенс, Розалин, — сказал Хантер. — Присаживайтесь, суперинтендент. Хотите выпить?

— Нет, благодарю вас, мистер Хантер.

Розалин кивнула гостю и села спиной к окну, положив руки на колени.

— Закурите? — Дэвид протянул портсигар.

— Спасибо. — Спенс взял сигарету и подождал, наблюдая, как Дэвид сунул руку в карман, вытащил ее, нахмурился, огляделся и взял спичечный коробок. Чиркнув спичкой, он дал суперинтен-

денту прикурить сигарету.

— Благодарю вас, сэр.

— Ну, — беспечным тоном осведомился Дэвид, тоже закуривая, — что не так в Уормсли-Вейл? Наша кухарка торгует на черном рынке? Она готовит превосходную пищу, и я всегда подозревал, что за этим кроется какая-то зловещая история.

— К сожалению, дело более серьезное, — ответил суперинтендент. — Вчера вечером в гостинице «Олень» умер человек. Возможно, вы видели сообщение в газетах?

Дэвид покачал головой:

— Нет, я не обратил внимания. Что с ним произошло?

— Он не просто умер — его убили. Точнее, ему размозжили голову.

У Розалин вырвался сдавленный возглас.

— Пожалуйста, суперинтендент, не вдавайтесь в подробности, — быстро попросил Дэвид. — Моя сестра очень чувствительна. Если вы начнете рассказывать про кровь и всякие ужасы, она упадет в обморок.

— Прошу прощения, — извинился Спенс. — Крови было не так уж много, но это, несомненно, убийство.

Дэвид приподнял брови:

— Вы меня заинтриговали. При чем тут мы?

— Мы надеемся, что вы сможете рассказать нам что-нибудь об этом человеке, мистер Хантер.

— Я?

— Вы приходили к нему вечером в прошлую субботу. Его имя — вернее, имя, под которым он зарегистрировался, — Енох Арден.

— Да-да. Теперь припоминаю. — Дэвид говорил спокойно, без всякого смущения.

— Ну, мистер Хантер?

— Ну, суперинтендент, боюсь, что не смогу вам ничем помочь. Я почти ничего не знаю об этом человеке.

— Его действительно звали Енох Арден?

— Очень в этом сомневаюсь.

— Что он вам рассказал?

— Обычную историю неудачника. Упоминал разные места, военные происшествия, знакомых… — Дэвид пожал плечами. — Боюсь, все это сплошная выдумка.

— Вы дали ему какие-нибудь деньги, сэр?

— Только пять фунтов — из жалости, — после едва заметной паузы ответил Дэвид. — Все-таки он побывал на войне.

— Он упоминал знакомые вам имена?

— Да.

— Среди них не было капитана Роберта Андерхея?

Суперинтендент наконец добился ожидаемого эффекта. Дэвид весь напрягся. Розалин испуганно вскрикнула.

— Почему вы так думаете, суперинтендент? — спросил наконец Дэвид. Его взгляд был настороженным.

— Мы получили определенную информацию, — уклончиво ответил Спенс.

Некоторое время царило молчание. Суперинтендент ощущал на себе пытливый, оценивающий взгляд Дэвида.

— Вы знаете, кто такой был Роберт Андерхей? — спросил Дэвид.

— Надеюсь, вы мне расскажете, сэр.

— Роберт Андерхей был первым мужем моей сестры. Он умер в Африке несколько лет тому назад.

— Вы уверены в этом, мистер Хантер? — быстро спросил Спенс.

— Абсолютно уверен. Не так ли, Розалин? — Он повернулся к девушке.

— Да, — сразу отозвалась она. — Роберт умер от лихорадки.

— Ходят слухи, что это не совсем так, миссис

Клоуд.

Розалин не ответила. Она смотрела не на него, а на брата.

— Роберт умер, — повторила она через несколько секунд.

— Согласно имеющейся у меня информации, — продолжал суперинтендент, — этот человек, Енох Арден, назвался другом покойного Роберта Андерхея и сообщил вам, мистер Хантер, что Роберт Андерхей жив.

Дэвид покачал головой:

— Чепуха.

— Значит, вы утверждаете, что имя Роберта Андерхея не упоминалось.

— Напротив. — Дэвид обаятельно улыбнулся. — Оно упоминалось. Этот бедняга знал Андерхея.

— Не возникало вопроса о… шантаже, мистер Хантер?

— О шантаже? Не понимаю вас, суперинтендент.

— В самом деле, мистер Хантер? Между прочим, исключительно для проформы, где вы были вчера вечером — скажем, между семью и одиннадцатью?

— Исключительно для проформы, суперинтендент, — что, если я откажусь отвечать?

— Вам не кажется, что вы ведете себя по-детски, мистер Хантер?

— Вовсе нет. Терпеть не могу, когда меня запугивают.

Спенс подумал, что это недалеко от истины. Он и раньше сталкивался со свидетелями типа Дэвида Хантера. Свидетелями, отказывавшимися сотрудничать из чистого упрямства, а не потому, что им было что скрывать. Сама просьба отчитаться в своем местопребывании выводила их из себя. Они начинали стараться любыми способами препятствовать следствию.

И хотя суперинтендент Спенс гордился своей беспристрастностью, он пришел в «Шепердс-Корт» с достаточно твердой уверенностью, что Дэвид Хантер — убийца. Но теперь впервые заколебался. Ребяческое упрямство Дэвида пробудило в нем сомнения.

Спенс посмотрел на Розалин Клоуд.

— Дэвид, почему бы тебе все не рассказать? — заговорила она.

— Вот именно, миссис Клоуд. Мы только хотим все выяснить…

— Перестаньте запугивать мою сестру! — рявкнул Дэвид. — Какое вам дело, где я был — здесь, в Уормсли-Вейл или в Тимбукту?

— Вас вызовут на дознание, мистер Хантер, — предупредил Спенс, — и там вам придется отвечать.

— Тогда я подожду дознания. А сейчас, суперинтендент, не убраться ли вам отсюда?

— Хорошо, сэр. — Спенс невозмутимо поднялся. — Но сначала я должен кое о чем попросить миссис Клоуд.

— Я не хочу, чтобы беспокоили мою сестру!

— А я хочу, чтобы она посмотрела на труп и попробовала его опознать. На это у меня есть право. Все равно этого не избежать, рано или поздно. Почему бы ей не пойти со мной прямо сейчас и не покончить с этим? Свидетель слышал, как покойный мистер Арден говорил, что был знаком с Робертом Андерхеем, — следовательно, он мог быть знаком и с миссис Андерхей. Если его звали не Енох Арден, она могла бы сообщить нам его настоящее имя.

Неожиданно Розалин встала.

— Конечно, я пойду, — заявила она.

Спенс ожидал от Дэвида новой вспышки, но, к его удивлению, тот улыбнулся:

— Отлично, Розалин. Признаюсь, мне самому любопытно. А вдруг ты сможешь опознать этого парня?

— Вы не видели его в Уормсли-Вейл? — спросил девушку Спенс.

Она покачала головой:

— Я была в Лондоне с прошлой субботы.

— А Арден прибыл в пятницу вечером.

— Вы действительно хотите, чтобы я пошла с вами сейчас? — Розалин задала этот вопрос с покорностью маленькой девочки.

Суперинтендент невольно был тронут. Он не ожидал такого послушания.

— Это было бы очень любезно с вашей стороны, миссис Клоуд, — ответил он. — Чем раньше мы установим определенные факты, тем лучше. К сожалению, у меня нет полицейской машины.

Дэвид подошел к телефону.

— Позвоню в такси «Даймлер». Это превысит установленные расходы, но, думаю, суперинтендент, вы сумеете это уладить.

— Я тоже так думаю, мистер Хантер. — Он снова встал. — Буду ждать вас внизу.

Спенс спустился в лифте и вновь открыл дверь офиса.

«Фельдмаршал» поджидал его.

— Ну?

— В обеих кроватях спали прошлой ночью, сэр. Ванные и полотенца также использовали. Зав-

трак подали им в квартиру в половине десятого.

— А вы не знаете, когда мистер Хантер пришел вчера вечером?

— Боюсь, что больше ничего не могу вам сообщить, сэр.

«Ничего не поделаешь», — подумал Спенс. Его интересовало, скрывалось ли что-нибудь за отказом Дэвида отвечать, кроме чисто мальчишеского упрямства. Ведь он должен понимать, что над ним висит обвинение в убийстве и что чем раньше он все расскажет, тем лучше для него. Полиции не стоит противодействовать.

По дороге в морг они почти не разговаривали. Розалин была бледной, руки ее дрожали. Дэвид казался обеспокоенным. Он говорил с ней как с маленькой девочкой:

— Это всего лишь пара минут, малышка. Не волнуйся. Ты войдешь с суперинтендентом, а я тебя подожду. Ничего страшного — он будет выглядеть так, как будто спит.

Розалин кивнула, и Дэвид стиснул ее руку.

— Будь храброй девочкой.

— Должно быть, вы думаете, что я жуткая трусиха, суперинтендент? — тихо спросила Розалин, следуя за Спенсом. — Но после той ужасной ночи в Лондоне, когда все в доме погибли, кроме меня

и Дэвида…

— Я все понимаю, миссис Клоуд, — мягко произнес Спенс. — Я знаю, что вы пережили во время бомбежки, когда погиб ваш муж. Но это в самом деле только две минуты.

По знаку суперинтендента убрали простыню. Розалин Клоуд посмотрела на человека, называвшего себя Енохом Арденом. Спенс стоял в стороне, исподтишка наблюдая за ней.

Девушка смотрела на мертвеца с любопытством и интересом, не проявляя никаких признаков того, что узнала его. Потом перекрестилась.

— Упокой господь его душу. Я никогда не видела этого человека и не знаю, кто он.

«Либо ты самая превосходная актриса, какую я когда-либо видел, — подумал Спенс, — либо говоришь правду».

Позднее суперинтендент позвонил Роули Клоуду.

— Я был в морге с вдовой, — сообщил он. — Миссис Клоуд уверена, что этот человек не Роберт Андерхей и что она никогда его раньше не видела. Это решает все.

Последовала пауза.

— В самом деле? — медленно отозвался Роули.

— Думаю, присяжные ей поверят — разумеется,

при отсутствии доказательств обратного.

— Да-а, — протянул Роули и положил трубку.

Нахмурившись, он взял телефонный справочник — не местный, а лондонский — и методично пробежал указательным пальцем по фамилиям на букву П. Вскоре Роули нашел то, что искал.

Книга вторая

Глава 1

Эркюль Пуаро аккуратно сложил последнюю из газет, за которыми он посылал Джорджа. Информация, содержавшаяся в них, оказалась весьма скудной. Согласно медицинскому заключению убитому проломили череп несколькими сильными ударами. Дознание перенесли на две недели. Каждого, кто мог что-то сообщить о человеке по имени Енох Арден, по-видимому недавно прибывшем из Кейптауна, просили связаться с главным констеблем Оустшира.

Пуаро собрал газеты в аккуратную стопку и задумался. Он был заинтригован. Возможно, Пуаро не обратил бы особого внимания на маленькую заметку, если бы не недавний визит миссис Лайонел Клоуд, который, в свою очередь, напомнил ему о пребывании в клубе во время воздушного налета. Он четко помнил голос майора Портера, говорившего: «Возможно, где-нибудь за тысячу миль появится мистер Енох Арден и начнет жизнь заново». Теперь ему очень хотелось побольше узнать о человеке по имени Енох Арден, который погиб насильственной смертью в Уормсли-Вейл.

Пуаро вспомнил, что был немного знаком с суперинтендентом Спенсом из оустширской полиции, а также что молодой Меллон жил неподалеку от Уормсли-Хит и знал Джереми Клоуда.

Покуда он размышлял, стоит ли звонить молодому Меллону, вошел Джордж и доложил, что его хотел бы видеть мистер Роули Клоуд.

— Ага! — с удовлетворением произнес Эркюль Пуаро. — Проводите его сюда.

В комнату вошел красивый, но явно встревоженный молодой человек, который, казалось, не знал, с чего начать.

— Ну, мистер Клоуд, — ободряюще заговорил Пуаро, — чем могу служить?

Роули с сомнением разглядывал Пуаро. Пышные усы, элегантный костюм, белые гетры и остроносые лакированные туфли внушали замкнутому и сдержанному молодому человеку инстинктивное недоверие.

Пуаро отлично это понимал, и его это забавляло.

— Боюсь, мне придется объяснить, кто я и вообще, что к чему, — неуклюже начал Роули. — Мое имя вам незнакомо…

— Напротив, — прервал Пуаро. — Оно мне хорошо знакомо. Понимаете, на прошлой неделе ко

мне приходила ваша тетя.

— Моя тетя? — У Роули отвисла челюсть. Он изумленно уставился на детектива. Это настолько явно было для него новостью, что Пуаро отказался от первоначального предположения, будто оба визита связаны между собой. На момент ему показалось удивительным совпадением, что два члена семьи Клоуд решили посоветоваться с ним в течение столь краткого промежутка времени, но он сразу же понял, что это не совпадение, а следствие одной определенной причины.

— Насколько я понимаю, миссис Лайонел Клоуд — ваша тетушка? — уточнил Пуаро.

Казалось, этот вопрос еще сильнее удивил Роули.

— Тетя Кэти? — недоверчиво переспросил он. — Может быть, вы имеете в виду миссис Джереми Клоуд?

Пуаро молча покачал головой.

— Но зачем тете Кэти…

— Она объяснила, что пришла ко мне по велению духов, — сдержанно произнес детектив.

— О господи! — Ответ как будто успокоил и даже позабавил Роули. — Она абсолютно безвредна, — добавил он, словно успокаивая собеседника.

— Интересно… — пробормотал Пуаро.

— Что вы имеете в виду?

— Может ли кто-нибудь быть абсолютно безвредным?

Роули уставился на него. Пуаро вздохнул.

— Вы пришли спросить меня о чем-то, не так ли? — подсказал он.

Лицо Роули вновь стало озабоченным.

— Боюсь, это длинная история…

Пуаро также этого опасался, догадываясь, что Роули Клоуд не из тех, кто быстро переходит к делу. Он откинулся на спинку стула и полузакрыл глаза.

— Понимаете, Гордон Клоуд был моим дядей… — неуверенно проговорил Роули.

— Я все знаю о Гордоне Клоуде, — помог ему Пуаро.

— Отлично. Тогда мне незачем объяснять. За несколько недель до смерти дядя Гордон женился на молодой вдове по фамилии Андерхей. После его гибели она вместе с братом поселилась в Уормсли-Вейл. Мы все считали, что ее первый муж умер от лихорадки в Африке. Но теперь выходит, что это, возможно, не так.

— Ага! — Детектив выпрямился. — И что же привело вас к такому предположению?

Роули рассказал о прибытии в Уормсли-Вейл

Еноха Ардена.

— Может быть, вы читали в газетах…

— Да, читал, — вновь пришел ему на помощь Пуаро.

Роули описал свое первое впечатление от Ардена, свой визит в «Олень», записку, полученную от Беатрис Липпинкотт, и, наконец, подслушанный ею разговор.

— Конечно, — добавил он, — нельзя быть уверенным, что она слышала именно это. Беатрис могла все преувеличить или даже неверно понять.

— Она рассказала об этом полиции?

Роули кивнул:

— Я посоветовал ей это сделать.

— Простите, но я не вполне понимаю, почему вы пришли ко мне, мистер Клоуд. Вы хотите, чтобы я расследовал это убийство?

— Господи, конечно, нет, — ответил Роули. — Я ничего такого не хочу. Это полицейская работа. Я прошу вас выяснить, кто был этот парень.

Пуаро прищурил глаза:

— А кто он был, по-вашему, мистер Клоуд?

— Ну, ведь Енох Арден не настоящее имя, а цитата из Теннисона. Я нашел это стихотворение. Там говорится о парне, который вернулся и узнал,

что его жена замужем за другим.

— Значит, вы думаете, — спокойно произнес Пуаро, — что Енох Арден в действительности был самим Робертом Андерхеем?

— Ну, он мог им быть, — медленно протянул Роули. — Я имею в виду, судя по возрасту, внешности и так далее. Конечно, я несколько раз спрашивал Беатрис о подслушанном разговоре. Она, естественно, не помнит его слово в слово. Тот парень сказал, что Роберт Андерхей порядком опустился, что у него плохо со здоровьем и что он нуждается в деньгах. Возможно, он говорил о себе, не так ли? Потом Арден сказал, что Дэвиду Хантеру вряд ли придется по вкусу, если Андерхей появится в Уормсли-Вейл. Звучит так, словно он уже был там под вымышленным именем.

— Какие данные насчет идентификации представили на дознании?

Роули покачал головой:

— Ничего определенного. Только служащие из «Оленя» заявили, что этот человек зарегистрировался там под именем Еноха Ардена.

— При нем были какие-нибудь документы или бумаги?

— Никаких.

— Что? — Пуаро с удивлением выпрямился. —

Никаких бумаг?

— Абсолютно. Несколько пар носков, рубашка, зубная щетка и тому подобное — но бумаг никаких.

— Ни паспорта, ни писем, ни даже продуктовой карточки?

— Ничего.

— Очень любопытно, — заметил Пуаро.

— Дэвид Хантер — брат Розалин Клоуд — приходил к нему на следующий день после его приезда, — продолжал Роули Клоуд. — Он сообщил полиции, что получил письмо от Еноха Ардена, в котором тот утверждал, что был другом Роберта Андерхея и сейчас оказался в тяжелом положении. По просьбе сестры Хантер пошел в «Олень», повидался с этим парнем и дал ему пять фунтов. Можете не сомневаться, что он и дальше будет придерживаться этой истории. Конечно, полиция помалкивает о том, что слышала Беатрис.

— Дэвид Хантер говорит, что раньше не был знаком с этим человеком?

— Да. Думаю, Хантер никогда не встречал Андерхея.

— А как насчет Розалин Клоуд?

— Полиция попросила ее попробовать опознать

труп. Но она сказала, что не знает, кто это.

— Eh bien, — отреагировал Пуаро. — Вот и ответ на ваш вопрос.

— Не думаю, — возразил Роули. — Если убитый — Андерхей, значит, Розалин не являлась законной женой моего дяди и не имеет права ни на один пенни из его денег. По-вашему, она опознала бы его при таких обстоятельствах?

— Вы ей не доверяете?

— Я не доверяю им обоим.

— Уверен, что найдется немало людей, которые смогут точно установить, Андерхей это или нет.

— Их не так-то легко найти. Поэтому я прошу вас отыскать кого-нибудь, кто знал Андерхея. Очевидно, в Англии у него не осталось родственников, да и вообще он был не слишком общительным парнем. Полагаю, должны существовать какие-нибудь друзья или старые слуги, но война разрушила все связи и разбросала людей в разные стороны. Не знаю, как взяться за это дело, да и времени у меня нет. Я фермер, и мне не хватает рабочих рук.

— Почему вы обратились именно ко мне? — спросил Эркюль Пуаро.

Роули выглядел смущенным.

В глазах детектива блеснули искорки.

— По указанию духов?

— Господи, конечно, нет! — в ужасе воскликнул Роули. — Дело в том… — Он заколебался. — Ну, один мой знакомый говорил, что вы настоящий чародей. Не знаю, каковы ваши гонорары, — наверняка высокие, а мы все практически разорены, — но, думаю, мы сумеем наскрести нужную сумму, если вы согласитесь за это взяться.

— Пожалуй, — медленно произнес Пуаро, — я сумею вам помочь.

Никогда не подводившая детектива память вновь вернула его назад. Клубный зануда, шелест газет, монотонный голос…

Он ведь слышал имя этого человека и должен его вспомнить. Если нет, придется спросить у Меллона… Ага! Портер, майор Портер!

Пуаро поднялся:

— Вы не смогли бы зайти еще раз во второй половине дня, мистер Клоуд?

— Ну, не знаю… Пожалуй, смогу. Но неужели вы сможете так быстро чего-нибудь добиться?

Роули смотрел на детектива с недоверием и благоговейным страхом. Пуаро не был бы самим собой, если бы удержался от искушения порисоваться. Памятуя о своем великом предше-

ственнике[19], он торжественно произнес:

— У меня свои методы, мистер Клоуд.

Пуаро явно нашел нужные слова. На лице Роули отразилось почтение.

— Да, конечно… Не знаю, как вам удается…

Пуаро не стал его просвещать. Когда Роули ушел, он сел, написал краткую записку и поручил Джорджу доставить ее в клуб «Коронейшн», подождать ответа.

Ответ был в высшей степени удовлетворительным. Майор Портер передавал свои комплименты мсье Эркюлю Пуаро и охотно соглашался принять его и его друга в Кэмден-Хилл, на Эджуэй-стрит, 79, сегодня в пять часов вечера.

В половине пятого вернулся Роули Клоуд:

— Есть успехи, мсье Пуаро?

— Да, мистер Клоуд. Сейчас мы отправимся к старому другу капитана Роберта Андерхея.

— Что?! — Роули разинул рот и уставился на детектива с изумлением маленького ребенка, увидевшего, как фокусник вытаскивает из шляпы кролика. — Но ведь это невероятно! Не понимаю, как вам удалось, — ведь прошло всего несколько часов!

---

[19] Сноски: 19
Имеется в виду Шерлок Холмс.

Пуаро снисходительно отмахнулся и постарался выглядеть скромным. Он не собирался демонстрировать простоту, с которой был проделан фокус. Изумление простака Роули льстило его тщеславию.

Двое мужчин вместе вышли и поехали на такси в Кэмден-Хилл.

Майор Портер занимал второй этаж довольно ветхого дома. Пуаро и Роули впустила и проводила наверх жизнерадостная краснощекая женщина. Стены квадратной комнаты были уставлены книжными полками и увешаны скверными гравюрами на охотничью тематику. На полу лежали два неплохих, но изрядно потертых ковра. Пуаро заметил, что центр пола был покрыт свежим лаком, в то время как по краям краска поблекла. Он понял, что до недавнего времени здесь были другие ковры, получше, которые, очевидно, продали. У камина стоял мужчина в хорошо сшитом, но поношенном костюме. Детектив догадался, что майор Портер оказался на мели. Налоги и повышение стоимости жилья тяжело ударили по отставным армейским офицерам. Но за некоторые вещи, подумал он, майор будет цепляться до последнего — например, за свой клубный абонемент.

— Боюсь, я не припоминаю, чтобы мы встречались, мсье Пуаро, — отрывисто сказал майор Портер. — Говорите, пару лет назад в клубе? Конечно, ваше имя мне знакомо.

— Это мистер Роули Клоуд, — представил Пуаро.

Майор Портер кратко кивнул:

— Здравствуйте. К сожалению, не могу предложить вам по стаканчику шерри. Мой виноторговец лишился своего запаса при бомбардировке. Есть немного джина. Мерзкое пойло! Может быть, предпочитаете пиво?

Гости согласились на пиво. Майор Портер извлек портсигар.

— Закуривайте.

Пуаро взял сигарету, майор чиркнул спичкой и зажег ее.

— Вы ведь не курите, верно? — спросил Портер Роули. — Не возражаете, если я закурю трубку? — Он так и сделал, пуская клубы дыма. — А теперь объясните, в чем дело. — Майор переводил взгляд с одного на другого.

— Возможно, вы читали в газетах о смерти одного человека в Уормсли-Вейл? — начал Пуаро.

Портер покачал головой:

— Вряд ли.

— Его звали Арден — Енох Арден.

Майор снова покачал головой.

— Его нашли в гостинице «Олень» с проломленным черепом, — продолжал Пуаро.

Портер нахмурился:

— Дайте вспомнить… Кажется, что-то попадалось на глаза несколько дней назад.

— Да. У меня при себе фотография — она из газеты и, боюсь, не очень четкая. Мы бы хотели знать, майор Портер, видели ли вы когда-нибудь этого человека раньше?

Пуаро протянул самый лучший снимок покойного, какой ему удалось найти.

Майор Портер взял фотографию и посмотрел на нее.

— Погодите-ка. — Он достал очки, надел их и стал внимательно разглядывать снимок, потом внезапно вздрогнул. — Ну, будь я проклят!

— Вы его знаете, майор?

— Конечно, знаю. Это Андерхей — Роберт Андерхей.

— Вы в этом уверены? — В голосе Роули послышалось торжество.

— Еще бы! Это Роберт Андерхей! Готов поклясться в этом где угодно!

Глава 2

Зазвонил телефон, и Линн подняла трубку.

— Линн?

— Роули? — Ее голос звучал уныло.

— Куда ты подевалась? — спросил жених. — За эти дни я тебя ни разу не видел.

— У меня полно дел по дому. Бегаю с корзиной в надежде раздобыть рыбы, стою в очереди за жутким печеньем и тому подобное.

— Мне нужно с тобой встретиться. Я должен кое-что тебе сообщить.

— Что именно?

Роули усмехнулся:

— Хорошие новости. Встретимся у рощи Ролланда. Мы там пашем.

Линн положила трубку. «Какие новости могут быть хорошими для Роули? Деньги? Может, он продал молодого бычка дороже, чем ожидал? Нет, — подумала она, — тут кое-что посерьезнее».

Когда она шла по полю к роще Ролланда, Роули спрыгнул с трактора и двинулся ей навстречу:

— Привет, дорогая!

— В чем дело, Роули? Ты выглядишь как-то…

по-другому.

Он засмеялся:

— Еще бы! Нам повезло, Линн!

— Что ты имеешь в виду?

— Помнишь, старый Джереми упоминал парня по имени Эркюль Пуаро?

— Эркюль Пуаро? — Линн нахмурилась. — Да, что-то припоминаю…

— Это было еще во время войны. Они сидели в этом мавзолее — его клубе, когда был воздушный налет.

— Ну? — с нетерпением подтолкнула собеседника Линн.

— Он француз или бельгиец, одевается причудливо и вообще странный тип, но котелок у него здорово варит.

Линн сдвинула брови:

— Кажется, он детектив?

— Верно. Я тебе не говорил, но возникло предположение, что парень, которого прикончили в «Олене», мог быть первым мужем Розалин Клоуд.

Линн рассмеялась:

— Только потому, что он назвался Енохом Арденом? Что за нелепая идея!

— Не такая уж нелепая, девочка моя. Старина

Спенс возил Розалин взглянуть на него. Она твердо заявила, что это не ее муж.

— И на этом все закончилось?

— Могло закончиться, — возразил Роули. — Если бы не я!

— Ну и что же ты сделал?

— Отправился к этому Эркюлю Пуаро, сказал, что мы хотим все проверить, и попросил отыскать кого-нибудь, кто знал Роберта Андерхея. Честное слово, этот человек — форменный волшебник! Через несколько часов он предъявил мне лучшего друга Андерхея, словно кролика из шляпы, — пожилого военного по фамилии Портер! — Роули усмехнулся. Его возбуждение удивляло и пугало Линн. — Только держи язык за зубами, Линн. Супер взял с меня клятву молчать, но я хочу, чтобы ты знала. Убитый — Роберт Андерхей!

— Что?! — Линн недоуменно посмотрела на Роули.

— Собственной персоной — Портер сразу его узнал. Мы победили, Линн! Обыграли этих проклятых мошенников!

— Каких мошенников?

— Хантера и его сестрицу. Они остались с носом. Розалин не получит денег Гордона! Их получим

мы — они наши! Довоенное завещание Гордона действительно, и деньги будут поделены между нами. Я получаю четверть, понимаешь? Если ее первый муж был жив, когда она выходила за Гордона, значит, она вовсе не была за ним замужем!

— Ты… ты уверен, что это правда?

Роули уставился на нее — впервые он казался озадаченным.

— Конечно, уверен! Это же элементарно. Теперь все в порядке. Все будет так, как раньше планировал Гордон, — словно эта драгоценная парочка вообще никогда не появлялась!

«Все будет как раньше… Но происшедшее невозможно стереть напрочь, — думала Линн. — Нельзя притворяться, будто ничего не случилось».

— Что с ними будет? — медленно спросила она.

— А? — Было ясно, что до сего момента Роули об этом не задумывался. — Понятия не имею. Полагаю, вернутся туда, откуда прибыли… — Он немного помедлил. — Знаешь, я думаю, мы должны что-нибудь сделать для Розалин. Она ведь ничего не знала, когда выходила за Гордона. Я уверен, Розалин считала, что ее первый муж умер. Да, мы должны выделить ей приличное содержание. Надо это обсудить.

— Тебе она нравится, не так ли? — поинтересовалась Линн.

— Вообще-то да. — Роули задумался. — Славная малышка и знает, с какой стороны подойти к корове.

— В отличие от меня.

— Ничего, научишься! — великодушно пообещал Роули.

— А как же… Дэвид?

Роули сразу помрачнел:

— К черту Дэвида! Эти деньги никогда ему не принадлежали. Он просто приехал и жил за счет сестры.

— Нет, Роули, это не так. Дэвид не нахлебник. Возможно, он авантюрист…

— И вдобавок убийца!

— Что ты имеешь в виду?

— Кто, по-твоему, прикончил Андерхея?

— Этому я не верю! — крикнула Линн.

— Конечно, это Дэвид — больше некому! В тот день он был здесь. Приехал поездом в пять тридцать. Я встречал груз на станции и видел его издали.

— Он вернулся в Лондон тем же вечером, — резко сказала Линн.

— После того, как убил Андерхея, — с триумфом

добавил Роули.

— Ты не должен бросаться такими обвинениями, Роули. В котором часу убили Андерхея?

— Ну, точно не знаю… — Роули сделал паузу. — Вряд ли мы это узнаем до завтрашнего дознания. Думаю, между девятью и десятью.

— Дэвид вернулся в Лондон поездом в девять двадцать.

— Откуда ты знаешь?

— Я… я встретила его, когда он спешил на поезд.

— Откуда тебе известно, что он на него успел?

— Потому что позже он звонил мне из Лондона.

Роули сердито нахмурился:

— Какого черта он тебе звонил? Будь я проклят, Линн, если…

— Господи, Роули, какое это имеет значение? Во всяком случае, это доказывает, что он успел к поезду.

— У него было достаточно времени, чтобы убить Андерхея и побежать на станцию.

— Нет, если Андерхея убили после девяти.

— Ну, его могли убить и немного раньше.

Но в его голосе звучало сомнение.

Линн полузакрыла глаза. Неужели это правда?

Неужели ее обнимал и целовал убийца? Она вспомнила странное возбуждение Дэвида, когда он, запыхавшись, выбежал из рощи. Быть может, на него так подействовало убийство? Линн пришлось признать, что это весьма вероятно. Способен ли Дэвид на такое преступление? Мог ли он убить человека, не причинившего ему никакого вреда, — призрака из прошлого? Человека, чьей единственной виной было то, что он стоял между Розалин и огромным наследством — между Дэвидом и возможностью пользоваться деньгами Розалин?

— Зачем ему убивать Андерхея? — неуверенно пробормотала Линн.

— Господи, Линн, ты еще спрашиваешь! Я ведь только что тебе объяснил — живой Андерхей означал, что мы получим деньги Гордона! К тому же Андерхей Дэвида шантажировал.

Это больше походило на правду. Дэвид, безусловно, мог убить шантажиста — по всей вероятности, именно так он бы с ним и поступил. Да, теперь все сходится — спешка Дэвида, его возбуждение, яростные, почти сердитые поцелуи. А потом — отказ от нее: «Мне лучше исчезнуть...»

Словно издалека она услышала голос Роули:

— В чем дело, Линн? Ты хорошо себя чувству-

ешь?

— Да, конечно.

— Тогда, бога ради, не смотри так мрачно. — Он обернулся, глядя вниз, на «Плакучие ивы». — Теперь мы сможем привести здесь все в порядок, купить кое-какие приспособления, облегчающие работу. Я хочу, чтобы тебе было уютно, Линн.

Это будет ее дом — ее и Роули…

А однажды, в восемь утра, Дэвида вздернут на виселицу…

Глава 3

Дэвид положил руки на плечи Розалин. Лицо его было бледным, взгляд — настороженным.

— Говорю тебе, все будет в порядке. Но ты должна сохранять спокойствие и делать то, что я тебе скажу.

— А если тебя арестуют? Ты сам говорил, что это возможно.

— Да, возможно. Но это долго не продлится, если только ты не потеряешь голову.

— Я буду делать все, что ты скажешь, Дэвид.

— Умница! Тебе нужно только придерживаться своих слов — повторять, что убитый — не твой муж, Роберт Андерхей.

— Они поймают меня в ловушку — заставят говорить то, что я не хотела.

— Не заставят. Все будет хорошо.

— Нет. Все это было неправильно. Мы взяли деньги, которые нам не принадлежат. Я ночами не сплю, думая об этом, Дэвид. Бог наказывает нас за наши грехи.

Дэвид, нахмурившись, смотрел на нее. Она вот-вот сломается. В ней всегда была эта религиозная жилка. Совесть никогда не оставит ее в покое.

Если не произойдет чуда, она их подведет. Ну, остается только одно…

— Слушай, Розалин, — мягко заговорил он. — Ты ведь не хочешь, чтобы меня повесили?

Ее глаза расширились от ужаса.

— О, Дэвид, они не смогут…

— Только один человек может отправить меня на виселицу — ты. Если ты хоть раз признаешь, словом или взглядом, что убитый может быть Андерхеем, ты затянешь петлю на моей шее! Поняла?

Да, это сработало. Она испуганно смотрела на него.

— Я такая глупая, Дэвид…

— Вовсе нет. Да и от тебя не требуется быть умной. Ты должна только торжественно поклясться, что покойный — не твой муж. Можешь это сделать?

Розалин кивнула.

— Если хочешь, можешь иногда выглядеть дурочкой — притворяться, будто не понимаешь, о чем тебя спрашивают. Вреда от этого не будет. Но на те вопросы, о которых мы с тобой говорили, отвечай твердо и стой на своем. Гейторн присмотрит за тобой. Он толковый адвокат — потому я его и нанял. Он будет на дознании и не даст тебя

запугивать. Но даже ему отвечай то же самое. Ради бога, не пытайся умничать и не думай, что сумеешь помочь мне, ведя свою игру.

— Я сделаю все, как ты велел, Дэвид.

— Хорошая девочка. Когда все будет кончено, мы уедем на юг Франции или в Америку. А пока береги свое здоровье. Не лежи по ночам без сна, растравляя себя без толку. Принимай снотворное, которое прописал тебе доктор Клоуд, — бромид или что там еще. Принимай по одной порции на ночь и помни, что все будет хорошо. — Он посмотрел на часы. — Пора на дознание — оно начнется в одиннадцать.

Дэвид окинул взглядом гостиную. Красота, богатство, комфорт… Он наслаждался всем этим. «Фарроубэнк» — прекрасный дом. Возможно, это прощание с ним…

Он угодил в передрягу — сомневаться не приходится. Но Дэвид не жалел об этом. Что касается будущего — ну, он привык рисковать. «Воспользоваться мы должны течением иль потеряем груз».

Дэвид снова посмотрел на Розалин. Глядя в ее большие умоляющие глаза, он инстинктивно почувствовал, чего она ожидает.

— Я не убивал его, Розалин, — мягко произнес он. — Клянусь всеми святыми в твоем кален-

даре!

Глава 4

Дознание проходило в помещении зернового рынка.

Коронер, мистер Пебмарш, был маленьким суетливым человечком в очках и с чрезмерно развитым ощущением собственной важности.

Рядом с ним восседала массивная фигура суперинтендента Спенса. Похожий на иностранца, человечек с большими черными усами скромно примостился поодаль. Семейство Клоуд присутствовало в полном составе — Джереми и Лайонел с женами, Роули, миссис Марчмонт и Линн. Майор Портер сидел в отдалении, беспокойно ерзая на стуле. Дэвид и Розалин прибыли последними и тоже сели отдельно от остальных.

Коронер прочистил горло и, окинув взглядом жюри, состоящее из девяти наиболее уважаемых местных жителей, начал вызывать свидетелей.

Констебль Пикок…

Сержант Вейн…

Доктор Лайонел Клоуд…

— Вы были у пациента в «Олене», когда к вам пришла Глэдис Эйткин. Что она сказала?

— Она сообщила мне, что постоялец из 5-го

номера лежит на полу мертвым.

— И вы сразу поднялись в 5-й номер?

— Да.

— Пожалуйста, опишите, что вы там обнаружили.

Доктор Клоуд повиновался. Труп мужчины… лицом вниз… повреждения головы… череп проломлен на затылке… каминные щипцы…

— Вы считаете, что повреждения нанесены этими щипцами?

— Некоторые из них — безусловно.

— А что, было нанесено несколько ударов?

— Да. Я не делал подробного обследования, так как считал, что следует вызвать полицию, прежде чем менять положение тела.

— Вы правы. Этот человек был мертв?

— Да, уже несколько часов.

— Когда, по-вашему, наступила смерть?

— Не могу сказать точно. По меньшей мере одиннадцать часов тому назад — возможно, даже тринадцать или четырнадцать… Скажем, накануне вечером, между половиной восьмого и половиной одиннадцатого.

— Благодарю вас, доктор Клоуд.

Следующим вызвали полицейского хирурга, который дал подробное описание ран. На нижней

челюсти имелись ссадина и опухоль, а в основание черепа нанесли пять или шесть ударов, причем некоторые из них уже после наступления смерти.

— Значит, нападавший был в ярости?

— Вот именно.

— Чтобы нанести эти удары, требовалась огромная сила?

— Ну, не совсем сила. Взмахнуть щипцами, взяв их за концы, можно без особого напряжения. Тяжелый стальной шар, образующий головку щипцов, превращает их в грозное оружие. Удары мог нанести даже человек хрупкого сложения, если он действовал в приступе гнева.

— Благодарю вас, доктор.

Последовала подробная характеристика физических данных убитого — упитанный, крепкий, возраст около сорока пяти лет. Никаких признаков болезней — сердце, легкие и остальное в полном порядке.

Беатрис Липпинкотт дала показания о прибытии в гостиницу человека, который зарегистрировался как Енох Арден из Кейптауна.

— Он предъявил книжечку с продуктовыми талонами?

— Нет, сэр.

— И вы не попросили его это сделать?

— Сначала — нет. Я не знала, как долго он пробудет в гостинице.

— Но потом попросили?

— Да, сэр. Он прибыл в пятницу, а в субботу я предупредила, что если он собирается пробыть здесь более пяти дней, то должен передать мне свою продуктовую книжку.

— И что он на это ответил?

— Что передаст ее мне.

— Но он не сделал этого?

— Нет.

— Он не говорил, что потерял книжку или что вообще ее не имеет?

— Нет. Просто сказал: «Я найду ее и принесу вам».

— Мисс Липпинкотт, слышали ли вы в субботу вечером определенный разговор?

После пространных объяснений необходимости своего присутствия в 4-м номере Беатрис Липпинкотт поведала свою историю. Коронер умело направлял ее показания в нужное русло.

— Благодарю вас. Вы сообщали кому-нибудь о подслушанном разговоре?

— Да. Я рассказала о нем мистеру Роули Клоуду.

— Почему именно мистеру Клоуду?

— Я подумала, что ему следует знать… — Беатрис покраснела.

Высокий худощавый мужчина — мистер Гейторн — поднялся и попросил разрешения задать вопрос.

— Во время разговора покойного с мистером Дэвидом Хантером тот не говорил, что он сам является Робертом Андерхеем?

— Нет, не говорил.

— Фактически он упоминал Роберта Андерхея как другого человека?

— Ну… в общем, да.

— Благодарю вас, мистер коронер, это все, что я хотел выяснить.

Беатрис Липпинкотт сменил Роули Клоуд.

Он подтвердил, что Беатрис рассказала ему о разговоре, и дал отчет о своей беседе с покойным.

— Последнее, что он вам сказал, было: «Не думаю, что вам удастся доказать это без моей помощи». Под «этим» подразумевался факт, что Роберт Андерхей еще жив?

— Да, он так сказал и засмеялся.

— Вот как, засмеялся? И как же вы поняли его слова?

— Ну… я решил, что он пытается заставить меня предложить ему сделку, но потом я подумал…

— Что вы подумали потом, мистер Клоуд, едва ли имеет отношение к делу. Можно сказать, что в результате этого разговора вы попытались найти человека, который был знаком с покойным Робертом Андерхеем? И, заручившись помощью определенного лица, достигли успеха?

Роули кивнул:

— Да.

— Сколько было времени, когда вы расстались с убитым?

— Думаю, около без пяти девять.

— Почему вы так думаете?

— Идя по улице, я слышал через открытое окно позывные девятичасовой радиопередачи.

— Покойный упомянул, в какое время он ожидает своего «клиента»?

— Он просто сказал: «В любую минуту».

— И не назвал никакого имени?

— Нет.

— Дэвид Хантер!

Послышался слабый гул голосов, жители Уормсли-Вейл вытянули шеи, глядя на высокого молодого человека, который встал с вызывающим выражением лица.

С предварительными вопросами покончили быстро.

— Вы приходили повидать покойного в субботу вечером? — спросил коронер.

— Да. Я получил от него письмо с просьбой о помощи и утверждением, что он знал первого мужа моей сестры в Африке.

— У вас имеется это письмо?

— Нет, я не сохраняю письма.

— Вы слышали описание Беатрис Липпинкотт вашей беседы с убитым. Оно верно?

— Абсолютно неверно. Убитый говорил, что знал моего покойного зятя, жаловался на судьбу и просил денег, которые, как обычно бывает, обещал вернуть.

— Он говорил вам, что Роберт Андерхей все еще жив?

Дэвид улыбнулся:

— Конечно, нет. Он сказал: «Если бы Роберт был жив, я уверен, он бы мне помог».

— Это резко отличается от того, что сообщила нам Беатрис Липпинкотт.

— Любители подслушивать, — отозвался Дэвид, — как правило, слышат только часть разговора, и у них нередко создается о нем неправильное впечатление, так как они дополняют

недостающие детали с помощью своего живого воображения.

Беатрис вскочила с места и сердито начала:

— Я еще никогда…

— Прошу тишины! — грозно прервал ее коронер. — Мистер Хантер, вы посетили покойного снова во вторник вечером?

— Нет.

— Вы слышали, как мистер Клоуд утверждал, что покойный ожидал визитера?

— Может, он кого-то и ожидал, но не меня. Я уже дал ему пять фунтов и думал, что с него хватит. Не было никаких доказательств, что он знал Роберта Андерхея. С тех пор как моя сестра унаследовала от мужа крупное состояние, она стала мишенью для всех местных попрошаек. — И Дэвид бросил взгляд на семейство Клоуд.

— Не сообщите ли вы нам, мистер Хантер, где вы были во вторник вечером?

— Узнайте сами! — усмехнулся Дэвид.

— Мистер Хантер! — Коронер постучал по столу. — Ваш ответ в высшей степени неразумен.

— Почему я должен рассказывать вам, где был и что делал? Мне хватит для этого времени, когда вы обвините меня в убийстве этого человека.

— Если вы будете придерживаться такой пози-

ции, это может произойти скорее, чем вы думаете. Вы узнаете этот предмет, мистер Хантер?

Наклонившись вперед, Дэвид взял в руку золотую зажигалку. Его лицо было озадаченным.

— Да, это моя зажигалка, — сказал он, возвращая ее.

— Когда вы видели ее в последний раз?

— Я потерял ее… — Дэвид умолк.

— Да, мистер Хантер? — вежливо поторопил его коронер.

Адвокат Гейторн заерзал, явно собираясь заговорить. Но Дэвид его опередил:

— Я пользовался зажигалкой в прошлую пятницу утром. Не припоминаю, что видел ее с тех пор.

Гейторн поднялся:

— С вашего позволения, мистер коронер! Мистер Хантер, вы посетили покойного в субботу вечером. Не могли вы оставить зажигалку у него?

— Очевидно, мог, — медленно ответил Дэвид. — Во всяком случае, я не видел ее после пятницы… А где ее нашли?

— Мы вернемся к этому позже, — пообещал коронер. — Можете сесть, мистер Хантер.

Дэвид вернулся на свое место и что-то прошеп-

тал Розалин Клоуд.

— Майор Портер!

Помявшись, майор занял свидетельское место, стоя прямо, как на параде. Только то, как он облизывал губы, выдавало его нервозность.

— Вы Джордж Даглас Портер, майор королевских африканских стрелков в отставке?

— Да.

— Насколько хорошо вы знали Роберта Андерхея?

Лающим голосом, словно на учебном плацу, майор Портер назвал несколько мест и дат.

— Вам показывали тело покойного?

— Да.

— Вы смогли его опознать?

— Да. Это тело Роберта Андерхея.

В зале послышался возбужденный гул.

— Вы утверждаете это без малейшего сомнения?

— Да.

— Вы не могли ошибиться?

— Не мог.

— Благодарю вас, майор Портер. Миссис Гордон Клоуд!

Розалин встала. Майор с любопытством на нее смотрел, но она, проходя мимо, даже не взглянула

на него.

— Миссис Клоуд, полиция показывала вам тело покойного?

Розалин вздрогнула:

— Да.

— И вы твердо заявили, что это тело незнакомого вам человека?

— Да.

— Учитывая заявление, только что сделанное майором Портером, вы не желаете отказаться от вашего заявления или изменить его?

— Нет.

— Вы по-прежнему утверждаете, что это не было тело вашего мужа, Роберта Андерхея?

— Да. Я никогда в жизни не видела этого человека.

— Однако майор Портер уверенно опознал в нем своего друга, Роберта Андерхея.

— Майор Портер ошибся. — В голосе Розалин не слышалось никаких эмоций.

— В этом суде вы не под присягой, миссис Клоуд. Но вполне вероятно, что вскоре вам придется давать показания под присягой в другом суде. Вы готовы поклясться, что это тело не Роберта Андерхея, а незнакомого вам человека?

— Я готова поклясться, что это тело не моего

мужа, а незнакомого человека. — Розалин произнесла это без запинки, глядя прямо в глаза коронеру.

— Можете сесть, — буркнул он.

Сняв пенсне, коронер обратился к присяжным.

Они присутствуют здесь, чтобы выяснить причину смерти этого человека. Тут не может быть сомнений. Нет и речи о несчастном случае, самоубийстве или непреднамеренном убийстве. Остается один вердикт — преднамеренное убийство. Что касается личности покойного, то она не была четко установлена.

Они слышали показания свидетеля, в чьей честности не приходится сомневаться, что это тело его друга, Роберта Андерхея. С другой стороны, смерть Роберта Андерхея от лихорадки в Африке не вызвала сомнений у местных властей. В противоположность показаниям майора Портера вдова Роберта Андерхея, ныне миссис Гордон Клоуд, уверенно заявила, что это тело не Роберта Андерхея. Итак, перед ними два диаметрально противоположных заявления. Помимо вопроса об идентификации, им следует решить, имеются ли какие-либо указания на личность убийцы. Возможно, они считают, что такие указания имеются, но для обвинения необходимо

наличие мотива преступления и возможности его совершить. Требуется, чтобы подозреваемого видели поблизости от места преступления в соответствующее время. Если таких доказательств не окажется, то наилучшим вердиктом будет преднамеренное убийство, совершенное неизвестным лицом или лицами. Такой вердикт предоставит полиции возможность продолжать расследование.

После этого коронер отпустил присяжных обдумывать вердикт.

Это заняло сорок пять минут.

Присяжные вернулись с вердиктом о преднамеренном убийстве, совершенном Дэвидом Хантером.

Глава 5

— Я боялся, что они вынесут такой вердикт, — виновато сказал коронер. — Местные предубеждения! Тут больше эмоций, чем логики.

Коронер, главный констебль, суперинтендент Спенс и Эркюль Пуаро совещались после дознания.

— Вы сделали все, что от вас зависит, — отозвался главный констебль.

— Этот вердикт преждевремен, чтобы не сказать больше, — нахмурился Спенс. — И здорово нам мешает. Вы знакомы с мсье Эркюлем Пуаро? Это он отыскал майора Портера.

— Я слышал о вас, мсье Пуаро, — вежливо сказал коронер, а Пуаро безуспешно попытался выглядеть скромным.

— Мсье Пуаро интересует это дело, — с усмешкой добавил Спенс.

— Совершенно верно, — кивнул Пуаро. — Можно сказать, я участвовал в этом деле еще до того, как оно стало таковым.

В ответ на их недоуменные взгляды Пуаро рассказал о странной маленькой сцене в клубе, когда он впервые услышал имя Роберта Андерхея.

— Когда дело попадет в суд, это будет дополнительным очком в пользу показаний Портера, — задумчиво промолвил главный констебль. — Значит, Андерхей действительно планировал притвориться умершим и воспользоваться именем Еноха Ардена.

— Да, но будет ли это принято как доказательство? — возразил Спенс. — Слова человека, которого нет в живых…

— Возможно, это не примут в качестве доказательства, — отозвался Пуаро, — но это наводит на очень интересные предположения.

— Нам нужны не предположения, а конкретные факты, — напомнил Спенс. — Например, кто-нибудь видевший Дэвида Хантера в «Олене» или рядом во вторник вечером.

— Это не составит труда, — заметил главный констебль.

— У меня на родине это было бы достаточно легко, — сказал Пуаро. — Там повсюду маленькие кафе, где люди по вечерам пьют кофе. Но в провинциальной Англии… — Он развел руками.

Суперинтендент кивнул:

— Некоторые торчат в пивных до самого закрытия, а другие сидят дома и слушают девятичасовую передачу новостей. Если вы пройдетесь

по главной улице между половиной девятого и десятью, то не встретите ни души.

— Может быть, он на это и рассчитывал? — предположил главный констебль.

— Возможно, — ответил Спенс. Выражение его лица трудно было назвать радостным.

Главный констебль и коронер вскоре удалились. Пуаро и Спенс остались вдвоем.

— Вам не нравится это дело? — с сочувствием осведомился Пуаро.

— Меня беспокоит этот молодой человек, — сказал Спенс. — С такими, как он, ничего не знаешь наперед. Они могут вести себя крайне подозрительно, будучи абсолютно невиновными, и, наоборот, выглядеть сущими ангелами, в действительности являясь виновными.

— По-вашему, он виновен?

— А по-вашему?

Пуаро снова развел руками:

— Я бы хотел знать, сколько у вас фактов, говорящих против него.

— Вы имеете в виду не доказательства в юридическом смысле слова, а подозрительные обстоятельства?

Пуаро кивнул.

— Ну, во-первых, зажигалка, — сказал Спенс.

— Где вы ее нашли?

— Под трупом.

— На ней были отпечатки пальцев?

— Никаких.

— А-а! — протянул Пуаро.

— Мне самому это не слишком нравится, — вздохнул Спенс. — Далее, часы убитого, остановившиеся на десяти минутах десятого. Это соответствует медицинскому заключению и заявлению Роули Клоуда, что Андерхей ожидал «клиента» в любую минуту.

— Да, все сходится, — согласился Пуаро.

— К тому же, мсье Пуаро, никуда не денешься от того, что только у Хантера (точнее, у него и у его сестры) имеется хотя бы подобие мотива. Либо Дэвид Хантер убил Андерхея, либо это дело рук какого-то постороннего, который последовал сюда за Андерхеем по неизвестной нам причине. Последнее выглядит крайне маловероятным.

— Согласен с вами.

— Понимаете, в Уормсли-Вейл нет ни одного человека, у которого мог бы быть мотив, — разве только кто-то из местных жителей (помимо Хантеров) был связан с Андерхеем в прошлом. Я никогда не исключаю совпадений, но в данном случае нет и намека на что-нибудь подобное.

Этот человек был посторонним для всех, кроме брата и сестры.

Пуаро кивнул.

— Семья Клоуд должна была бы беречь Андерхея как зеницу ока, — продолжал суперинтендент. — Ведь живой и невредимый Роберт Андерхей гарантировал бы им огромное состояние.

— И снова, mon ami[20], я полностью с вами согласен. Живой и невредимый Роберт Андерхей — именно то, что нужно семье Клоуд.

— Таким образом, мы возвращаемся к тому, что мотив есть только у Розалин и Дэвида Хантера. Розалин Клоуд была в Лондоне. Но мы знаем, что Дэвид в тот день был в Уормсли-Вейл. Он прибыл на станцию Уормсли-Хит поездом в семнадцать тридцать.

— Итак, мы имеем Мотив с большой буквы и тот факт, что с половины шестого до неопределенного времени Дэвид Хантер находился здесь.

— Вот именно. Теперь возьмем рассказ Беатрис Липпинкотт. Лично я ей верю. Она сообщила то, что слышала, хотя, возможно, немного свой рассказ приукрасила, что свойственно человече-

---

[20] Сноски: 20
Мой друг *(фр.)*.

ской натуре.

— Безусловно.

— Помимо того, что я знаю Беатрис, я верю, что она не могла такое выдумать. Например, Беатрис никогда не слышала о Роберте Андерхее. Поэтому мне кажется, что разговор между двоими мужчинами проходил именно таким образом, а не так, как утверждает Дэвид Хантер.

— Мне тоже, — сказал Пуаро. — Она производит впечатление вполне надежного свидетеля.

— У нас есть подтверждение ее показаниям. Как вы думаете, почему брат и сестра уехали в Лондон?

— Это один из наиболее интересующих меня вопросов.

— Их финансовое положение выглядит следующим образом. Розалин пожизненно распоряжается только процентами с капитала Гордона Клоуда — сам капитал она не может трогать, за исключением, кажется, тысячи фунтов. Но драгоценности и тому подобное принадлежат ей полностью. Первое, что сделала Розалин, прибыв в город, — отнесла самые ценные вещи на Бонд-стрит и продала их. Ей быстро требовалась крупная сумма наличными — иными словами, она должна была заплатить шантажисту.

— Вы называете это доказательством против Дэвида Хантера?

— А вы — нет?

Пуаро покачал головой:

— Доказательством, что имел место шантаж, — да. Но доказательством намерения совершить убийство — нет. Это не может доказывать и то и другое, mon cher. Молодой человек собирался либо заплатить, либо убить. Вы предъявили доказательство первого.

— Возможно, вы правы. Но он мог изменить намерения.

Пуаро пожал плечами.

— Я знаю людей такого типа, — задумчиво продолжал суперинтендент. — Они хороши на войне — у них более чем достаточно чисто физической смелости, дерзости и пренебрежения личной безопасностью. Такие нередко получают крест Виктории — хотя, уверяю вас, большей частью посмертно. Да, в военное время они герои. Но в мирное такие люди обычно заканчивают тюрьмой. Они не могут обходиться без возбуждения, не любят идти прямой дорогой, им наплевать на общество и в конечном счете — на человеческую жизнь.

Детектив молча кивнул.

Последовала длительная пауза.

— Eh bien, — заговорил наконец Пуаро. — Мы согласились, что перед нами тип убийцы. Но это все — это никуда нас не приведет.

Спенс с любопытством посмотрел на него:

— Вас очень интересует это дело, мсье Пуаро?

— Да.

— Могу я спросить, почему?

— Откровенно говоря, я и сам не знаю, — развел руками детектив. — Возможно, потому, что когда я два года назад сидел в курительной клуба моего друга, ощущая неприятное чувство вот здесь, — он выразительно указал на живот, — ибо я не люблю воздушные налеты и не блистаю смелостью, хотя стараюсь это скрыть… Так вот, когда я сидел там, клубный зануда, славный майор Портер, рассказывал длинную историю, которую не слушал никто, кроме меня, так как я старался отвлечься от бомб и так как факты, о которых он повествовал, казались мне любопытными и поучительными. Я подумал, что в один прекрасный день из этих фактов может что-то выйти. И теперь это случилось.

— Выходит, произошло неожиданное?

— Напротив, — поправил его Пуаро. — Произошло как раз вполне ожидаемое, что само по себе

замечательно.

— Вы ожидали убийства? — скептически уточнил Спенс.

— Нет-нет! Но вдова выходит замуж вторично. Возможно, первый муж еще жив? Оказывается, жив! Он может объявиться? И объявляется! Вероятен шантаж? Так и происходит! Следовательно, шантажиста могут заставить замолчать? Ma foi, и это случилось!

— Ну, — Спенс с сомнением посмотрел на Пуаро, — по-моему, все достаточно типично. Шантаж приводит к убийству — в таком преступлении нет ничего необычного.

— Да, как правило, подобные преступления не представляют особого интереса. Но этот случай любопытен потому, что здесь все не так.

— Все не так? Что вы имеете в виду?

— Все имеет, так сказать, неправильную форму.

Спенс уставился на него.

— Старший инспектор Джепп всегда говорил, что у вас извилистый ум, — заметил он. — Приведите мне пример того, что здесь, по-вашему, «не так».

— Ну, хотя бы сам убитый.

Спенс молча покачал головой.

— Вы так не считаете? — спросил Пуаро. — Ну, возможно, я фантазирую. Тогда другой пример. Андерхей прибывает в «Олень». Он пишет Дэвиду Хантеру. Хантер получает письмо на следующее утро за завтраком?

— Да, по его словам, он получил письмо от Ардена именно тогда.

— Это была первая информация о прибытии Андерхея в Уормсли-Вейл, не так ли? Что же делает Хантер прежде всего? Отправляет сестру в Лондон!

— Это вполне понятно, — сказал Спенс. — Хантер хочет иметь свободу действий. Возможно, он опасается, что Розалин проявит слабость. Не забывайте, в семье лидер — он. Миссис Клоуд полностью у него под каблуком.

— Да, это видно с первого взгляда. Итак, Хантер отсылает сестру в Лондон и наносит визит Еноху Ардену. Мы располагаем отчетом Беатрис Липпинкотт об их беседе, из которого, как у вас говорят, видно за милю, что Дэвид Хантер не был уверен, является ли его собеседник Робертом Андерхеем. Он подозревал это, но не знал наверняка.

— Но тут нет ничего странного, мсье Пуаро. Розалин Хантер вышла замуж за Андерхея в Кейп-

тауне и сразу уехала с ним в Нигерию. Хантер и Андерхей никогда не встречались. Таким образом, как вы говорите, Хантер хотя и подозревал, что Арден — Андерхей, но не мог этого знать, потому что ни разу не видел Андерхея.

Пуаро задумчиво посмотрел на суперинтендента.

— Значит, здесь ничего не кажется вам странным? — спросил он.

— Я знаю, куда вы клоните. Почему Арден не сказал прямо, что он Андерхей? Ну, думаю, это тоже понятно. Респектабельные люди, совершающие нечестный поступок, стараются сохранять внешние приличия. Они предпочитают обставлять все так, чтобы самим выглядеть незапятнанными, если вы понимаете, о чем я. По-моему, тут нет ничего необычного. Вы должны делать скидку на человеческую натуру.

— Да, — промолвил Пуаро. — Человеческая натура. Полагаю, это возможный ответ на вопрос, почему меня так интересует это дело. На дознании я внимательно разглядывал присутствующих — особенно членов семейства Клоуд, связанных общими интересами, но абсолютно различных по характеру, мыслям и чувствам. В течение многих лет все они зависели от сильного

человека в их семействе — Гордона Клоуда. Я не имею в виду полную зависимость. У каждого из них были самостоятельные средства к существованию. Но сознательно или бессознательно они привыкли во всем полагаться на него. А что происходит с плющом, суперинтендент, когда дуб, вокруг которого он обвивается, рубят?

— Этот вопрос едва ли по моей части, — заметил Спенс.

— Вот как? По-моему, как раз по вашей. Человеческая личность, mon cher, не остается неизменной. Она может обретать силу, но может и разрушаться. Что человек собой представляет, становится ясным только в дни испытаний, когда он либо выстоит, либо упадет.

— Право, не знаю, на что вы намекаете, мсье Пуаро. — Спенс выглядел сбитым с толку. — Как бы то ни было, с семьей Клоуд теперь все в порядке — во всяком случае, будет в порядке после всех юридических формальностей.

Пуаро напомнил ему, что это может потребовать времени.

— Все еще необходимо опровергнуть показания миссис Гордон Клоуд. В конце концов, женщина не может не узнать собственного мужа.

Он склонил голову набок и вопрошающе по-

смотрел на суперинтендента.

— По-вашему, женщине трудно не узнать собственного мужа, если от этого зависит состояние в пару миллионов фунтов? — цинично проговорил Спенс. — Кроме того, если это не Роберт Андерхей, то почему его убили?

— Действительно, — пробормотал детектив. — Вот в чем вопрос.

Глава 6

Пуаро вышел из полицейского участка, задумчиво нахмурив брови. Его шаги становились все медленнее. На рыночной площади он остановился и огляделся вокруг. Невдалеке стоял дом доктора Клоуда с потускневшей медной табличкой, а рядом с ним — почта. Напротив виднелся дом Джереми Клоуда. Прямо перед Пуаро, чуть в глубине, находилась католическая церковь Успения — скромное сооружение, казавшееся увядшей фиалкой в сравнении с собором Святой Марии, агрессивно возвышавшимся в центре площади, фасадом к зерновому рынку, символизируя торжество протестантской религии.

Повинуясь импульсу, Пуаро прошел через ворота и направился по дорожке к двери католической церкви. Он снял шляпу, преклонил колени перед алтарем и снова опустился на колени позади одного из стульев. Его молитва была прервана звуками душераздирающих рыданий.

Он обернулся. Женщина в черном стояла на коленях в проходе, закрыв лицо руками. Вскоре она поднялась и, продолжая всхлипывать, двинулась к двери. Пуаро узнал Розалин Клоуд,

и в его глазах зажегся интерес. Он тоже встал и последовал за ней.

Розалин стояла на крыльце, пытаясь успокоиться.

— Мадам, не могу ли я вам помочь? — мягко обратился к ней Пуаро.

Она не обнаружила признаков удивления и ответила с простотой обиженного ребенка:

— Нет. Никто не в состоянии мне помочь.

— У вас серьезные неприятности, не так ли?

— Дэвида арестовали… Я осталась совсем одна. Они говорят, что он убил этого человека… Но он не делал этого! — Посмотрев на Пуаро, Розалин добавила: — Вы были сегодня на дознании. Я вас видела!

— Да, мадам. Я был бы очень рад оказать вам помощь.

— Я боюсь! Дэвид говорил, что я буду в безопасности, пока он присматривает за мной. Но теперь его забрали… Он говорил, что они все желают мне смерти. Ужасно! Но, возможно, это правда.

— Позвольте мне помочь вам, мадам.

Розалин покачала головой:

— Никто не в силах мне помочь. Я даже не могу пойти на исповедь. Мне приходится одной нести бремя моих грехов. Я лишена милости божьей.

— Никто не лишен милости божьей, — возразил Эркюль Пуаро. — Вы отлично это знаете, дитя мое.

Она снова печально посмотрела на него:

— Я должна исповедаться в моих грехах. Если бы я только могла…

— Вы не можете исповедаться? Разве вы не за тем пришли в церковь?

— Я пришла за утешением. Но какое может быть утешение для такой грешницы, как я?

— Мы все грешники.

— Но вы можете покаяться… я имею в виду, рассказать… — Она снова закрыла лицо руками. — Сколько же лжи я наговорила!

— Вы солгали насчет вашего мужа — Роберта Андерхея? Убитый был Роберт Андерхей, не так ли?

Розалин резко повернулась к нему. Ее взгляд был настороженным и подозрительным.

— Говорю вам, это был не мой муж! — крикнула она. — Ничего похожего!

— Убитый не походил на вашего мужа?

— Нисколько! — с вызовом заявила девушка.

— Тогда расскажите, как выглядел ваш муж, — предложил Пуаро.

Ее лицо застыло, глаза потемнели от страха.

— Я не буду ничего вам рассказывать!

Быстро пройдя мимо него, Розалин побежала по дорожке и вышла за ворота на рыночную площадь.

Пуаро не пытался ее преследовать.

— Так вот оно что, — произнес он, удовлетворенно кивнув.

Выйдя на площадь, Пуаро после недолгого колебания зашагал по Хай-стрит и вскоре подошел к гостинице «Олень» — последнему зданию перед полем.

В дверях он столкнулся с Роули Клоудом и Линн Марчмонт.

Пуаро с интересом посмотрел на Линн. Красивая и явно неглупая девушка, хотя и не в его вкусе. Он предпочитал более мягких и женственных. Линн, подумал он, принадлежит к современному типу женщин, который, впрочем, столь же справедливо можно назвать елизаветинским[21]. Такие женщины сами все для себя решают, не стесняются в выражениях, восхищаются дерзостью и предприимчивостью в мужчинах.

— Мы очень признательны вам, мсье Пуаро, —

---

[21] Сноски: 21

Имеется в виду период царствования королевы Елизаветы I Тюдор (1558–1603) — женщины твердой и решительной, в годы правления которой Англия смогла отразить агрессию Испании.

сказал Роули. — Черт возьми, это выглядело как трюк фокусника.

«Каковым оно и являлось!» — подумал Пуаро. Задавая вопрос, на который уже знаешь ответ, нетрудно представить это в виде фокуса. Он понимал, что простодушному Роули появление майора Портера буквально из ничего казалось столь же захватывающим, как появление целого ряда кроликов из шляпы фокусника.

— Ума не приложу, как вы проделываете такие штуки, — продолжал Роули.

Пуаро не стал его просвещать. В конце концов, он был всего лишь человеком. Фокусник не объясняет публике, каким образом был проделан трюк.

— Как бы то ни было, Линн и я бесконечно вам благодарны, — добавил Роули.

Пуаро подумал, что Линн Марчмонт не выглядит особенно благодарной. Под ее глазами темнели круги; пальцы рук нервно сплелись друг с другом.

— Это внесет большие изменения в нашу будущую семейную жизнь, — сообщил Роули.

— Откуда ты знаешь? — резко осведомилась Линн. — Уверена, что предстоит еще множество формальностей.

— Когда вы женитесь? — вежливо спросил Пуаро.

— В июне.

— А сколько времени вы уже помолвлены?

— Почти шесть лет, — ответил Роули. — Линн только что вернулась из Женской вспомогательной службы флота.

— А на этой службе запрещено вступать в брак?

— Я была за границей, — кратко объяснила Линн.

Пуаро заметил, как Роули нахмурился.

— Пошли, Линн, — предложил он. — Наверно, мсье Пуаро хочет вернуться в город.

— Но я не собираюсь возвращаться в город, — улыбнулся тот.

— Что? — Роули застыл как вкопанный.

— Я хочу немного пожить здесь, в «Олене».

— Но… но почему?

— C'est un beau paysage[22], — безмятежно произнес Пуаро.

— Да, конечно… — неуверенно пробормотал Роули. — Но разве вы… ну, я имею в виду, вас не ждут другие дела?

---

[22] Сноски: 22
Здесь такой красивый пейзаж *(фр.)*.

— Я скопил достаточно сбережений, — снова улыбнулся детектив, — так что мне незачем перетруждаться. Я могу наслаждаться досугом и проводить время в тех местах, которые меня привлекают. Сейчас меня привлекает Уормсли-Вейл.

Он заметил, как Линн внимательно посмотрела на него. Роули выглядел раздосадованным.

— Полагаю, вы играете в гольф? — спросил он. — В Уормсли-Хит есть гораздо лучший отель, чем это убогое заведение.

— Меня интересует исключительно Уормсли-Вейл, — ответил Пуаро.

— Пойдем, Роули, — сказала Линн.

Роули неохотно последовал за ней. У двери Линн повернулась и быстро подошла к Пуаро.

— Дэвида Хантера арестовали после дознания, — тихо проговорила она. — Вы думаете… они правы?

— После вердикта у них не было иного выбора, мадемуазель.

— Я имею в виду… вы думаете, он это сделал?

— А вы? — отозвался Пуаро.

Но тут к ним подошел Роули, и лицо девушки стало непроницаемым.

— До свидания, мсье Пуаро, — попрощалась она. — Надеюсь, мы еще увидимся.

«Любопытно!» — подумал детектив.

Договорившись с Беатрис Липпинкотт о комнате, он снова вышел и на сей раз направился к дому доктора Лайонела Клоуда.

— О! — воскликнула тетя Кэти, открыв дверь и шагнув назад. — Мсье Пуаро!

— К вашим услугам, мадам, — поклонился он. — Я пришел засвидетельствовать вам мое почтение.

— Очень любезно с вашей стороны. Ну… полагаю, вам лучше войти. Садитесь… сейчас я уберу книгу мадам Блаватской[23]. Может быть, выпьете чашечку чаю? Только печенье ужасно черствое. Я собиралась зайти к Пикокам — у них по средам иногда бывает рулет с вареньем, — но дознание нарушило весь распорядок дня.

Пуаро выразил сочувствие по этому поводу.

Ему показалось, что Роули Клоуду не понравилось его намерение побыть в Уормсли-Вейл. Манеры тети Кэти тоже не блистали радушием. Она смотрела на него с чем-то весьма похожим на испуг.

— Вы ведь не скажете моему мужу, — прошептала она заговорщически, — что я приходила к

---

[23] Сноски: 23

Блаватская Елена Петровна (1831 — 1891) — автор книг по теософии и оккультизму, основательница ряда теософских обществ.

вам посоветоваться о… ну, вы знаете о чем?

— Считайте, что мой рот на замке.

— Конечно, тогда я и понятия не имела, что бедный Роберт Андерхей — такая трагедия! — находится в Уормсли-Вейл. Это кажется мне очень странным совпадением.

— Было бы гораздо проще, — согласился Пуаро, — если бы доска Уиджа сразу направила вас в «Олень».

При упоминании о доске Уиджа тетя Кэти несколько приободрилась.

— В мире духов могут происходить самые неожиданные вещи, — заявила она. — Но я чувствую, мсье Пуаро, что во всем этом есть какая-то цель. Вы никогда не ощущали, что все имеет свою цель?

— Разумеется, мадам. Даже то, что я сижу в вашей гостиной.

— В самом деле? — Миссис Клоуд выглядела несколько озадаченной. — Очевидно, так оно и есть… Конечно, вы возвращаетесь в Лондон?

— Не сейчас. Я остановился на несколько дней в «Олене».

— В «Олене»? Но ведь именно там… Вы считаете это разумным, мсье Пуаро?

— Я был направлен туда, — торжественно про-

изнес Пуаро.

— Направлены? Что вы имеете в виду?

— Направлен вами.

— Но я и понятия не имела… Все это так ужасно…

Детектив печально кивнул.

— Я только что говорил с мистером Роули Клоудом и мисс Марчмонт, — сказал он. — Кажется, они скоро собираются пожениться?

Тетя Кэти сразу же переключилась на новую тему:

— Линн такая славная девочка и так хорошо запоминает цифры. Я вечно их путаю. Иметь рядом Линн — благословение божье. Если я в чем-нибудь запутываюсь, она всегда все мне объясняет. Надеюсь, Линн будет счастлива. Роули, конечно, отличный парень, хотя, возможно… ну, немного скучноват. Я имею в виду, скучноват для девушки, которая повидала мир. Роули всю войну проторчал на ферме. Разумеется, по закону — этого хотело правительство. Ему не присылали белых перьев, как в бурскую войну[24], но это сделало его кругозор довольно ограниченным.

---

[24] Сноски: 24

Во время Англо-бурской войны и других колониальных войн конца XIX века в Англии существовал обычай присылать белые перья тем, кого подозревали в трусости и уклонении от военной службы.

— Шесть лет помолвки — хорошее испытание чувств.

— Да, конечно. Но когда девушки возвращаются домой из армии, они становятся довольно беспокойными, а если рядом появляется мужчина, который вел жизнь, полную приключений…

— Такой, как Дэвид Хантер?

— Между ними ничего нет, — поспешно заверила тетя Кэти. — Я в этом абсолютно уверена. В противном случае это было бы просто ужасно — ведь оказалось, что он убил своего зятя! Пожалуйста, мсье Пуаро, не думайте, что между Линн и Дэвидом существовала какая-то привязанность. Они ссорились практически при каждой встрече. Я просто чувствую, что… О боже, кажется, идет мой муж! Помните, мсье Пуаро, ни слова о нашей первой встрече! Мой бедный муж ужасно расстроится, если узнает, что… О, Лайонел, пришел мсье Пуаро, который так быстро разыскал этого майора Портера и привел его опознать тело.

Доктор Клоуд выглядел усталым и изможденным. Его светло-голубые глаза с крошечными зрачками рассеянно шарили по комнате.

— Здравствуйте, мсье Пуаро. Собираетесь в Лондон?

«Mon Dieu[25], еще один хочет спровадить меня в Лондон!» — подумал тот.

— Нет, — терпеливо отозвался он. — Я на несколько дней останусь в «Олене».

— В «Олене»? — Лайонел Клоуд нахмурился. — Полиция попросила вас задержаться?

— Нет. Это мой собственный выбор.

— В самом деле? — Доктор бросил на него проницательный взгляд. — Значит, вы не удовлетворены?

— Почему вы так думаете, доктор Клоуд?

Миссис Клоуд, что-то прощебетав насчет чая, вышла из комнаты.

— Но ведь это правда, не так ли? — продолжал доктор. — Вы чувствуете, что тут что-то не так?

— Странно, что вы это говорите, — удивленно заметил детектив. — По-видимому, вы сами это ощущаете?

Клоуд заколебался:

— Н-нет, едва ли… Возможно, это просто чувство какой-то нереальности. В книгах шантажистов обычно убивают. В жизни, очевидно, тоже. Но это кажется неестественным.

— Вас что-то не удовлетворяет в медицинском

---

[25] Сноски: 25
Господи *(фр.)*.

аспекте дела? Разумеется, я спрашиваю неофициально.

— Пожалуй, нет, — задумчиво промолвил доктор Клоуд.

— Но я вижу, что вас что-то беспокоит.

Когда Пуаро хотел, его голос мог обретать почти гипнотическое воздействие. Доктор Клоуд слегка нахмурился.

— Конечно, у меня нет опыта в полицейских делах, — неуверенно произнес он. — Но медицинское заключение вовсе не последняя инстанция, которую нельзя опровергнуть. Медицина может ошибаться. Что такое диагноз? Догадка, основанная на минимуме знаний и нескольких неопределенных симптомах, указывающих отнюдь не в одном направлении. Возможно, я хорошо диагностирую корь, потому что в свое время видел сотни случаев этой болезни и знаю великое множество признаков и симптомов. Едва ли можно столкнуться с тем, что учебники именуют «типичным случаем» кори. Но я сталкивался с достаточным количеством необычных случаев. Я видел женщину, уже практически лежащую на операционном столе для удаления аппендикса, когда в последний момент у нее диагностировали паратиф! Видел ребенка с поражениями кожи,

которые серьезный и добросовестный молодой врач определил как тяжелый случай авитаминоза, а местный ветеринар объяснил матери, что мальчик заразился стригущим лишаем от кошки, с которой играл! Врачи, как и все остальные, становятся жертвами предвзятых идей. Допустим, перед нами человек, очевидно убитый, а рядом лежат испачканные кровью каминные щипцы. Предположение, что его ударили чем-то еще, кажется чепухой, и все же, несмотря на то что у меня нет большого опыта с черепными травмами, я бы заподозрил что-то не столь гладкое и круглое — что-то с более острыми краями вроде кирпича.

— Вы не упомянули об этом на дознании?

— Нет, так как не был уверен. Дженкинс, полицейский врач, был удовлетворен, а в первую очередь учитывают его мнение. Но здесь явно предвзятая идея — оружие лежит рядом с телом. Раны могли быть нанесены этим оружием? Да, могли. Но если бы вам показали раны и спросили, чем они нанесены… ну, не знаю, сказали бы вы это, так как это звучит бессмысленно… Я имею в виду, что один человек наносил удары кирпичом, а другой — щипцами… — Доктор неудовлетворенно покачал головой. — Бессмысленно, не так ли?

— А он не мог упасть на какой-нибудь острый предмет?

Доктор Клоуд покачал головой:

— Он лежал лицом вниз посередине комнаты, на старомодном плотном эксминстерском ковре… — Доктор умолк, так как в этот момент вошла его жена. — А вот и Кэти со своим пойлом.

Тетя Кэти несла поднос с чашками, половиной буханки хлеба и удручающим на вид вареньем на дне двухлитровой банки.

— По-моему, чайник вскипел, — с сомнением заметила она, подняв крышку и заглянув внутрь.

Доктор Клоуд фыркнул:

— Бурда! — и с этим кратким эпитетом вышел из комнаты.

— Бедный Лайонел, — вздохнула тетя Кэти. — С начала войны его нервы в ужасном состоянии. Он слишком много работал. Многие врачи уехали, а Лайонел не давал себе отдыха ни днем ни ночью. Удивительно, что он полностью не сломался. Конечно, Лайонел рассчитывал уйти на покой, как только кончится война. Они обо всем договорились с Гордоном. Его хобби — ботаника, особенно использование лекарственных растений в Средние века. Он пишет об этом книгу и

дожидался возможности заняться исследованиями. Но после смерти Гордона… Ну, вы знаете, мсье Пуаро, как обстоят дела в наши дни, — налоги и все прочее. Лайонел не может себе позволить бросить практику, и это его ожесточило. Конечно, это несправедливо. То, что Гордон умер вот так, не оставив завещания, поколебало мою веру. Я не вижу в этом никакой цели и не могу избавиться от мысли, что произошла ошибка. — Она вздохнула и продолжала более бодро: — Но я получила уверение из потустороннего мира: «Терпение, мужество — и выход будет найден». И в самом деле, когда этот славный майор Портер твердо заявил, что убитый — Роберт Андерхей, я поняла, что выход найден! Удивительно, как все оборачивается к лучшему, не так ли, мсье Пуаро?

— Даже убийство, — добавил он.

Глава 7

Пуаро вернулся в «Олень» в задумчивом настроении, слегка ежась от пронизывающего восточного ветра. Холл был пуст. Он открыл дверь в комнату отдыха. Там пахло дымом: огонь в камине почти погас. Детектив на цыпочках подошел к двери в дальнем конце холла с надписью: «Только для постояльцев». Здесь огонь полыхал вовсю, но в большом кресле у камина уютно грела ноги монументальная старая леди, которая с такой свирепостью взглянула на заглянувшего, что тот с извинением отступил.

Стоя в холле, Пуаро перевел взгляд с пустого застекленного офиса на старомодную надпись: «Кофейная». По своему опыту пребывания в сельских гостиницах он хорошо знал, что кофе там подают только на завтрак, и то с величайшей неохотой, да и тогда его основным компонентом является водянистое горячее молоко. Маленькие чашечки приторной мутной жидкости, именуемой черным кофе, подавали не в кофейной, а в комнате отдыха. Виндзорский суп, бифштекс по-венски с помидорами и горячий пудинг, составляющие обед, можно было получить в

кофейной ровно в семь. До тех пор в обитаемых помещениях «Оленя» царила мертвая тишина.

Пуаро задумчиво поднялся по лестнице. Вместо того чтобы свернуть налево, где находился отведенный ему 11-й номер, он повернул направо, остановился у двери 5-го номера и огляделся вокруг. Тишина и пустота. Пуаро открыл дверь и вошел.

Полиция уже закончила работу в комнате. Ее убрали и помыли. На полу не было ковра — очевидно, старомодный эксминстерский ковер отдали в чистку. Одеяла были сложены на кровати в аккуратную стопку.

Закрыв за собой дверь, Пуаро прошелся по комнате. В ней не ощущалось никаких признаков человеческого присутствия. Он начал осматривать мебель: письменный стол, комод красного дерева, гардероб из того же материала (по-видимому, закрывавший дверь в 4-й номер), широкую медную кровать, умывальник с холодной и горячей водой — дань современности и нехватке персонала; большое, но весьма неудобное кресло, два маленьких стула, старомодную викторианскую каминную решетку с кочергой и совком из того же комплекта, что и щипцы, тяжелую мраморную каминную полку и мраморный пря-

моугольный бордюр вокруг очага.

Детектив наклонился и стал разглядывать камин. Послюнив палец, он потер им правый угол бордюра и посмотрел на результат. Палец слегка почернел. Он повторил ту же операцию другим пальцем у левого угла бордюра. На сей раз палец остался абсолютно чистым.

— Та-ак, — задумчиво пробормотал Пуаро.

Он взглянул на умывальник, затем подошел к окну. Оно выходило на освинцованную крышу — вероятно, гаража, — за которой виднелся переулок позади гостиницы. Самый легкий способ незаметно проникнуть в 5-й номер и уйти оттуда. Впрочем, столь же незаметно можно было подняться сюда по лестнице. Он сам только что это проделал.

Пуаро вышел в коридор, бесшумно закрыв за собой дверь, и направился к себе в комнату, но там было слишком холодно. Он спустился вниз, поколебался немного, однако, подстрекаемый холодным вечерним воздухом, решительно шагнул в комнату, предназначенную «только для постояльцев», придвинул к камину второе кресло и сел.

Монументальная старая леди вблизи выглядела еще более грозно. У нее были серо-стального

оттенка волосы, пышные усы и (что выяснилось, когда она заговорила) низкий, внушающий трепет голос.

— Эта комната, — заявила леди, — предназначена только для постояльцев отеля.

— Я постоялец отеля, — отозвался Эркюль Пуаро.

Леди подумала несколько секунд, прежде чем возобновить атаку, затем произнесла обвиняющим тоном:

— Вы иностранец.

— Совершенно верно, — кивнул детектив.

— По-моему, — продолжала старая леди, — вы все должны убраться.

— Куда? — осведомился он.

— Туда, откуда пришли, — твердо сказала леди, после чего добавила вполголоса: — Иностранцы! — и фыркнула.

— Это было бы нелегко, — мягко заметил Пуаро.

— Чепуха, — возразила старая леди. — Разве не за это мы сражались на войне? Чтобы все могли вернуться на свои места и оставаться там!

Пуаро не стал возражать. Он давно усвоил, что каждый имел свою точку зрения на проблему: «За что мы сражались на войне?»

Воцарилось враждебное молчание.

— Не знаю, куда все катится, — снова заговорила старая леди. — Каждый год я приезжаю сюда и останавливаюсь в этой гостинице. Мой муж умер здесь шестнадцать лет назад. Здесь он и похоронен. Я провожу тут месяц.

— Благочестивое паломничество, — вежливо сказал Пуаро.

— И с каждым годом здесь становится все хуже. Никакого обслуживания! Пища несъедобна! Тоже мне бифштекс по-венски! Бифштекс делают из крестца или филе, а не из рубленой конины!

Пуаро печально кивнул.

— Одно хорошо — они закрыли аэродром, — не унималась старая леди. — Стыдно было видеть этих молодых летчиков, приходивших сюда с ужасными девицами! Не знаю, куда смотрят их матери, позволяя им слоняться без дела! А во всем виновато правительство! Это оно посылает матерей работать на фабрики, освобождая только тех, у кого маленькие дети. Чушь! Кто угодно может присматривать за малышами — они ведь не бегают за солдатами! Девушки от четырнадцати до восемнадцати — вот они нуждаются в присмотре! Нуждаются в своих матерях! Что у них в голове? Солдаты, летчики, американцы, ниггеры,

всякие польские подонки!.. — Леди закашлялась от негодования. Но, придя в себя, продолжала, с удовольствием доводя себя до исступления и используя Пуаро в качестве объекта своего дурного настроения: — Почему вокруг их лагерей колючая проволока? Чтобы солдаты не приставали к девушкам? Нет, чтобы девушки не приставали к солдатам! Они просто помешались на мужчинах! Посмотрите, что они носят! Брюки, а некоторые дурочки даже шорты! Они бы не стали этого делать, если бы знали, как выглядят сзади!

— Полностью согласен с вами, мадам.

— А что у них на головах? Нормальные шляпы? Нет, какие-то перекрученные куски материи! Лица покрыты краской и пудрой, помада на губах размазана, а ногти ярко-красные не только на руках, но и на ногах! — Старая леди умолкла и выжидающе посмотрела на Пуаро.

Он вздохнул и покачал головой. Тогда она заговорила вновь:

— Даже в церковь они приходят без шляп, а иногда и без этих дурацких шарфов. А перманент? Не волосы, а неизвестно что! В наши дни вообще не знают, что такое волосы. Когда я была молодая, то могла сидеть на своих волосах.

Пуаро украдкой взглянул на ее серо-стальные

пряди. Казалось невозможным, чтобы эта свирепая старуха когда-то была молодой!

— Одна из этих девиц как-то вечером появилась здесь, — заявила она. — На голове оранжевый шарф, лицо намазано и напудрено. Я только на нее посмотрела — и вскоре ее как ветром сдуло! Конечно, эта девица не из постояльцев — такие, слава богу, тут не останавливаются! Тогда почему она выходила из мужской спальни? Мерзость! Я так и сказала этой Липпинкотт, но она ничем не лучше — готова бежать целую милю за каждым, кто носит брюки.

У Пуаро внезапно пробудился интерес.

— Выходила из мужской спальни? — переспросил он.

Старая леди с радостью ухватилась за эту тему: — Вот именно! Своими глазами видела — из номера пять.

— Когда это было, мадам?

— Накануне того дня, когда началась эта суматоха с убийством. Просто позор, что такое здесь случилось! Эта гостиница всегда была старомодной и респектабельной. А теперь…

— И в котором часу это произошло?

— Поздно вечером — после десяти. Я ложусь спать в четверть одиннадцатого. Она выскочила

из 5-го номера, увидела меня и сразу юркнула назад, смеясь и болтая с мужчиной.

— Вы слышали его голос?

— А я о чем говорю? Она вернулась в номер, и он крикнул: «Ну-ка, девочка, убирайся отсюда! С меня довольно!» Ничего себе, разговор мужчины с девушкой! Но эти потаскушки сами на такое напрашиваются!

— Вы не сообщали об этом полиции? — спросил Пуаро.

Старая леди с трудом поднялась и устремила на него взгляд василиска:

— Никогда не имела никаких дел с полицией! Вот еще! Я и полиция!

Дрожа от гнева и злобно посмотрев на Пуаро, она вышла из комнаты.

Несколько минут Пуаро сидел, задумчиво поглаживая усы, потом отправился на поиски Беатрис Липпинкотт.

— Вы имеете в виду старую миссис Ледбеттер — вдову каноника Ледбеттера? Да, она приезжает сюда каждый год, но, говоря между нами, вытерпеть ее нелегко. Миссис Ледбеттер часто бывает грубой с людьми и никак не может понять, что времена изменились. Конечно, ей почти восемьдесят…

— Но у нее ясный ум? Она понимает, что говорит?

— Вполне. Она весьма смышленая старая леди — иногда даже слишком.

— Вы знаете, кто была молодая женщина, которая посещала убитого во вторник вечером?

Беатрис выглядела удивленной.

— Не помню, чтобы его вообще посещала молодая женщина. Как она выглядела?

— С оранжевым шарфом на голове и, насколько я понял, с большим количеством косметики на лице. Она была в 5-м номере и говорила с Арденом во вторник вечером в четверть одиннадцатого.

— Право, мсье Пуаро, я понятия об этом не имею.

Пуаро отправился в полицейский участок.

Суперинтендент Спенс молча выслушал его рассказ, потом откинулся на спинку стула и медленно кивнул.

— Забавно, — заметил он, — как часто приходится возвращаться все к той же древней формулировке: «Cherchez la femme».

Хотя французское произношение суперинтендента было не таким хорошим, как у сержанта Грейвса, он очень им гордился. Поднявшись, Спенс отошел в дальний конец комнаты и вскоре

вернулся, что-то держа в руке. Это была губная помада в позолоченном корпусе.

— Эта штука все время указывала, что тут может быть замешана женщина, — сказал он.

Пуаро взял помаду и аккуратно мазнул ею по тыльной стороне кисти руки.

— Хорошее качество, — заметил он. — Темно-вишневый оттенок подходит для брюнетки.

— Да. Ее нашли на полу в 5-м номере. Она закатилась под комод и, возможно, пролежала там не один день. Никаких отпечатков пальцев. Разумеется, в наши дни нет такого множества помад, как раньше, — всего несколько сортов.

— И вы, несомненно, уже навели справки?

Спенс улыбнулся:

— Да, как вы говорите, мы навели справки. Таким типом помады пользуются Розалин Клоуд и Линн Марчмонт. Франсис Клоуд использует менее яркий оттенок, миссис Марчмонт — розовато-лиловый, а миссис Лайонел Клоуд и вовсе обходится без помады. Беатрис Липпинкотт едва ли употребляет такой дорогой сорт, а горничная Глэдис — тем более.

— Вы все тщательно проверили, — заметил Пуаро.

— Недостаточно тщательно. Похоже, тут за-

мешана посторонняя женщина — возможно, какая-то знакомая Андерхея в Уормсли-Вейл.

— Которая была с ним во вторник вечером в четверть одиннадцатого?

— Да. — Спенс со вздохом добавил: — Это освобождает от подозрений Дэвида Хантера.

— Разве?

— Увы! Его высочество после беседы со своим адвокатом наконец согласился дать показания. Вот отчет о его передвижениях.

Пуаро прочитал аккуратно отпечатанный текст:

> «В 16.16 выехал из Лондона поездом в Уормсли-Хит. Прибыл туда в 17.30. Пошел в «Фарроубэнк» по пешеходной дорожке».

— Он объясняет свой приезд, — вставил суперинтендент, — необходимостью забрать кое-какие письма, документы и чековую книжку, а также проверить, не прислали ли рубашки из прачечной, — чего, разумеется, не произошло. Прачечные превратились в настоящую проблему! У нас забрали белье месяц назад, в доме не осталось ни одного чистого полотенца — теперь жена все стирает сама.

После этого вполне понятного отступления Спенс вернулся к путеводителю по маршрутам Дэвида:

> «Ушел из «Фарроубэнка» в 19.25 и отправился на прогулку, так как пропустил поезд в 19.20, а следующий отходил только через два часа».

— В каком направлении он прогуливался? — спросил Пуаро.

Суперинтендент заглянул в свои записи.

— Говорит, что в сторону Даун-Копс, Бэтс-Хиллз и Лонг-Ридж.

— Фактически обошел вокруг «Белого дома».

— Быстро же вы усвоили местную географию, мсье Пуаро!

— Нет. — Детектив улыбнулся и покачал головой. — Я не знаю упомянутых вами мест. Я просто догадался.

— Вот как? — Суперинтендент склонил голову набок. — По его словам, поднявшись на Лонг-Ридж, он понял, что опаздывает, помчался на станцию и успел на поезд в последний момент. Без четверти одиннадцать он прибыл на вокзал Виктория, пошел пешком в «Шепердс-Корт» и добрался туда к одиннадцати — последнее за-

явление подтверждает миссис Гордон Клоуд.

— А кто-нибудь еще подтверждает?

— Да, хотя и немногие. Роули Клоуд и еще несколько человек видели, как Хантер прибыл на станцию Уормсли-Хит. У горничных в «Фарроубэнке» был выходной (разумеется, у Хантера имелся свой ключ), поэтому они его не видели, но обнаружили в библиотеке сигаретный окурок, который, как я понял, изрядно их озадачил, а также беспорядок в бельевом шкафу. Один из садовников работал поздно — кажется, закрывал оранжереи — и заметил Хантера. Мисс Марчмонт встретила его в Мардонском лесу, когда он спешил на поезд.

— А кто-нибудь видел его садящимся в поезд?

— Нет, но он звонил мисс Марчмонт, как только вернулся в Лондон, — в пять минут двенадцатого.

— Это проверено?

— Да, мы уже запросили насчет звонков с этого номера. В четыре минуты двенадцатого был междугородный звонок в Уормсли-Вейл, 36 — это номер Марчмонтов.

— Весьма любопытно, — пробормотал Пуаро.

— Роули Клоуд ушел от Ардена без пяти девять, — методично продолжал Спенс. — Он

уверен, что не раньше. Около десяти минут десятого Линн Марчмонт видела Хантера в Мардонском лесу. Даже если бы он бежал всю дорогу от «Оленя», хватило бы ему времени встретиться с Арденом, поссориться с ним, убить его и добраться до Мардонского леса? Не думаю. Как бы то ни было, теперь нам приходится все начинать заново. Ардена убили гораздо позже девяти — он был жив в десять минут одиннадцатого, если только вашей старой леди это не померещилось. Причем был убит либо женщиной в оранжевом шарфе, которая уронила помаду, либо кем-то, явившимся после ее ухода. И кто бы это ни сделал, он намеренно перевел стрелки часов назад — на десять минут десятого.

— Что поставило бы Дэвида Хантера в весьма затруднительное положение, если бы он чисто случайно не наткнулся на Линн Марчмонт в крайне маловероятном для подобной встречи месте, — заметил Пуаро.

— Да, в самом деле. Поезд в девять двадцать — последний, отправляющийся из Уормсли-Хит. Этим поездом всегда возвращаются игроки в гольф. Уже темнело, и вряд ли кто-нибудь заметил бы Хантера — тем более что станционные служащие не знают его в лицо. В Лондоне он не

брал такси. Поэтому мы можем полагаться только на слова его сестры, что он прибыл в «Шепердс-Корт» в указанное им время. — Так как детектив хранил молчание, Спенс спросил: — О чем вы думаете, мсье Пуаро?

— Длинный путь вокруг «Белого дома»… — промолвил тот. — Встреча в Мардонском лесу… Телефонный разговор позднее… И Линн Марчмонт помолвлена с Роули Клоудом… Мне бы очень хотелось знать, о чем она и Дэвид Хантер говорили по телефону.

— Вам не дает покоя простое любопытство?

— Как всегда, — ответил Эркюль Пуаро.

Глава 8

Было уже поздно, но Эркюль Пуаро хотел нанести еще один визит. Он направился к дому Джереми Клоуда.

Маленькая, смышленая на вид горничная проводила его в кабинет хозяина.

Оставшись один, Пуаро с интересом огляделся. Даже дома у адвоката все сухо, как пыль, подумал он. На письменном столе стояла большая фотография Гордона Клоуда. Другой, пожелтевший от времени, фотоснимок изображал лорда Эдуарда Трентона верхом на лошади. Пуаро разглядывал его, когда вошел Джереми Клоуд.

— Прошу прощения. — Смущенный Пуаро поставил на место фотографию.

— Мой тесть, — не без гордости пояснил Джереми. — И одна из его лучших лошадей — Гнедая. Пришла второй на дерби в 1924 году. Вы интересуетесь скачками?

— Увы, нет.

— На них уходит куча денег, — сухо заметил Джереми. — Лорд Эдуард из-за них разорился — ему пришлось уехать и жить за границей. Да, дорогое удовольствие. — Но в его голосе по-преж-

нему слышались горделивые нотки.

Сам адвокат, подумал Пуаро, скорее бы выбросил деньги на улицу, чем истратил их на лошадей, но он испытывал тайное восхищение теми, кто поступал иначе.

— Чем могу служить, мсье Пуаро? — поинтересовался Клоуд. — Я чувствую, что наша семья у вас в долгу — за то, что вы нашли майора Портера, который опознал тело.

— Семья, кажется, очень этому рада?

— Радость довольно преждевременная, — сухо отозвался Джереми. — Еще много воды утечет, прежде чем все окончательно выяснится. В конце концов, смерть Андерхея была официально признана в Африке. Понадобятся годы, чтобы это опровергнуть, — к тому же заявление Розалин звучало весьма уверенно. Она произвела хорошее впечатление. — Казалось, Джереми не очень полагался на улучшение семейных перспектив. — Но вы хотели меня видеть? — спросил он, устало отодвинув какие-то бумаги.

— Я собирался спросить у вас, мистер Клоуд, действительно ли вы вполне уверены, что ваш брат не оставил завещания? Я имею в виду завещания, составленного после вступления в брак?

Джереми выглядел удивленным.

— Не думаю, чтобы когда-либо возникало подобное предположение. Он, безусловно, не составлял завещания до отъезда из Нью-Йорка.

— Но он мог это сделать во время своего двухдневного пребывания в Лондоне.

— То есть обратиться там к юристу?

— Или сам написать завещание.

— А кто бы его засвидетельствовал?

— В доме было трое слуг, — напомнил Пуаро, — которые погибли в ту же ночь, что и он.

— Хм! Но если Гордон составил завещание, то оно также было уничтожено взрывом.

— В том-то и дело. За последнее время многие документы, считавшиеся полностью уничтоженными, были расшифрованы с помощью новых методов. Например, некоторые сгорели в домашних сейфах, но не настолько, чтобы их нельзя было прочитать.

— Любопытная идея, мсье Пуаро. Но я не думаю… нет, не верю, что из этого может что-нибудь выйти. Насколько мне известно, в доме на Шеффилд-Террас не было сейфа. Гордон хранил все важные бумаги в своем офисе — а там, безусловно, не было завещания.

— Но можно навести справки, — настаивал Пуаро. — Например, у сотрудников ПВО. Вы бы

поручили мне это сделать?

— О, разумеется. С вашей стороны очень любезно это предложить. Но, боюсь, у меня нет веры в успех. Все же маленький шанс, возможно, имеется. Значит, вы сразу же возвращаетесь в Лондон?

Пуаро прищурил глаза. В голосе Джереми слышалось явное нетерпение. «Возвращаетесь в Лондон…» Неужели они все хотят поскорее его спровадить?

Прежде чем он успел ответить, дверь открылась, и вошла Франсис Клоуд.

Пуаро поразили два факта. Во-первых, то, что она выглядела совсем больной, и, во-вторых, очень сильное сходство с фотографией ее отца.

— Мсье Эркюль Пуаро пришел повидать нас, дорогая, — без особой надобности объяснил Джереми.

Франсис пожала гостю руку, а Джереми Клоуд рассказал ей о предложении Пуаро насчет завещания.

На лице Франсис отразилось сомнение.

— По-моему, шансов очень мало.

— Мсье Пуаро собирается в Лондон и любезно согласился навести справки.

— Насколько я понимаю, майор Портер руководил противовоздушной обороной в том

районе, — сказал Пуаро.

Лицо Франсис приобрело странное выражение.

— Кто такой этот майор Портер? — спросила она.

Пуаро пожал плечами:

— Отставной армейский офицер, живущий на пенсию.

— Он действительно был в Африке?

Пуаро с любопытством поглядел на нее:

— Разумеется, мадам. А почему бы и нет?

— Не знаю, — почти рассеянно проговорила она. — Он меня озадачил.

— Да, миссис Клоуд, — кивнул Пуаро. — Я могу это понять.

Франсис бросила на него резкий взгляд, и при этом в ее глазах мелькнул страх. Потом она повернулась к мужу:

— Джереми, я очень огорчена из-за Розалин. Она совсем одна в «Фарроубэнке» и, должно быть, ужасно расстраивается из-за ареста Дэвида. Ты не будешь возражать, если я предложу ей пожить у нас?

— По-твоему, это разумно? — В голосе Джереми звучало сомнение.

— Не знаю, насколько разумно, но человечно.

Она такое беспомощное создание.

— Не думаю, что она согласится.

— Во всяком случае, я могу ей это предложить.

— Хорошо, если это сделает тебя счастливее, — спокойно произнес адвокат.

— Счастливее! — В этом возгласе слышалась горечь. Франсис с тревогой взглянула на Пуаро.

— С вашего позволения, я удаляюсь, — с формальной вежливостью произнес он.

Франсис проводила его в холл.

— Вы собираетесь в Лондон?

— Я уезжаю завтра, но самое большее на сутки. А потом вернусь в «Олень», где вы сможете повидать меня, мадам, если захотите.

— Почему я должна этого хотеть? — резко отреагировала она.

Пуаро не ответил на вопрос.

— Я вернусь в «Олень», — повторил он.

Ночью в темноте Франсис Клоуд сказала мужу:

— Я не верю, что этот человек едет в Лондон из-за завещания Гордона. А ты, Джереми?

Ей ответил усталый, безнадежный голос:

— Я тоже не верю, Франсис. Он едет туда по другой причине.

— По какой?

— Понятия не имею.

— Что же нам делать, Джереми? — помолчав, спросила Франсис.

— По-моему, — ответил он, — можно сделать только одно...

Глава 9

Получив от Джереми Клоуда необходимые полномочия, Пуаро добился ответов на свои вопросы. Они были вполне определенными. Дом был разрушен полностью. Место расчистили совсем недавно, готовясь к новостройке. Никто не выжил, кроме Дэвида Хантера и миссис Клоуд. В доме находилось трое слуг: Фредерик Гейм, Элизабет Гейм и Айлин Корриган. Всех убило на месте. Гордона Клоуда извлекли живым, но он умер по дороге в больницу, не приходя в сознание. Пуаро записал имена и адреса ближайших родственников троих слуг.

— Возможно, — сказал он, — слуги сообщили им какие-нибудь сплетни или замечания, которые дали бы мне ключ к необходимой информации.

Чиновник, с которым он разговаривал, был настроен скептически. Геймы были родом из Дорсета, а Айлин Корриган — из графства Корк.

После этого Пуаро направил стопы к дому Портера. Он помнил слова майора, что тот руководил районной ПВО, и хотел узнать, дежурил ли Портер в ту ночь и видел ли происшедшее на Шеффилд-Террас. Кроме того, у него имелись и

другие причины для беседы с этим человеком.

Свернув на Эджуэй-стрит, детектив с удивлением увидел полисмена в униформе, стоящего у дома майора. Поодаль собралось несколько мальчишек и других зевак, глазевших на дом. У Пуаро упало сердце — он понял, что это означает.

Констебль преградил ему дорогу.

— Сюда нельзя, сэр, — сказал он.

— Что случилось?

— Вы ведь не живете в этом доме, не так ли, сэр? — Когда Пуаро покачал головой, полисмен спросил: — Кого вы хотели повидать?

— Я хотел повидать майора Портера.

— Вы его друг, сэр?

— Нет, едва ли я могу охарактеризовать себя как друга. А что произошло?

— Насколько я понимаю, джентльмен застрелился. А, вот и инспектор.

Дверь открылась, и из дома вышли два человека. Одним был местный инспектор, в другом Пуаро узнал сержанта Грейвса из Уормсли-Вейл. Сержант также узнал Пуаро и сразу же представил его инспектору.

— Лучше войдем внутрь, — сказал последний.

Трое мужчин вошли в дом.

— Они позвонили в Уормсли-Вейл, — объяснил

сержант, — и суперинтендент послал меня сюда.

— Это самоубийство?

— Да, — ответил инспектор. — Случай вроде бы ясный. Может, на него так подействовала необходимость давать показания на дознании. Иногда люди на это странно реагируют, но я понял, что последнее время он вообще казался подавленным. Финансовые трудности и тому подобное. Застрелился из собственного револьвера.

— Я могу подняться? — спросил Пуаро.

— Если хотите. Проводите мсье Пуаро наверх, сержант.

Грейвс повел Пуаро в комнату на втором этаже. Там все было как в прошлый раз — выцветшие ковры, книги… Майор Портер сидел в большом кресле. Его поза была почти естественной — только голова склонилась на грудь. Правая рука безвольно свисала — под ней на ковре лежал револьвер. В воздухе еще ощущался едкий запах пороха.

— Они думают, что это случилось часа два назад, — пояснил Грейвс. — Никто не слышал выстрела. Хозяйка ходила за покупками.

Пуаро нахмурился, глядя на неподвижную фигуру с маленькой опаленной ранкой в правом виске.

— У вас есть какое-нибудь предположение, почему он это сделал, мсье Пуаро? — поинтересовался Грейвс. Он держался с Пуаро почтительно, так как видел уважительное отношение к нему суперинтендента, но в глубине души считал его старой развалиной.

— Да-да, — рассеянно отозвался детектив, — это несложно. У него была очень веская причина.

Он посмотрел на маленький столик слева от майора. На нем стояла большая стеклянная пепельница с трубкой и коробком спичек. Снова окинув взглядом комнату, Пуаро подошел к письменному столу с откидной крышкой.

Бумаги были аккуратно разложены по отделениям. В центре лежали кожаная папка с промокательной бумагой, поднос с ручкой и двумя карандашами, коробка со скрепками и альбом с марками. Все в полном порядке. Упорядоченная жизнь и упорядоченная смерть… Ну конечно! Вот чего не хватает!

— Он не оставил какой-нибудь записки или письма коронеру? — спросил Пуаро.

Грейвс покачал головой:

— Нет, хотя от отставных военных всегда этого ожидаешь.

— Да, это странно.

Педантичный в жизни, майор Портер не был таковым в смерти. «Поистине очень странно, — думал детектив, — что он не оставил записки».

— Тяжелый удар для семейства Клоуд, — заметил Грейвс. — Это отбросит их назад. Теперь им придется разыскивать еще кого-нибудь, близко знавшего Андерхея. — Он нетерпеливо переминался с ноги на ногу. — Хотите еще на что-нибудь взглянуть, мсье Пуаро?

Тот покачал головой и вышел из комнаты вслед за сержантом.

На лестнице они встретили хозяйку. Она явно наслаждалась собственным возбужденным состоянием и тут же пустилась в пространный монолог. Грейвс ловко ретировался, предоставив Пуаро принимать огонь на себя.

— До сих пор не могу дыхание перевести. Грудная жаба — моя мать умерла от нее прямо на Каледонском рынке. Я сама чуть не свалилась, когда увидела его. Никогда такого не ожидала, хотя он давно уже выглядел мрачным. Наверно, беспокоился из-за денег, да и недоедал постоянно, хотя от нас никогда не принимал угощения. А вчера он ездил в Оустшир — в Уормсли-Вейл — давать показания на дознании, и это его доконало. Вернулся он совсем плохим. Всю ночь ходил взад-

вперед. Я собралась за покупками и знала, что простою в очереди за рыбой, поэтому поднялась спросить, не хочет ли майор чашечку чаю. Смотрю, а бедный джентльмен откинулся в кресле и револьвер на пол уронил. Я жутко перепугалась. Пришлось вызывать полицию. Куда катится мир — вот что я хотела бы знать.

— Мир становится трудным местом для проживания, — медленно проговорил Пуаро. — Это относится ко всем, кроме сильных.

Глава 10

Было начало девятого, когда бельгиец вернулся в «Олень». Он нашел записку от Франсис Клоуд с просьбой прийти к ней и сразу же последовал приглашению.

Франсис ожидала его в гостиной. Эту комнату Пуаро видел впервые. Открытые окна выходили в сад с цветущими грушевыми деревьями. На столиках стояли вазы с тюльпанами. Старая мебель была натерта воском, а каминная решетка и ведерко для угля отполированы до блеска.

Комната показалась детективу очень красивой.

— Вы говорили, что я захочу вас повидать, мсье Пуаро, и оказались правы. Мне нужно кое-что рассказать — и я думаю, лучше всего это рассказать вам.

— Всегда легче, мадам, рассказывать тому, кто уже в значительной степени в курсе дела.

— Вы думаете, что знаете, о чем я собираюсь вам сообщить?

Он кивнул.

— С тех пор как…

Она оставила фразу неоконченной, но Пуаро

быстро ответил:

— С того момента, как я увидел фотографию вашего отца. Фамильные черты выражены очень сильно. Невозможно усомниться, что вы из одной семьи. Столь же сильно эти черты были выражены у человека, который явился сюда под именем Еноха Ардена.

Франсис тяжело вздохнула:

— Да, вы правы, хотя бедный Чарльз носил бороду. Он был моим троюродным братом, мсье Пуаро, и паршивой овцой в семье. Я никогда хорошо его не знала, но в детстве мы вместе играли, а теперь по моей вине он умер ужасной смертью…

Несколько секунд она молчала.

— Расскажите мне все, — мягко попросил детектив.

Франсис очнулась:

— Да, этого не избежать. Мы отчаянно нуждались в деньгах. У моего мужа были серьезные неприятности — более чем серьезные. Ему угрожало и все еще угрожает бесчестье, а может, и тюремное заключение. Поверьте, мсье Пуаро, план, который я осуществила, принадлежал мне — мой муж не имел к этому отношения. Такой план вообще не в его духе — слишком много риска. Но я никогда не возражала против риска

и, очевидно, не отличалась особой щепетильностью. Но прежде всего я обратилась к Розалин Клоуд с просьбой о займе. Не знаю, согласилась бы она или нет, но тут появился ее брат. Он был в дурном настроении и держался в высшей степени оскорбительно. Поэтому, приводя в действие мой план, я не испытывала никаких угрызений совести.

Чтобы вы все поняли, я должна сообщить вам, что муж неоднократно пересказывал мне довольно интересную историю, которую слышал в клубе. Кажется, вы там тоже были, так что мне незачем повторять ее во всех подробностях. Эта история допускала предположение, что первый муж Розалин жив — в таком случае она не имела никакого права на деньги Гордона. Конечно, это была всего лишь глупая надежда, но у нас не выходило из головы, что она может оказаться правдой. И я подумала, что эту возможность нужно каким-то образом использовать. Мой кузен Чарльз сидел на мели. Боюсь, ему пришлось побывать в тюрьме, но на войне он хорошо себя проявил. Я предложила ему помочь мне осуществить мой план. Конечно, это был шантаж — не более и не менее. Но мы полагали, что у нас есть шанс на удачу. В самом худшем случае, думала я,

Дэвид Хантер отказался бы платить. Я не боялась, что он обратится в полицию — люди вроде него полицию не слишком жалуют.

Сначала все шло хорошо. Дэвид попался на удочку быстрее, чем мы ожидали. Конечно, Чарльз не мог открыто выдать себя за Роберта Андерхея. Розалин сразу же его разоблачила бы. Но, к счастью, она уехала в Лондон, и это предоставило Чарльзу возможность хотя бы намекнуть, что он может оказаться Робертом Андерхеем. Ну, как я сказала, Дэвид попался в ловушку. Он должен был принести деньги во вторник в девять вечера. Но вместо этого… — Ее голос дрогнул. — Нам следовало знать, что Дэвид… опасный человек. Чарльз убит, а, если бы не я, он мог бы быть жив. Я послала его на смерть. Можете себе представить, что я чувствую с тех пор?

— Тем не менее, — заметил Пуаро, — вы достаточно быстро сообразили, как действовать дальше. Ведь это вы уговорили майора Портера опознать вашего кузена как Роберта Андерхея?

— Клянусь вам, это не я! — горячо возразила Франсис. — Мы были просто ошарашены, когда этот майор Портер заявил, что Чарльз — Роберт Андерхей! Я все еще не могу этого понять!

— Но ведь кто-то пошел к майору Портеру и

убедил его или подкупил, чтобы он опознал в убитом Роберта Андерхея?

— Это не я, — решительно повторила Франсис. — И не Джереми. Никто из нас так не поступил бы. О, я понимаю, что для вас это звучит абсурдно! Вы думаете, что если я была готова на шантаж, то не остановилась бы и перед обманом. Но, по-моему, это совсем разные вещи. Не забывайте, я считала — и считаю до сих пор, — что мы имеем право на часть денег Гордона, и просто собиралась получить нечестным способом то, что должна была получить честным. Но сознательно лишить Розалин всего, сфабриковав доказательство, что она не являлась женой Гордона… Нет, мсье Пуаро, на такое я никогда бы не пошла. Пожалуйста, поверьте мне!

— По крайней мере, я признаю, — медленно сказал Пуаро, — что у каждого имеются те грехи, которые ему присущи. Да, я вам верю. — Он внимательно посмотрел на нее. — Вам известно, миссис Клоуд, что майор Портер сегодня застрелился?

Она отшатнулась с расширенными от ужаса глазами:

— О нет, мсье Пуаро!..

— Да, мадам. Понимаете, майор Портер au

fond[26] был честным человеком. Но у него было очень плохо с деньгами, и, когда возникло искушение, он, подобно многим другим, не сумел ему противостоять. Ему могло казаться, что его ложь морально почти оправдана. В душе майор был глубоко предубежден против женщины, на которой женился его друг Андерхей. Он считал, что она обошлась с ним постыдно. А теперь эта бессердечная маленькая хищница вышла замуж за миллионера и завладела состоянием второго мужа в ущерб его родственникам. Должно быть, майор считал, что она заслужила, чтобы ей вставляли палки в колеса. Всего лишь опознав в мертвеце Андерхея, он обеспечил бы свое будущее. Когда Клоуды вступили бы в права наследства, он получил бы свою долю… Да, я могу его понять… Но, как и у многих людей его типа, у него отсутствовало воображение. На дознании ему было не по себе — это видели все. Вскоре ему пришлось бы повторить свою ложь под присягой. И не только это — человека арестовали по обвинению в убийстве, и личность покойного давала сильные основания для этого обвинения. Майор вернулся домой, посмотрел в лицо фактам

[26] Сноски: 26
В сущности *(фр.)*.

и избрал выход, который счел наилучшим.

— Он застрелился?

— Да.

— И не сказал, кто… — пробормотала Франсис.

Пуаро медленно покачал головой:

— У него был свой кодекс чести. Портер не стал разоблачать того, кто толкнул его на лжесвидетельство.

Он внимательно наблюдал за ней. Ему показалось, что в ее взгляде мелькнуло облегчение. Впрочем, это было бы достаточно естественно в любом случае…

Франсис встала и подошла к окну.

— Итак, — промолвила она, — мы снова там же, где были раньше.

Пуаро интересовало, что творится у нее в уме.

Глава 11

На следующее утро суперинтендент Спенс почти в точности повторил слова Франсис.

— Итак, мы вернулись туда, откуда начали, — со вздохом проговорил он. — Мы должны выяснить, кем в действительности был этот Енох Арден.

— Могу вам это сообщить, суперинтендент, — сказал Пуаро. — Его звали Чарльз Трентон.

— Чарльз Трентон? — Спенс присвистнул. — Хм! Один из Трентонов… Полагаю, его подговорила миссис Джереми, но доказать ее участие нам не удастся. Чарльз Трентон… Кажется, я припоминаю…

— Да, — кивнул Пуаро. — У него были неприятности с законом.

— Так я и думал! Мошенничество в отелях, если я правильно помню. Прибывал в «Рид», выходил оттуда и покупал «Роллс-Ройс», условившись, что будет испытывать его утром, потом объезжал в нем все самые дорогие магазины и делал покупки. Могу вас заверить, что чеки человека, которого снаружи ожидает «роллс», чтобы отвезти его в «Риц», ни у кого не вызовут сомнения! Кроме того, у него были прекрасные манеры и по-

родистая внешность. Он проводил в отеле около недели, а когда начинали возникать подозрения, потихоньку исчезал, по дешевке распродавая вещи, которыми успевал обзавестись, приятелям. Чарльз Трентон… Хм! — Спенс посмотрел на Пуаро. — Вам все удается выяснить!

— Как продвигается дело против Дэвида Хантера?

— Нам придется его освободить. В тот вечер у Ардена действительно была женщина. И дело не только в словах этой старой ведьмы. Джимми Прайс как раз возвращался домой, когда его выставили из «Стога сена», — он становится буйным после одного-двух стаканов, — и видел, как в начале одиннадцатого женщина вышла из «Оленя» и направилась к телефонной будке возле почты. По словам Джимми, он не узнал ее и подумал, что это кто-то из постояльцев. Он назвал ее «лондонской шлюшкой».

— Прайс находился не очень близко от нее?

— Нет, по другую сторону улицы. Что же это за женщина, мсье Пуаро?

— Он говорил, как она была одета?

— В твидовый жакет и брюки, с оранжевым шарфом на голове и обилием макияжа. Соответствует описанию старой леди.

— В самом деле. — Пуаро нахмурился.

— Кто она была, откуда появилась и куда подевалась? — продолжил Спенс. — Вы знаете наше железнодорожное расписание. Последний поезд в Лондон отходит в двадцать один двадцать, а в обратную сторону — в двадцать два ноль три. Возможно, эта женщина болталась где-то всю ночь и уехала в шесть восемнадцать утра? А может быть, у нее была машина или она воспользовалась автостопом? Мы повсюду разослали ее описание — но безрезультатно.

— А как насчет поезда в шесть восемнадцать?

— Он всегда переполнен, но в основном мужчинами. Думаю, они обратили бы внимание на женщину — вернее, женщину такого типа. Конечно, она могла уехать на машине, но в наши дни автомобили в Уормсли-Вейл редкость. Мы ведь в стороне от основной дороги.

— И в ту ночь не заметили никаких автомобилей?

— Только машину доктора Клоуда. Он ездил по вызову в сторону Миддлингема. Полагаю, кто-нибудь обратил бы внимание на постороннюю женщину в автомобиле.

— Она необязательно была посторонней, — медленно произнес Пуаро. — Подвыпивший

человек на расстоянии сотни ярдов мог не узнать местную женщину, с которой не был близко знаком. Тем более если она была одета не так, как обычно.

Спенс с сомнением посмотрел на него.

— Узнал бы этот молодой Прайс, к примеру, Линн Марчмонт? — продолжал Пуаро. — Она ведь отсутствовала несколько лет.

— В то время Линн Марчмонт была с матерью в «Белом доме», — возразил Спенс.

— Вы уверены?

— Миссис Лайонел Клоуд — эта чокнутая жена доктора — говорит, что звонила ей в десять минут одиннадцатого. Розалин Клоуд была в Лондоне. Миссис Джереми… ну, я ни разу не видел ее в брюках, и она почти не пользуется косметикой. Да и вообще, она уже далеко не молода.

— О, mon cher! — Пуаро наклонился вперед. — Разве можно определить возраст женщины вечером, при тусклом освещении да еще под слоем макияжа на лице?

— К чему вы клоните, Пуаро? — осведомился Спенс.

Пуаро откинулся на спинку стула и полузакрыл глаза.

— Брюки, твидовый жакет, оранжевый шарф на

голове, обилие косметики и потерянная губная помада. Это наводит на мысли.

— Можно подумать, что вы дельфийский оракул, — проворчал суперинтендент. — Хотя я не знаю, что за оракул был в Дельфах, — это молодой Грейвс постоянно щеголяет своей эрудицией, что не идет на пользу его работе. У вас имеются про запас еще какие-нибудь загадочные пророчества, мсье Пуаро?

— Я ведь говорил вам, — ответил тот, — что в этом деле все имеет неправильную форму. В качестве примера я привел вам убитого. Как Андерхей он выглядел абсолютно неправильно. Андерхей был рыцарем, эксцентричным субъектом, старомодным и консервативным. Человек в «Олене» был шантажистом — его никак не назовешь рыцарем, старомодным, консервативным и даже особенно эксцентричным, — следовательно, он не был Андерхеем. Он не мог быть им, ибо люди не меняются до такой степени. Интересным было то, что Портер опознал в нем Андерхея.

— И это привело вас к миссис Джереми?

— К миссис Джереми меня привело сходство — характерные черты, типично трентоновский профиль. Позволив себе маленькую шутку, могу сказать, что в качестве Чарльза Трентона мерт-

вец выглядел вполне подходяще. Но остаются вопросы, которые еще требуют ответа. Почему Дэвид Хантер так легко дал себя шантажировать? Характерно ли это для него? Ответ — категорически нет. Следовательно, он тоже ведет себя нетипично. Затем Розалин Клоуд. Все ее поведение совершенно непонятно, но я бы хотел знать одно. Чего она боится? Почему она думает, что с ней что-то случится, когда рядом нет брата, который защитил бы ее? Кто-то или что-то внушает ей этот страх. И дело не в том, что она опасается лишиться своего состояния, — нет, тут кроется нечто более серьезное. Она боится за свою жизнь.

— Господи, мсье Пуаро, вы ведь не думаете…

— Вы ведь сами только что сказали, Спенс, что мы вернулись туда, откуда начали. Это относится и к семейству Клоуд. Роберт Андерхей умер в Африке, а жизнь Розалин стоит между ними и возможностью наслаждаться деньгами Гордона Клоуда…

— Вы в самом деле думаете, что кто-то из них способен на такое?

— Я думаю вот что. Розалин Клоуд двадцать шесть лет, и хотя она умственно неуравновешенна, но физически вполне крепка и здорова. Она

может прожить до семидесяти лет или даже еще больше. Скажем, еще сорок четыре года. Вы не считаете, суперинтендент, что такой срок может показаться кое-кому слишком долгим?

Глава 12

Когда Пуаро вышел из полицейского участка, он почти сразу же был энергично атакован тетей Кэти, тащившей несколько хозяйственных сумок.

— Какая ужасная история с бедным майором Портером! — сразу же заговорила она. — Не могу избавиться от мысли, что его взгляд на жизнь был чересчур материалистическим. Ничего не поделаешь, сказывались годы военной службы. Хотя он много времени провел в Индии, но, боюсь, не воспользовался возможностями духовного общения, которые предоставляет эта страна. Наверняка он не выходил за рамки узкого армейского круга, а ведь мог бы сидеть у ног какого-нибудь гуру! Как печально, мсье Пуаро, думать об упущенных возможностях!

Тетя Кэти покачала головой и упустила одну из сумок. Откуда выскользнул довольно удручающий на вид кусок трески и свалился в канаву. Пуаро поднял его, но тем временем из другой сумки выпала банка светлой патоки и весело покатилась по Хай-стрит.

— Спасибо, мсье Пуаро! — Запыхавшаяся тетя

Кэти схватила треску, покуда Пуаро мчался за патокой. — Благодарю вас… я такая неловкая, но меня так огорчила смерть этого бедняги… Да, она липкая, но я не хочу пачкать ваш носовой платок. Очень любезно с вашей стороны… Я всегда говорила, что мы мертвы при жизни и живы после смерти… Меня бы ничуть не удивило, если бы я увидела астральное тело одного из моих покойных друзей. Знаете, мимо них иногда проходишь на улице. Как-то вечером, совсем недавно, я…

— Вы позволите? — Пуаро вернул треску в сумку. — Так о чем вы говорили?

— Об астральных телах, — отозвалась тетя Кэти. — Я попросила двухпенсовую монету — у меня были только полупенни. Лицо показалось мне знакомым, но я никак не могла вспомнить… И теперь не могу, но, по-моему, это был кто-то, отошедший в потусторонний мир — возможно, уже давно, — поэтому воспоминание было очень смутным… Просто удивительно, как людей направляют к тому, кто им нужен, — даже если дело только в монетках для телефона. О боже, у Пикоков такая очередь — должно быть, получили рулет с вареньем! Надеюсь, я не опоздала!

Перебежав через дорогу, миссис Лайонел Клоуд пристроилась в хвост очереди у кондитерской,

состоящей из женщин с угрюмыми лицами.

Пуаро зашагал по Хай-стрит. Он не стал заходить в «Олень», а направился к «Белому дому». Ему очень хотелось побеседовать с Линн Марчмонт, и он подозревал, что это желание взаимно.

Было прекрасное утро — почти летнее, но с подлинно весенней свежестью.

Пуаро свернул с основной дороги. Он видел тропинку, тянущуюся мимо «Плакучих ив» вверх по склону холма к «Фарроубэнку». Чарльз Трентон шел по ней со станции в пятницу, незадолго до смерти. Спускаясь с холма, он встретил идущую наверх Розалин Клоуд. Трентон не узнал ее, что неудивительно, так как он не был Робертом Андерхеем, и она, естественно, не узнала его по той же причине. Но когда ей показали тело, она поклялась, что ни разу не видела этого человека. Розалин сказала так ради собственной безопасности или же она в тот день была настолько погружена в свои мысли, что даже не взглянула на лицо мужчины, который шел ей навстречу? Если так, то о чем она думала? Случайно не о Роули Клоуде?

Пуаро двинулся по боковой дорожке, ведущей к «Белому дому». Сад выглядел очень приятно. Цвели сирень и золотой дождь, а в центре лужайки

возвышалась старая сучковатая яблоня. Под ней растянулась в шезлонге Линн Марчмонт.

Она нервно вскочила, когда Пуаро церемонно пожелал ей доброго утра.

— Вы напугали меня, мсье Пуаро. Я не слышала ваших шагов по траве. Значит, вы все еще в Уормсли-Вейл?

— Как видите.

— Почему?

Пуаро пожал плечами:

— Это приятное уединенное место, где можно расслабиться. Вот я и расслабляюсь.

— Я рада, что вы здесь, — сказала Линн.

— Вы не спрашиваете меня, как ваши родственники: «Когда вы возвращаетесь в Лондон, мсье Пуаро?» — с тревогой дожидаясь ответа?

— Они хотят, чтобы вы вернулись в Лондон?

— По-видимому, да.

— Ну а я не хочу.

— Да, вижу. Почему, мадемуазель?

— Потому что это означает, что вы не удовлетворены. Я имею в виду, не удовлетворены версией, будто это сделал Дэвид Хантер.

— А вам так хочется, чтобы он оказался невиновным?

Пуаро увидел, как она слегка покраснела под

загаром.

— Естественно, я не хочу, чтобы человека повесили за то, чего он не совершал.

— Да, вполне естественно.

— А полиция просто предубеждена против него, потому что он их разозлил. Самое худшее в Дэвиде — это то, что ему нравится восстанавливать людей против себя.

— Полиция не так предубеждена, как вы думаете, мисс Марчмонт. Предубеждены были присяжные. Они не подчинились указаниям коронера и вынесли вердикт, вынуждающий полицию арестовать Дэвида Хантера. Но могу вас заверить: они далеко не удовлетворены обвинением против него.

— Значит, его могут освободить? — обрадовалась Линн.

Пуаро снова пожал плечами.

— А кого же они подозревают, мсье Пуаро?

— Тем вечером в «Олене» была женщина, — медленно произнес он.

— Ничего не понимаю! — воскликнула Линн. — Когда мы думали, что этот человек — Роберт Андерхей, все выглядело так просто. Почему майор Портер сказал, что это Андерхей, если это не так? Почему он застрелился? Мы вернулись туда,

откуда начали.

— Вы третья, кто использует эту фразу!

— Вот как? — Она казалась удивленной. — А чем вы занимаетесь теперь, мсье Пуаро?

— Разговариваю с людьми — вот и все.

— Но вы не спрашиваете их об убийстве?

Пуаро покачал головой:

— Нет, я просто… как бы это сказать получше… собираю сплетни.

— Это помогает?

— Иногда. Вас бы удивило, как много я знаю о повседневной жизни в Уормсли-Вейл за последние несколько недель. Я знаю, кто куда ходил, кто с кем встречался, а иногда и кто что говорил. Например, я знаю, что Арден шел по тропинке в деревню мимо «Фарроубэнка» и спросил дорогу у мистера Роули Клоуда, что у него был рюкзак на спине и не было багажа. Я знаю, что Розалин Клоуд провела больше часа на ферме с Роули Клоудом и была там счастлива, что для нее весьма необычно.

— Да, — кивнула Линн, — Роули мне рассказывал. Он говорил, что она вела себя как горничная, которой предоставили несколько свободных часов.

— Так он сказал это? — Пуаро сделал паузу. —

Да, я знаю многое о происходящем здесь. И многое слышал о людских затруднениях — например, ваших и вашей матери.

— Это не секрет, — усмехнулась Линн. — Мы все пытались выклянчить деньги у Розалин. Вы это имеете в виду, не так ли?

— Я этого не говорил.

— Но это правда! И, полагаю, вы слышали разговоры обо мне, Роули и Дэвиде.

— Но ведь вы собираетесь замуж за Роули Клоуда?

— Разве? Хотела бы я это знать… Как раз это я и пыталась решить в тот день, когда Дэвид выбежал из леса. У меня в голове словно застрял огромный вопросительный знак. Выходить мне за Роули или нет? Даже поезд в долине, казалось, спрашивал о том же. Дым превосходно изобразил в небе знак вопроса.

На лице Пуаро появилось странное выражение. Линн неправильно его поняла.

— Неужели вы не видите, мсье Пуаро, как все сложно? — воскликнула она. — Дело вовсе не в Дэвиде, а во мне! Я изменилась! Меня не было здесь три… четыре года. И я вернулась совсем не такой, какой была, когда уезжала отсюда. Такие трагедии происходят повсюду. Люди возвраща-

ются домой изменившимися, им приходится приспосабливаться. Невозможно несколько лет вести другую жизнь и не меняться!

— Вы не правы, — возразил Пуаро. — Трагедия всей жизни как раз в том, что люди не меняются.

Линн уставилась на него, качая головой.

— Так оно и есть, — настаивал он. — Почему вы вообще уехали?

— Почему? Я поступила в армию — в Женскую вспомогательную службу флота.

— Да, но почему вы туда поступили? Вы любили Роули Клоуда и были с ним помолвлены. Вы ведь могли работать на ферме здесь, в Уормсли-Вейл.

— Могла, но мне хотелось…

— Вам хотелось уехать за границу, повидать мир. Возможно, уехать от Роули Клоуда… И теперь вам все еще не сидится на месте! Нет, мадемуазель, люди не меняются!

— Когда я была на Востоке, то тосковала по дому! — запротестовала Линн.

— Да, там хорошо, где нас нет. У вас, возможно, всегда будет такое чувство. Вы воображали себе картину возвращения Линн Марчмонт домой. Но картина оказалась ложной, так как воображаемая вами Линн Марчмонт была не настоящей, а такой, какой бы вам хотелось быть.

— По-вашему, я нигде не буду знать покоя? — с горечью спросила она.

— Я этого не утверждаю. Но, уезжая, вы были не удовлетворены вашей помолвкой и теперь, когда вернулись, все еще ею не удовлетворены.

Линн сорвала длинную травинку и стала задумчиво ее жевать.

— Вы все знаете, не так ли, мсье Пуаро?

— Это мое metier[27], — скромно отозвался он. — Но думаю, есть и другая истина, которую вы еще не осознали.

— Вы имеете в виду Дэвида? — резко спросила Линн. — По-вашему, я влюблена в него?

— Это решать вам, — сдержанно ответил Пуаро.

— Но я сама этого не знаю! Что-то в Дэвиде меня пугает, а что-то притягивает… — Помолчав, она добавила: — Вчера я разговаривала с его бригадиром. Он приехал сюда, услышав об аресте Дэвида, чтобы узнать, нельзя ли ему чем-нибудь помочь. Бригадир сказал мне, что Дэвид был одним из самых храбрых людей, когда-либо служивших под его командованием. Но, несмотря на все похвалы, я чувствовала, что он не вполне уверен в

---

[27] Сноски: 27
Ремесло *(фр.).*

его невиновности.

— И вы также в этом не уверены?

Линн криво улыбнулась:

— Я никогда не доверяла Дэвиду. Можно любить человека, которому не доверяешь?

— К сожалению, да.

— Конечно, я была к нему несправедлива. Я верила грязным сплетням, будто он никакой не Дэвид Хантер, а просто дружок Розалин. Мне стало стыдно, когда бригадир сказал, что знал Дэвида еще мальчиком в Ирландии.

— C'est epatant[28], — пробормотал Пуаро, — как часто люди хватают палку не с того конца!

— Что вы имеете в виду?

— Только то, что сказал. Не могли бы вы вспомнить, звонила ли вам миссис Клоуд — жена доктора — в тот вечер, когда произошло убийство?

— Тетя Кэти? Да, звонила.

— По какому поводу?

— Запуталась в каких-то цифрах.

— Она говорила из дома?

— Нет, ее телефон испортился, и ей пришлось выйти к автомату.

---

[28] Сноски: 28
Просто поразительно *(фр.)*.

— В десять минут одиннадцатого?

— Около того. Наши часы никогда не показывают точное время.

— Около того, — задумчиво повторил Пуаро. — Это был не единственный звонок вам в тот вечер? — деликатно осведомился он.

— Нет, — кратко ответила Линн.

— Дэвид Хантер звонил вам из Лондона?

— Да. — Она внезапно вспылила: — Полагаю, вы хотите знать, что он сказал?

— О, я бы не осмелился…

— Можете знать! Дэвид сказал, что уходит из моей жизни, что он для меня слишком плох и никогда не сможет исправиться — даже ради меня.

— И так как это, по-видимому, правда, она не пришлась вам по вкусу, — заметил Пуаро.

— Я надеюсь, что он уедет, — конечно, если его полностью оправдают… Надеюсь, что они оба уедут в Америку или куда-нибудь еще. Тогда, возможно, мы перестанем о них думать и научимся рассчитывать только на себя. Мы перестанем исходить злобой…

— Злобой?

— Да. Впервые я это почувствовала однажды вечером у тети Кэти — она устроила нечто вроде приема. Возможно, это было потому, что я только

вернулась из-за границы и все воспринимала обостренно, но я просто в воздухе чувствовала злобу нашего семейства к Розалин. Мы все желали ей смерти! Это ужасно — желать смерти человеку, который не причинил тебе никакого вреда!

— Разумеется, ее смерть — единственное, что может принести вам практическую пользу, — деловым тоном заметил Пуаро.

— Вы имеете в виду — финансовую? Само пребывание здесь Розалин действовало на нас разлагающе! Завидовать человеку, ненавидеть его и у него же попрошайничать — такое никому не на пользу. А теперь Розалин совсем одна в «Фарроубэнке» — ходит как привидение, смертельно напугана и выглядит так, словно вот-вот сойдет с ума. И она не позволяет никому из нас помочь ей! Мы все пытались… Мама предлагала ей погостить у нас, тетя Франсис приглашала ее к себе. Даже тетя Кэти предложила пожить с ней в «Фарроубэнке». Но Розалин не хочет иметь с нами никакого дела, и я ее не порицаю. Она даже не захотела повидаться с бригадиром Конроем. По-моему, она больна — больна от беспокойства, страха и горя. А мы ничего не можем сделать, потому что она нам не позволяет.

— А вы сами предпринимали какие-нибудь попытки?

— Да. Я ходила к ней вчера и спросила, не могу ли я как-нибудь ей помочь. Розалин посмотрела на меня… — Линн неожиданно вздрогнула. — По-моему, она меня ненавидит. Она сказала: «Вы — в последнюю очередь!» Думаю, Дэвид велел ей оставаться в «Фарроубэнке», а Розалин всегда его слушается. Роули приносил ей яйца и масло из «Плакучих ив». Кажется, он единственный из нас, кто ей нравится. Она поблагодарила его и сказала, что он всегда был к ней добр. Конечно, Роули очень добрый…

— Некоторые люди, которые несут на своих плечах слишком тяжелое бремя, — промолвил Пуаро, — вызывают огромную жалость и сочувствие. Я испытываю колоссальную жалость к Розалин Клоуд и с радостью оказал бы ей помощь, если бы мог. Даже теперь, если бы только она меня выслушала… — Он поднялся с внезапной решимостью. — Давайте пойдем в «Фарроубэнк», мадемуазель.

— Вы хотите, чтобы я пошла с вами?

— Если вы готовы проявить великодушие и понимание.

— Конечно! — воскликнула Линн.

Глава 13

Им понадобилось всего около пяти минут, чтобы добраться до «Фарроубэнка». Подъездная аллея вилась между аккуратно посаженными кустами рододендронов. Гордон Клоуд не жалел ни трудов, ни расходов, чтобы сделать «Фарроубэнк» как можно более презентабельным.

Горничная, открывшая парадную дверь, казалось, удивилась при виде посетителей и засомневалась, смогут ли они повидать миссис Клоуд. Она объяснила, что мадам еще не встала, но провела их в гостиную, а сама поднялась наверх.

Пуаро огляделся вокруг. Он сравнивал эту комнату с гостиной Франсис Клоуд, которая отражала характер ее хозяйки. Гостиная в «Фарроубэнке» была абсолютно безликой — она свидетельствовала только о богатстве, уравновешенном хорошим вкусом. О последнем позаботился Гордон Клоуд — все здесь отличалось высоким качеством и даже художественными достоинствами, но нигде не ощущалось никакой печати индивидуальности владельцев дома.

Розалин жила в «Фарроубэнке», как иностранец мог бы жить в «Рице» или «Савое».

«Интересно, — думал Пуаро, — что, если бы…»

Линн прервала его размышления, спросив, о чем он думает и почему выглядит таким мрачным.

— Говорят, мадемуазель, что грех карается смертью. Но иногда карой может быть и роскошь. Неужели легче быть оторванным от привычной жизни, лишь изредка ловя ее проблески, когда путь назад уже закрыт…

Он не договорил. Горничная, отбросив всякую чопорность и став всего лишь испуганной женщиной средних лет, ворвалась в комнату, задыхаясь от волнения.

— О, сэр, мисс Марчмонт… — с трудом вымолвила она. — Хозяйка наверху… Ей очень плохо… Она не отвечает, я не могу ее разбудить, и руки у нее такие холодные…

Пуаро резко повернулся и выбежал из гостиной. Линн и горничная последовали за ним. Они поднялись на второй этаж, и горничная указала на открытую дверь перед лестницей.

За дверью находилась большая красивая спальня — солнечные лучи, проникая через открытые окна, падали на светлые дорогие ковры.

В массивной резной кровати лежала Розалин. Она казалась спящей. На щеках темнели длин-

ные ресницы, голова покоилась на подушке. Рука сжимала носовой платок — как у ребенка, который плакал перед сном.

Пуаро взял ее за руку, пытаясь нащупать пульс. Холодная как лед рука поведала ему то, о чем он уже догадался.

— Она мертва уже некоторое время, — тихо объяснил он Линн. — Умерла во сне.

— О сэр, что же нам делать? — Горничная разразилась рыданиями.

— Кто был ее врачом?

— Дядя Лайонел, — ответила Линн.

— Позвоните доктору Клоуду, — велел Пуаро горничной.

Та вышла из спальни, продолжая всхлипывать. Детектив начал бродить взад-вперед по комнате. Возле кровати лежала картонная коробочка с надписью: «Принимать по одному порошку перед сном». Пользуясь носовым платком, он открыл ее. Там оставалось три порошка. Пуаро подошел к камину, затем к письменному столу. Стул перед ним был отодвинут, папка с промокательной бумагой открыта. На столе лежал лист бумаги, на котором было нацарапано нетвердым детским почерком:

«Я не знаю, что делать… Больше я так не могу… Я была грешницей. Я должна все рассказать кому-нибудь и обрести покой… Я не хотела так грешить. Просто не знала, что из этого выйдет. Я должна написать…»

Текст обрывался посреди фразы. Рядом лежала ручка. Пуаро стоял, глядя на бумагу. Линн застыла у кровати, не сводя глаз с мертвой девушки.

Внезапно дверь резко отворилась, и в комнату шагнул Дэвид Хантер.

— Дэвид! — Линн рванулась к нему. — Тебя отпустили? Я так рада…

Он почти грубо отодвинул ее в сторону и склонился над неподвижной белой фигурой.

— Роза! Розалин!.. — Дэвид коснулся ее руки, потом повернулся к Линн с потемневшим от гнева лицом. — Это вы ее убили? Избавились наконец? Сначала отделались от меня, отправив в тюрьму по сфабрикованному обвинению, а затем убрали с пути и ее! Вы все или только кто-то один из вас? А впрочем, мне все равно! Вам нужны были эти проклятые деньги — теперь вы их получили! Благодаря смерти Розалин вы, шайка грязных воров и убийц, станете богатыми. Вы не осмели-

лись бы ее тронуть, если бы я был рядом. Я знал, как защитить мою сестру. Но она сама никогда не умела себя защищать. Вы воспользовались тем, что она осталась одна… — Он пошатнулся и добавил тихим дрожащим голосом: — Убийцы!

— Нет, Дэвид! — вскрикнула Линн. — Ты не прав! Никто из нас не убивал ее! Мы не могли сделать такое!

— Один из вас убил ее, Линн Марчмонт. И ты знаешь это не хуже меня!

— Клянусь тебе, Дэвид, мы этого не делали!

Его свирепый взгляд немного смягчился.

— Может быть, ты, Линн, в этом не участвовала…

— Ни я, ни остальные! Клянусь тебе!..

Эркюль Пуаро шагнул вперед и кашлянул. Дэвид повернулся к нему.

— Думаю, — сказал Пуаро, — ваше предположение слишком драматично. Зачем сразу приходить к выводу, что вашу сестру убили?

— А по-вашему, ее не убили? Вы называете это… — он указал на фигуру в постели, — естественной смертью? Розалин страдала нервным расстройством, но у нее не было никаких органических заболеваний. И сердце у нее было абсолютно здоровое.

— Прошлой ночью, — заметил Пуаро, — прежде чем лечь спать, она написала вот это…

Дэвид шагнул к столу и склонился над листом бумаги.

— Не трогайте, — предупредил его Пуаро.

Дэвид отдернул руку и молча прочитал текст, потом обернулся, вопросительно глядя на Пуаро.

— Вы предполагаете самоубийство? Но почему Розалин должна была покончить с собой?

Ему ответил не Пуаро. Спокойный оустширский голос принадлежал появившемуся в дверях суперинтенденту Спенсу.

— Предположим, что вечером в прошлый вторник миссис Клоуд была не в Лондоне, а в Уормсли-Вейл. Предположим, что она пришла к человеку, который ее шантажировал. Предположим, что в приступе отчаяния она убила его…

Дэвид повернулся к нему. Его взгляд был гневным и суровым.

— Во вторник вечером моя сестра находилась в Лондоне. Она была в своей квартире, когда я пришел туда в одиннадцать часов.

— Да, — кивнул Спенс, — вы так утверждаете, мистер Хантер, и будете на этом настаивать. Но я не обязан вам верить. Да и в любом случае уже несколько поздно. — Он указал на кровать: — Это

дело никогда не дойдет до суда.

Глава 14

— Он ни за что не признается, — сказал Спенс, — но, думаю, ему известно, что она это сделала. — Сидя в своем кабинете в полицейском участке, он смотрел через стол на Пуаро. — Забавно, что мы тщательно проверяли его алиби, почти не думая о Розалин Клоуд. А ведь нет никаких подтверждений тому, что в тот вечер она была в своей лондонской квартире. Полагаемся лишь на слова Хантера. Мы все время знали, что только у двух человек был мотив для убийства Ардена — у Дэвида Хантера и Розалин Клоуд. Я гонялся за ним, а ее совсем упустил из виду. Она выглядела такой кроткой, даже немного придурковатой… Но, думаю, это многое объясняет. Очевидно, по этой причине Дэвид Хантер и отправил ее в Лондон. Он видел, что Розалин в панике, и знал, что в таком состоянии она может быть опасна. Интересно, что я часто видел ее в оранжевом платье — это был ее любимый цвет. Оранжевое полосатое платье, оранжевый шарф, оранжевый берет… Но даже когда старая миссис Ледбеттер описала молодую женщину с оранжевым шарфом на голове, я не подумал, что это может быть

миссис Гордон. Мне кажется, что девушка была немного не в себе — не вполне отвечала за свои действия. Судя по вашему рассказу о встрече с ней в католической церкви, она совсем потеряла голову от раскаяния и чувства вины.

— Розалин Клоуд действительно сознавала свою вину, — подтвердил Пуаро.

— Должно быть, она напала на Ардена в приступе ярости, — задумчиво продолжал Спенс. — Наверно, застигла его врасплох — едва ли Арден опасался такой хрупкой женщины. — И, помолчав, заметил: — Одно мне непонятно. Кто вовлек в это дело Портера? Вы говорите, что не миссис Джереми? Но я готов держать пари, что это она!

— Нет, — возразил Пуаро. — Это была не миссис Джереми. Она поклялась мне, и я ей верю. Конечно, я был глуп. Мне давно следовало догадаться, кто это был. Майор Портер сам мне сообщил.

— Сам сообщил?

— Конечно, косвенно…

— Ну и кто же это был?

Пуаро наклонил голову набок:

— Вы позволите сначала задать вам два вопроса?

— Спрашивайте что хотите.

— Что собой представляли снотворные порош-

ки, найденные у кровати Розалин?

Суперинтендент выглядел удивленным.

— Они абсолютно безвредны. Бромид успокаивает нервы. Она принимала их ежедневно — по одному перед сном. Разумеется, мы отдали порошки на анализ. С ними все в порядке.

— Кто их прописал?

— Доктор Клоуд.

— Когда?

— Некоторое время тому назад.

— Какой яд убил ее?

— Ну, мы еще не получили заключение экспертизы, но вряд ли тут могут быть сомнения. Морфий, и в солидной дозе.

— А в доме нашли морфий?

Спенс с любопытством посмотрел на него:

— Нет. Куда вы клоните, мсье Пуаро?

— Перейдем ко второму вопросу, — уклончиво отозвался тот. — Дэвид Хантер звонил Линн Марчмонт из Лондона во вторник вечером в пять минут двенадцатого. Вы говорили, что проверили все телефонные разговоры в квартире в «Шепердс-Корт». Звонили только оттуда или и туда?

— В четверть одиннадцатого был звонок из Уормсли-Вейл. По телефону-автомату.

— Понятно. — Несколько секунд Пуаро молчал.

— Новая идея, мсье Пуаро?

— На звонок ответили? Я имею в виду, телефонист получил ответ из лондонской квартиры?

— Теперь я понимаю, о чем вы, — медленно произнес Спенс. — В квартире должен был кто-то находиться. Это не мог быть Дэвид Хантер — в то время он возвращался в Лондон поездом. Значит, это была Розалин Клоуд. А если так, Розалин не могла находиться в «Олене» несколькими минутами раньше. Вы ведете к тому, мсье Пуаро, что женщина в оранжевом шарфе не была Розалин Клоуд. В таком случае она не убивала Ардена. Но тогда почему она покончила с собой?

— Ответ на этот вопрос очень прост, — сказал Пуаро. — Она не покончила с собой. Розалин Клоуд была убита!

— Что?!

— Убита преднамеренно и хладнокровно.

— Тогда кто убил Ардена? Мы ведь исключили Дэвида…

— Это был не Дэвид.

— А теперь вы исключаете Розалин. Но, черт возьми, эти двое — единственные, у кого имелось хотя бы подобие мотива!

— Да, — кивнул детектив. — Мотив. Это и сбило нас со следа. Если у А есть мотив для убийства В,

а у Б — мотив для убийства Г, кажется бессмысленным предполагать, что А убил Г, а Б убил В.

— Полегче, мсье Пуаро, — простонал Спенс. — С вашими А, Б и В я вообще перестаю что-либо понимать.

— Дело выглядит запутанным, потому что перед нами два различных типа преступления, — пояснил бельгиец, — и, следовательно, должны наличествовать два различных убийцы. Входит Первый убийца, и входит Второй убийца.

— Не цитируйте Шекспира![29] — взмолился Спенс. — Это вам не драма елизаветинских времен.

— Но ситуация в самом деле шекспировская — в ней присутствуют все человеческие эмоции, которыми так упивался Шекспир: зависть, ненависть, быстрые, отчаянные действия. Есть и надежда на удачу. «В делах людей прилив есть и отлив. С приливом достигаем мы успеха…» Кто-то на это рассчитывал, суперинтендент. Поймать шанс и использовать его в своих интересах. Именно это блестяще осуществили под самым вашим носом!

Суперинтендент раздраженно почесал нос.

— Если можете, Пуаро, объясните внятно, что

---

[29] Сноски: 29

Имеется в виду появление убийц в третьем акте трагедии У. Шекспира «Макбет».

вы имеете в виду.

— Постараюсь быть прозрачным, как кристалл. Перед нами три смерти. Вы с этим согласны, не так ли? Умерли три человека.

— Не стану спорить, — усмехнулся Спенс. — Вы ведь не собираетесь заставить меня поверить, что один из них еще жив?

— Нет-нет, — успокоил его Пуаро. — Все они мертвы. Но как они умерли? Как бы вы, так сказать, классифицировали их смерть?

— Что до этого, мсье Пуаро, то вам известна моя точка зрения. Одно убийство и два самоубийства. Но вы считаете, что последнее самоубийство в действительности является еще одним убийством.

— Я считаю, — отозвался детектив, — что мы имеем дело с одним самоубийством, одним несчастным случаем и одним убийством.

— С несчастным случаем? Вы полагаете, что миссис Клоуд приняла яд случайно? Или что майор Портер случайно застрелился?

— Нет, — ответил Пуаро. — Случайной была смерть Чарльза Трентона — он же Енох Арден.

— Что за вздор! — взорвался суперинтендент. — Если человеку размозжили череп несколькими ударами — это несчастный случай?

Ничуть не тронутый горячностью Спенса, Пуаро спокойно ответил:

— Когда я говорю «несчастный случай», я имею в виду отсутствие намерения совершить убийство.

— Отсутствие намерения, когда голову человека превратили в месиво? Вы имеете в виду, что на него напал сумасшедший?

— Думаю, это недалеко от истины, хотя не в том смысле, в каком вы полагаете.

— Во всей этой истории единственная чокнутая — миссис Гордон. Иногда она выглядела более чем странно — я сам тому свидетель. Конечно, у миссис Лайонел Клоуд тоже мозги набекрень, но на насильственные действия она не способна. У миссис Джереми с головой все в порядке. Кстати, вы утверждаете, что это не миссис Джереми подкупила Портера?

— Да. Я знаю, кто это был. Как я уже сказал, Портер сам случайно проговорился. Одно маленькое замечание — я готов волосы на себе рвать из-за того, что сразу не обратил на него внимания!

— А потом ваш безымянный псих А, Б, В убил Розалин Клоуд? — Голос Спенса звучал все более скептически.

Пуаро энергично покачал головой:

— Ни в коем случае. В этом месте Первый убийца уходит со сцены, уступая место Второму. Это совсем иной тип преступления — в нем нет ни горячности, ни страсти. Холодное, расчетливое убийство — и я намерен позаботиться о том, чтобы преступника за это повесили.

Он встал и направился к двери.

— Эй! — окликнул его Спенс. — Так не пойдет! Вы должны назвать мне имена.

— Скоро я вам их назову. Но прежде я должен дождаться кое-чего, а именно — письма из-за моря.

— Не говорите как гадалка…

Но детектив уже успел ускользнуть.

Перейдя площадь, он позвонил в дверь дома доктора Клоуда. Миссис Клоуд открыла ему и, как всегда при виде Пуаро, ахнула. Он не стал терять времени даром:

— Мадам, я должен с вами поговорить.

— Ну конечно… Входите… Боюсь, я не успела убрать, но…

— Я хочу спросить вас кое о чем. Как давно ваш муж пристрастился к морфию?

Тетя Кэти сразу же разразилась слезами:

— О боже… Я так надеялась, что никто не узнает… Это началось во время войны. Лайонел так

переутомлялся, а потом эта ужасная невралгия… Он старается уменьшить дозу, но из-за этого бывает страшно раздражительным…

— Это одна из причин, по которым он так нуждается в деньгах?

— Да, очевидно… Мсье Пуаро, он обещал пройти курс лечения…

— Успокойтесь, мадам, и ответьте еще на один вопрос. В тот вечер, когда вы звонили Линн Марчмонт, вы ходили к телефонной будке возле почты, не так ли? Вы никого не встретили на площади?

— Нет, мсье Пуаро, ни души.

— Но, насколько я понял, вам пришлось попросить двухпенсовую монету, так как у вас были только полупенни?

— Да, я попросила у женщины, которая вышла из будки. Она дала мне два пенса за мои полупенни.

— Как эта женщина выглядела?

— Ну, как актриса, если вы понимаете, о чем я. Оранжевый шарф на голове. Забавно, но я почти уверена, что где-то видела ее раньше. Ее лицо показалось мне очень знакомым. Наверно, это была одна из отошедших в потусторонний мир. Но где и когда мы встречались, я не могу вспомнить.

— Благодарю вас, миссис Клоуд, — сказал Эр-

кюль Пуаро.

Глава 15

Линн вышла из дому и посмотрела на небо.

Солнце клонилось к закату, но небо не было красным, а сияло как-то неестественно. Вечер был тихим и душным. «Очевидно, скоро будет гроза, — подумала Линн».

Время пришло. Больше нельзя откладывать. Она должна пойти в «Плакучие ивы» и сама рассказать Роули. Письмом тут не обойтись, хотя это было бы куда легче.

Линн убеждала себя, что приняла решение, но при этом что-то ее удерживало. Она огляделась вокруг и подумала: «Ведь это прощание с привычным миром — со всем, что было прежде...»

Линн не питала иллюзий. Жизнь с Дэвидом подобна игре — авантюре, которая может завершиться удачей или крахом. Он сам предупредил ее по телефону в тот вечер, когда произошло убийство...

А несколько часов назад он сказал ей: «Я собирался уйти из твоей жизни. Конечно, я был дураком — только подумать, что я мог тебя покинуть... Мы поедем в Лондон и поженимся по специальной лицензии — я не намерен дать тебе

шанс передумать. Ты пустила здесь корни — они тебя удерживают, но мне придется вырвать тебя с корнями… — Помолчав, Дэвид добавил: — Роули мы сообщим об этом, когда ты уже станешь миссис Дэвид Хантер. Так будет лучше для бедняги».

С этим Линн не была согласна, хотя она не сказала этого Дэвиду. Нет, она должна сама обо всем рассказать Роули.

Гроза только начиналась, когда Линн постучала в дверь «Плакучих ив». Роули открыл ей и удивленно спросил:

— Почему ты не позвонила и не сказала, что придешь? Я мог бы тебя встретить.

— Я хочу поговорить с тобой, Роули.

Он шагнул в сторону, пропуская ее, и последовал за ней на большую кухню. На столе стояли остатки ужина.

— Собираюсь поставить новую плиту, чтобы тебе было легче готовить, — сообщил Роули. — И новую раковину — стальную…

— Не строй планы, — перебила его Линн.

— Ты имеешь в виду то, что бедняжку еще не похоронили? Конечно, это выглядит бессердечно. Но Розалин никогда не казалась мне особенно счастливой. Очевидно, она так и не оправилась после воздушного налета. Как бы то ни было,

Розалин умерла, да и какое мне до нее дело — вернее, нам с тобой?

Линн собралась с силами:

— Нет, Роули. Больше нет никакого «нам с тобой». Это я и пришла тебе сказать.

Он уставился на нее. Ненавидя себя, Линн решительно проговорила:

— Я выхожу замуж за Дэвида Хантера.

Она сама не знала, чего ожидала — протестов или вспышки гнева, — но, безусловно, не такой реакции.

С минуту Роули молча смотрел на нее, потом подошел к печке, поковырял в ней кочергой и наконец повернулся с рассеянным видом:

— Давай все проясним. Ты выходишь замуж за Дэвида Хантера. Почему?

— Потому что я его люблю.

— Ты любишь меня.

— Нет. Я любила тебя, когда уезжала отсюда. Но это было четыре года назад, и я… я изменилась. Мы оба изменились.

— Ты не права, — спокойно возразил он. — Я не изменился.

— Ну, возможно, изменился не так сильно…

— Я не изменился вовсе. У меня было для этого не так уж много возможностей. Я ведь просто

вкалывал здесь целыми днями, а не прыгал с парашютом, не взбирался в темноте на утесы, не хватал людей за горло и не закалывал их под покровом ночи…

— Роули…

— Я не был на войне и никогда не сражался. Я не знаю, что такое война! Вместо этого я жил на ферме припеваючи, в полной безопасности. Счастливчик Роули! Но ты бы стыдилась такого мужа!

— Нет, Роули! Дело совсем не в этом…

— Именно в этом!

Он подошел ближе. Кровь прилила к его шее, на лбу обозначились вены. А этот взгляд — Линн однажды видела такой у быка, мимо которого проходила в поле. Бык топал ногой и тряс головой, постепенно наливаясь слепой яростью…

— Помолчи, Линн. Послушай разок меня для разнообразия. Я упустил то, что должен был иметь. Упустил возможность сражаться за мою страну. Вместо меня на фронт пошел мой лучший друг и погиб. Я видел мою девушку, одетую в военную форму и отправляющуюся далеко за море. Я был просто мужчиной, которого она оставила дома. Моя жизнь превратилась в ад — неужели ты этого не понимаешь, Линн? А потом ты верну-

лась — и все стало еще хуже. С того вечера *у* тети Кэти, когда я увидел, как ты смотришь на Дэвида Хантера. Но он тебя не получит, слышишь? Если ты не будешь моей, то не достанешься никому! Кто я, по-твоему?

— Роули…

Линн поднялась и стала медленно отступать к двери. Она была испугана. Перед ней стоял не человек, а дикий зверь.

— Я убил двоих, — продолжал Роули Клоуд. — Думаешь, я не смогу убить третьего?

— Роули…

Его руки сомкнулись на ее горле.

— Я больше не выдержу, Линн…

Комната завертелась вокруг нее, дышать становилось труднее, все погружалось во мрак…

Внезапно послышался кашель — чопорный и слегка искусственный.

Руки Роули безвольно опустились. Линн рухнула на пол бесформенной грудой.

В дверях, виновато покашливая, стоял Эркюль Пуаро.

— Надеюсь, я не помешал? — осведомился он. — Я стучал, но никто не ответил. Полагаю, вы были заняты?

Атмосфера была наэлектризованной до пре-

дела. Роули уставился на Пуаро. Казалось, он сейчас бросится на него, но вместо этого отвернулся и произнес бесцветным, невыразительным голосом:

— Вы появились как раз вовремя.

Глава 16

Эркюль Пуаро разрядил предгрозовую атмосферу, деловито спросив:

— Чайник кипит?

— Да, — тупо отозвался Роули.

— Тогда вы, может быть, приготовите кофе? Или чай, если это легче?

Роули повиновался, словно автомат.

Вынув из кармана чистый носовой платок, Пуаро обмакнул его в холодной воде, выжал и подошел к Линн.

— Обмотайте его вокруг шеи, мадемуазель, — вот так. У меня есть английская булавка. Холод сразу же облегчит боль.

Линн хриплым голосом поблагодарила его. Кухня «Плакучих ив», суетящийся Пуаро — все это походило на ночной кошмар. У нее кружилась голова и нестерпимо болело горло. Она пошатнулась. Пуаро осторожно подвел ее к стулу и усадил на него.

— Как там кофе? — спросил он через плечо.

— Готов, — ответил Роули.

Он принес кофе, Пуаро налил его в чашку и подал Линн.

— Послушайте, — заговорил Роули. — По-моему, вы не понимаете. Я пытался задушить Линн.

— Ай-ай-ай! — огорченно произнес Пуаро. Казалось, он упрекает Роули за проявление дурного вкуса.

— На моей совести две смерти, — продолжил Роули, — и была бы третья, если бы не появились вы.

— Давайте выпьем кофе, — предложил детектив, — и не будем говорить о смерти. Это не нравится мадемуазель Линн.

— Господи! — Роули недоуменно уставился на Пуаро.

Линн с трудом потягивала кофе. Он был крепким и горячим. Но вскоре она почувствовала, что горло болит меньше.

— Стало лучше, не так ли? — спросил бельгиец.

Линн молча кивнула.

— Тогда мы можем поговорить. Вернее, говорить буду я.

— Как много вам известно? — мрачно поинтересовался Роули. — Вы знаете, что я убил Чарльза Трентона?

— Да, — отреагировал Пуаро. — Я знаю это уже некоторое время.

Дверь распахнулась, и на пороге появился Дэвид Хантер.

— Линн! — воскликнул он. — Ты мне не сказала… — Он не договорил и озадаченно посмотрел на присутствующих. — Что с твоим горлом?

— Еще одну чашку, — велел Пуаро.

Роули взял чашку из кухонного шкафа, детектив наполнил ее кофе и передал Дэвиду.

— Садитесь, мистер Хантер. Выпьем кофе, и вы трое послушаете Эркюля Пуаро, который прочитает вам лекцию о преступлении. — Окинув их взглядом, он кивнул.

«Какой-то фантастический кошмар! — подумала Линн. — Это нереально!»

Казалось, все находились под властью нелепого маленького человечка с огромными усами. Все трое: Роули — убийца, Линн — его жертва, Дэвид — человек, который любил ее. Они послушно сидели, держали чашки с кофе и молча слушали.

— Что служит причиной преступлений? — задал риторический вопрос Пуаро. — Что их стимулирует? Нужна ли для этого врожденная предрасположенность? Способен ли каждый на преступление — на определенное преступление? И что происходит — я спрашивал себя об этом с самого начала, — что происходит, когда люди, ко-

торые были защищены от бед и тревог реальной жизни, внезапно лишаются этой защиты?

Я имею в виду Клоудов. Здесь присутствует только один Клоуд, поэтому я могу говорить свободно. Передо мной оказалась целая семья, членов которой обстоятельства избавили от необходимости самим держаться на ногах. Хотя у каждого была своя жизнь и профессия, они постоянно пребывали под покровительством, не зная страха, живя в полной безопасности — причем безопасности неестественной. За ними всегда стоял Гордон Клоуд.

Невозможно определить характер человека, пока он не сталкивается с испытаниями. Для большинства из нас испытания начинаются рано. Человеку быстро приходится вставать на ноги, смотреть в лицо трудностям и опасностям и находить способ с ними справляться. Это может быть прямой путь или извилистый, но в любом случае человек, как правило, рано узнает, из какого теста он сделан.

Однако Клоуды не имели возможности узнать собственные слабости, пока внезапно не лишились покровительства и не столкнулись с трудностями. Между ними и возвращением привычной безопасности стояло только одно —

жизнь Розалин Клоуд. Я абсолютно уверен, что каждый из Клоудов в тот или иной момент думал: «Если бы Розалин умерла…»

Линн поежилась. Пуаро сделал паузу, давая им время усвоить услышанное, потом заговорил вновь:

— Мысль о ее смерти приходила в голову каждому из них — я в этом не сомневался. Но приходила ли им в голову мысль о ее убийстве? И не воплотилась ли эта мысль — в одном конкретном случае — в действие? — Он повернулся к Роули: — Вы думали о том, чтобы убить ее?

— Да, — ответил тот. — Это было в тот день, когда она приходила ко мне на ферму. Кроме нас, здесь никого не было. Тогда я подумал, что легко мог бы ее убить. Она выглядела такой славной и трогательной, как телята, которых я отправлял на бойню. Они вам нравятся, но вы все равно посылаете их на смерть. Меня удивляло, что Розалин совсем не боится… Она ужаснулась бы, зная, что творится у меня в голове… Да, я думал об этом, когда взял у нее зажигалку, чтобы зажечь ей сигарету.

— Полагаю, Розалин забыла ее здесь. Так вот как она у вас оказалась?

Роули кивнул.

— Не знаю, почему я не убил ее, — задумчиво сказал он. — Это можно было выдать за несчастный случай.

— Ответ в том, что это не ваш тип преступления, — пояснил Пуаро. — Того человека вы убили в приступе ярости — к тому же вы не собирались его убивать, не так ли?

— Господи, конечно, нет! Я двинул ему в челюсть. Он упал и ударился затылком о мраморный бордюр вокруг каминной решетки. Я не мог поверить своим глазам, когда увидел, что он мертв. — Внезапно Роули с изумлением посмотрел на детектива: — Как вы об этом узнали?

— Думаю, — ответил тот, — я реконструировал ваши действия достаточно верно. Вы скажете мне, если я ошибусь. Вы пришли в «Олень», и Беатрис Липпинкотт рассказала вам о подслушанном ею разговоре. После этого вы отправились, как и говорили, к вашему дяде Джереми Клоуду узнать мнение его как юриста о сложившейся ситуации. Но там произошло нечто, заставившее вас отказаться от консультации с ним. По-моему, я знаю, в чем дело. Вы увидели фотографию…

— Да, — кивнул Роули. — На письменном столе. Я увидел сходство и понял, почему лицо этого парня показалось мне таким знакомым. Я сообразил,

что Джереми и Франсис наняли ее родственника, чтобы вытянуть деньги у Розалин. Это привело меня в бешенство. Я вернулся в «Олень», поднялся в пятый номер и обвинил этого типа в обмане. Он засмеялся и сразу во всем признался — сказал, что Дэвид Хантер попался на удочку и этим вечером должен принести деньги. У меня потемнело в глазах, когда я понял, как меня провела моя же родня. Я назвал его свиньей и набросился на него. Он упал и ударился затылком о выступ…

Последовала пауза.

— А потом? — спросил Пуаро.

— У меня в кармане была зажигалка, — медленно продолжил Роули. — Я захватил ее, собираясь при встрече вернуть Розалин. Когда я наклонился, она выпала из кармана прямо на труп, и я увидел инициалы Д.Х. Зажигалка принадлежала не Розалин, а Дэвиду. После той вечеринки у тети Кэти я чувствовал… ну, неважно. Иногда мне казалось, что я схожу с ума, — возможно, я в самом деле немного спятил. Сначала Джонни ушел на войну и погиб, а теперь Линн и этот парень… Я не могу толком объяснить, но иногда я теряю голову от гнева. Я оттащил мертвеца на середину комнаты и перевернул лицом вниз. Потом взял тяжелые стальные щипцы… Ну, обойдемся без

подробностей. Я стер отпечатки пальцев, вытер мраморный бордюр, потом перевел наручные часы на десять минут десятого и разбил их. После этого забрал его бумаги и продуктовые талоны — боялся, что по ним установят его личность, — и ушел. Мне казалось, что рассказ Беатрис о том, что она подслушала, навлечет подозрения на Дэвида…

— Спасибо, — вставил Дэвид.

— И тогда, — снова заговорил Пуаро, — вы пришли ко мне. Вы разыграли маленькую комедию, попросив отыскать свидетеля, который знал Андерхея. Для меня уже было ясно, что Джереми Клоуд сообщил своим родственникам историю, рассказанную майором Портером. Ибо почти два года вся семья лелеяла тайную надежду, что Андерхей может объявиться. Это желание повлияло на миссис Лайонел Клоуд во время ее манипуляций с доской Уиджа — разумеется, подсознательно, но этот инцидент был весьма многозначительным.

Eh bien, я показал мой «фокус». Я льстил себе, думая, что произвел на вас впечатление, хотя в действительности сам остался в дураках. Но потом майор Портер в своей комнате, предложив мне сигарету, сказал вам: «Вы ведь не курите,

верно?»

Откуда он знал, что вы не курите? Ведь он вроде бы видел вас впервые в жизни. И тогда я догадался — вы и майор Портер сговорились заранее! Неудивительно, что он так нервничал в то утро. Да, мне отвели роль простофили — я должен был привести майора Портера опознать труп. Но я не мог вечно оставаться простофилей — теперь я перестал им быть, не так ли? — Пуаро сердито посмотрел на Роули и добавил: — Но затем майор Портер отказался выполнять соглашение. Ему не хотелось давать показания под присягой на процессе по делу об убийстве, а обвинение против Дэвида Хантера главным образом основывалось на личности жертвы. Поэтому майор дал задний ход.

— Он написал мне, что больше не станет в этом участвовать, — угрюмо подтвердил Роули. — Чертов дурак! Неужели не понимал, что мы зашли слишком далеко, чтобы остановиться? Я поехал к нему, чтобы попытаться его переубедить, но опоздал. Портер предупреждал, что скорее застрелится, чем станет лжесвидетелем по делу об убийстве. Входная дверь оказалась не заперта — я поднялся и обнаружил его мертвым. Не могу передать, что я тогда почувствовал. Словно стал

дважды убийцей. Если бы он только подождал меня, позволил мне с ним поговорить…

— Там была записка? — поинтересовался Пуаро. — Вы забрали ее?

— Да, тогда я уже был готов на все. Записка была адресована коронеру. Майор писал, что дал ложные показания на дознании и что убитый — не Роберт Андерхей. Я забрал записку и уничтожил. — Роули ударил кулаком по столу. — Это походило на дурной сон! Я уже не мог остановиться. Мне нужны были деньги, чтобы получить Линн, и я хотел, чтобы Хантера повесили. Но потом — не понимаю, каким образом, — обвинение против него развалилось. Какая-то история о женщине, которая позже была с Арденом. Я все еще этого не понимаю. Что за женщина? Каким образом она могла находиться в комнате Ардена и говорить с ним, когда он уже был мертв?

— Не было никакой женщины, — сообщил Пуаро.

— Но, мсье Пуаро, — хриплым голосом возразила Линн, — ведь ее видела и слышала старая леди.

— Да, — кивнул тот. — Но что именно она видела и слышала? Старая леди видела кого-то в твидовом жакете и брюках, с оранжевым шар-

фом, повязанным на голове на манер тюрбана, с лицом, покрытым густым слоем косметики, и ярко накрашенными губами. Причем видела все это при тусклом освещении. А что она слышала? Мужской голос, произнесший: «Ну-ка, девочка, убирайся отсюда», когда «потаскушка» юркнула назад в комнату. Eh bien, миссис Ледбеттер видела и слышала мужчину! Это была изобретательная идея, мистер Хантер! — повернулся Пуаро к Дэвиду.

— Что вы имеете в виду? — резко спросил тот.

— Теперь я расскажу кое-что вам. Вы пришли в «Олень» около девяти — пришли не убивать, а платить. И что же вы там обнаружили? Человек, который вас шантажировал, лежал на полу, убитый самым зверским образом. Вы быстро соображаете, мистер Хантер, поэтому сразу поняли, что вам грозит опасность. Насколько вам было известно, никто не видел, как вы входили в «Олень», так что вашей первой мыслью было убраться оттуда как можно скорее, успеть на поезд в девять двадцать и поклясться, что вы даже не приближались к Уормсли-Вейл. Но чтобы успеть на поезд, вам пришлось мчаться через деревню. Вы неожиданно наткнулись на мисс Марчмонт и поняли, что опоздали на поезд,

увидев дым паровоза в долине. Она также — хотя вы этого не знаете — видела дым, но не поняла, что для вас это означает невозможность успеть к поезду, а когда вы сказали ей, что сейчас четверть десятого, она не усомнилась в ваших словах.

Дабы убедить ее, что вам удалось уехать, вы быстро изобрели новый план. Фактически вам пришлось заново все придумывать, чтобы отвести от себя подозрения.

Вы вернулись к «Фарроубэнку», потихоньку открыли дверь своим ключом, повязали на голову шарф вашей сестры, накрасили губы ее помадой и с помощью ее косметики загримировались, как в театре.

Потом снова отправились в «Олень», намеренно попались на глаза старой леди, которая сидела в комнате для постояльцев и чьи странности служили в гостинице пищей для сплетен, поднялись в номер 5. Услышав, что леди идет спать, вышли в коридор, затем быстро юркнули назад и громко произнесли: «Ну-ка, девочка, убирайся отсюда!» — Пуаро сделал паузу и заметил: — Недурной спектакль.

— Это правда, Дэвид? — воскликнула Линн.

Дэвид широко ухмыльнулся:

— Думаю, я добился бы успеха в женских ролях.

Видели бы вы физиономию этой старой ведьмы!

— Но как ты мог быть здесь в десять часов и звонить мне из Лондона в одиннадцать? — удивилась Линн.

Дэвид Хантер отвесил поклон Эркюлю Пуаро.

— Объяснить это предоставляю ему, — сказал он. — Человеку, который знает все. Ну, как я это проделал?

— Очень просто, — ответил тот. — Вы позвонили вашей сестре в лондонскую квартиру по телефону-автомату и дали ей точные указания. Ровно в четыре минуты двенадцатого она вызвала по телефону Уормсли-Вейл, 34. Когда мисс Марчмонт подошла к телефону, телефонистка проверила номер и сказала нечто вроде: «Вам звонят из Лондона».

Линн кивнула.

— Тогда Розалин Клоуд положила трубку, а вы, — Пуаро обернулся к Дэвиду, — тщательно отсчитав время, набрали номер Линн, произнесли, изменив голос: «Вам звонят из Лондона» — и начали разговор. При нынешней работе телефона перерыв в связи на одну-две минуты никого не удивляет.

— Так вот почему ты звонил мне, Дэвид, — проговорила девушка.

В ее спокойном голосе слышалось нечто, заставившее Хантера бросить на нее резкий взгляд. Потом он повернулся к Пуаро и развел руками:

— Вы действительно знаете все! По правде говоря, я жутко перепугался и должен был что-то придумать. Позвонив Линн, я прошагал пешком пять миль до Дэзлби, вернулся в Лондон самым ранним поездом и проскользнул в квартиру как раз вовремя, чтобы успеть смять постель и позавтракать с Розалин. Мне и в голову не приходило, что полиция ее заподозрит. И конечно, я понятия не имел, кто убил Ардена. Я просто представить себе не мог, кому это было нужно. Мне казалось, что ни у кого нет мотива, кроме меня и Розалин.

— Это была главная трудность, — признался Пуаро. — Мотив. У вас и вашей сестры был мотив для убийства Ардена. А у всех членов семьи Клоуд — мотив для убийства Розалин.

— Значит, ее убили? — воскликнул Дэвид. — Это не было самоубийство?

— Нет. Это было тщательно подготовленное убийство. Один из ее снотворных порошков на дне коробочки с бромидом заменили морфием.

— Порошок? — Дэвид нахмурился. — Вы хотите сказать, что Лайонел Клоуд…

— Нет, — покачал головой Пуаро. — Понимаете,

практически любой из Клоудов мог заменить порошок. Тетя Кэти могла это сделать прямо в приемной. Роули приносил в «Фарроубэнк» масло и яйца для Розалин. Миссис Марчмонт, Джереми Клоуд и Линн Марчмонт тоже приходили туда. И у каждого из них был мотив.

— Кроме Линн, — возразил Дэвид.

— Он был у всех нас, — подтвердила она.

— Да, — кивнул детектив. — Это и усложняло все дело. Дэвид Хантер и Розалин Клоуд имели мотив для убийства Ардена — но они не убивали его. Все Клоуды имели мотив для убийства Розалин, и тем не менее никто из них не убивал ее. Это дело всегда было неправильным от начала до конца. Розалин Клоуд убил человек, который больше всех терял с ее смертью. — Он слегка повернул голову. — Вы убили ее, мистер Хантер.

— Я? — воскликнул Дэвид. — За каким чертом мне убивать собственную сестру?

— Вы убили ее, потому что она не была вашей сестрой. Розалин Клоуд погибла во время воздушного налета на Лондон почти два года назад. Женщина, которую вы убили, была молодой горничной-ирландкой, Айлин Корриган, чью фотографию я получил сегодня из Ирландии.

Он вынул из кармана фотографию. С быстротой

молнии Дэвид выхватил ее у него, метнулся к двери, захлопнул ее за собой и был таков. Роули с гневным воплем бросился следом за ним.

Пуаро и Линн остались одни.

— Это неправда! — воскликнула девушка. — Это не может быть правдой!

— Нет, это правда. Вы видели ее половину, думая, что Дэвид Хантер не ее брат. Поменяйте все местами — представьте, что не он, а она не та, за кого себя выдает, — и вам все станет ясно. Эта Розалин была католичкой (жена Андерхея ею не была), ее мучила совесть, она была беззаветно предана Дэвиду. Представьте себе его чувства в ночь воздушного налета: сестра погибла, Гордон Клоуд умирает, новая, беззаботная и обеспеченная жизнь ускользает от него — и вдруг он видит девушку одного возраста с Розалин, контуженную и потерявшую сознание, но пережившую бомбардировку вместе с ним. К тому времени она уже, несомненно, была его любовницей, и Дэвид мог заставить ее делать все, что захочет. У него был подход к женщинам, — сухо добавил Пуаро, не глядя на покрасневшую Линн. — Дэвид воспользовался шансом наудачу. Он опознал горничную как свою сестру. Придя в сознание, она обнаружила его сидящим у ее постели. Он

убедил ее сыграть отведенную ей роль.

Но представьте себе их испуг, когда пришло письмо от Еноха Ардена. Я все время спрашивал себя: неужели такой человек, как Хантер, мог так легко позволить себя шантажировать? К тому же казалось, что он не уверен, является ли шантажист Андерхеем или нет. Но как он мог не быть в этом уверен? Ведь Розалин Клоуд могла сразу сказать ему, был ли этот человек ее первым мужем. Зачем было отсылать ее в Лондон, прежде чем она успела на него взглянуть? Только по одной причине — Дэвид не мог рисковать, позволив этому человеку встретиться с ней. Если незнакомец — Андерхей, он не должен узнать, что Розалин Клоуд на самом деле вовсе не Розалин. Остается одно — потихоньку уплатить шантажисту, а потом побыстрее уехать в Америку.

Но неожиданно шантажиста убили, а майор Портер опознал в нем Андерхея. Еще никогда в жизни Дэвид Хантер не оказывался в столь трудном положении! Дело ухудшало и то, что девушка начала сдавать. Ее мучила совесть, она была на грани срыва. Рано или поздно могла во всем сознаться и подставить его. К тому же ее любовь ему наскучила — он влюбился в вас. И тогда Дэвид решил убить Айлин. Заменив

морфием один из порошков, прописанных ей доктором Клоудом, он уговорил ее принимать их ежедневно перед сном, внушил ей страх перед семейством Клоуд. Никто не должен был заподозрить Дэвида Хантера, так как смерть его сестры означала, что ее деньги вернутся к Клоудам. Это была его козырная карта — отсутствие мотива. Как я говорил вам, дело было неправильным с начала до конца.

Дверь открылась, и вошел суперинтендент Спенс.

— Eh bien? — быстро отреагировал Пуаро.

— Все в порядке, — ответил Спенс. — Мы его схватили.

— Он… сказал что-нибудь? — спросила Линн.

— Сказал, что он хорошо бы попользовался деньгами. Забавно, — улыбнулся суперинтендент, — как они всегда становятся разговорчивыми в неподходящий момент… Конечно, мы его предупредили, что все сказанное может быть использовано против него. Но он ответил: «Бросьте, приятель! Я игрок — и знаю, когда проиграл».

— «В делах людей прилив есть и отлив, — пробормотал Пуаро. — С приливом достигаем мы успеха…» Да, прилив несет нас к удаче, но отлив может унести в открытое море.

Глава 17

Было воскресное утро, когда Роули Клоуд, услышав стук в дверь и открыв ее, увидел стоящую на крыльце Линн.

Он шагнул назад.

— Линн!

— Могу я войти, Роули?

Он не знал, что ответить. Девушка прошла мимо него на кухню. Она пришла из церкви, и на ней была шляпа. Медленно, почти ритуальным жестом, Линн подняла руки, сняла шляпу и положила ее на подоконник.

— Я пришла домой, Роули.

— Что ты имеешь в виду?

— Только это. Я пришла домой. Мой дом здесь, с тобой. Я была глупой, не зная этого раньше — не зная, что путешествие подошло к концу.

— Ты сама не понимаешь, что говоришь, Линн. Я… я пытался убить тебя!

— Знаю. — Она поморщилась и провела пальцем по горлу. — Как раз в тот момент я и подумала, какой дурой была!

— Не понимаю, — заявил Роули.

— Не будь таким глупым. Я всегда хотела выйти

за тебя замуж, верно? Но потом потеряла с тобой контакт — ты казался таким ручным и кротким, и я чувствовала, что жизнь с тобой будет безопасной… и скучной. Я влюбилась в Дэвида потому, что он казался опасным и привлекательным, и, честно говоря, потому, что он хорошо знал женщин. Но все это было ненастоящим. Когда ты схватил меня за горло и сказал, что если я не буду твоей, то не достанусь никому… ну, я поняла, что мне нужен ты! К сожалению, мне казалось, что я умираю и уже слишком поздно… Хорошо, что Эркюль Пуаро пришел и спас положение. Теперь я твоя, Роули!

Он покачал головой:

— Это невозможно, Линн. Я убил двух человек…

— Чепуха! — возразила Линн. — Не будь таким упрямым и мелодраматичным. Если ты поссорился со здоровым крепким мужчиной и ударил его, а он упал и разбил голову о каминную решетку, это не убийство — даже с юридической точки зрения.

— Это непреднамеренное убийство. За него сажают в тюрьму.

— Возможно. Если так, я буду стоять у дверей тюрьмы, когда тебя выпустят.

— А Портер? Я морально ответствен за его смерть.

— Вовсе нет. Он был взрослым человеком и мог отвергнуть твое предложение. Нельзя винить другого за то, что он совершает добровольно, находясь в здравом уме. Ты предложил ему бесчестный поступок, майор согласился, но потом раскаялся и прибегнул к самому быстрому выходу из положения. Портер был просто слабохарактерным.

Роули упрямо покачал головой:

— Это не пойдет, старушка. Ты не можешь выйти замуж за заключенного.

— Не думаю, что ты попадешь в тюрьму. Иначе тебя уже арестовали бы.

Он уставился на нее:

— Но, черт возьми, непредумышленное убийство, подкуп Портера…

— Почему ты думаешь, что полиция обо всем этом знает или когда-нибудь узнает?

— Знает этот парень — Пуаро.

— Он не полиция. Я скажу тебе, что думают в полиции. Они считают, что Дэвид Хантер убил не только Розалин, но и Ардена, зная, что он был в тот вечер в Уормсли-Вейл. Ему не предъявили обвинение в убийстве Ардена потому, что в этом

нет необходимости, — а кроме того, по-моему, нельзя арестовать дважды по одному обвинению. Но пока они думают, что это сделал он, они не станут искать кого-то другого.

— Но этот Пуаро…

— Он говорил суперинтенденту, что это был несчастный случай, а суперинтендент только посмеялся над ним. Если хочешь знать мое мнение, то Пуаро никому ничего не расскажет. Он такой симпатичный…

— Нет, Линн, я не могу позволить тебе рисковать. Помимо всего прочего, я… ну, не могу быть уверенным в самом себе. Я имею в виду, что жизнь со мной будет небезопасной для тебя.

— Может быть. Но я люблю тебя, Роули. Ты пережил сущий ад, а я никогда особенно не стремилась к безопасности…